О ПОДЛИННОСТИ И ЦѢЛОСТИ

СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ

ПРОРОКОВЪ:

ИСАІИ, ІЕРЕМІИ, ІЕЗЕКІИЛЯ

И

ДАНІИЛА.

Соч. А. Бухарева.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Манухина.
1864.

Дозволено цензурой. Москва. 17-го Марта 1864 года.

Въ Типографіи Бахметева.

2007098106

О всѣхъ четырехъ книгахъ Святыхъ Большихъ Пророковъ.

Книги Св. Пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Даніила, соединяемыхъ обыкновенно вмѣстѣ подъ общимъ именемъ «*Большихъ*» Пророковъ, составляютъ поэтому, въ ряду пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, нѣкоторое особое отдѣленіе, отличаемое отъ отдѣла книгъ двѣнадцати «*Меньшихъ*» Пророковъ (*). Эти четыре пророческія книги и располагаются въ Библіи съ хронологическою послѣдовательностію одной за другою, особо отъ порядка слѣдующихъ за ними двѣнадцати книгъ, «Меньшихъ» Пророковъ, которыя и въ древности помѣщались то же въ своемъ особомъ порядкѣ, только прежде книгъ «Большихъ» Пророковъ. Потому и изслѣдованія подлинности и цѣлости книгъ

(*) Названіе „Большихъ“ и „Меньшихъ,“ въ отношеніи къ Св. Пророкамъ, указываетъ только на раздѣленіе тѣхъ и другихъ между собою, идущее изъ древности отъ Св. Отцевъ (какъ увидимъ ниже) и основанное только на болѣе разнообразной и возвышенной объемлемости пророчествъ у однихъ сравнительно съ другими; достоинство же слова Божія у всѣхъ Пророковъ, очевидно, одно и то же. Впрочемъ, самое названіе „Большихъ“ и „Меньшихъ“ не древнее.

Библиотека

«Большихъ» Пророковъ, представляютъ свой особый отдѣлъ библіографическихъ изслѣдованій Св. Писанія.

Вопросы о подлинности и цѣлости св. книгъ у насъ въ Русской мыслительности—совсѣмъ не въ такомъ ходу, какъ на западѣ. Мы взяли ихъ въ свои экзегетическіе по Св. Писанію труды уже готовыми и разработанными съ запада, гдѣ по этимъ вопросамъ давно подняты жаркія битвы. Дѣло Русской мысли, очевидно, не повторять борьбы, уже совершившейся и совершающейся по этому предмету у собратьевъ нашихъ на западѣ, а воспользоваться плодами и результатами этой борьбы, чтобы пустить ихъ въ оборотъ у себя для дальнѣйшаго развитія и православнаго довершенія дѣла науки о Св. Писаніи. Потому въ предлагаемыхъ здѣсь изслѣдованіяхъ, мы не входимъ во всѣ обстоятельныя частности по вопросамъ о подлинности и цѣлости священныхъ книгъ четырехъ «Большихъ» Пророковъ; исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано только для книги Пророка Даніила и одной части въ книгѣ Пророка Исаіи, о которыхъ живыя недоразумѣнія приходится слышать и у насъ. Книга Пр. Даніила—это, по отношенію къ пророчественной своей части, есть Апокалипсисъ Ветхаго Завѣта, или такое откровеніе о будущихъ судьбахъ, которое, освѣтясь уже совершеніемъ предреченныхъ событій, представляетъ въ себѣ нѣчто похожее на исторію этихъ событій и судебъ: такъ—многосторонне и свѣтло они предуказаны Словомъ Божіимъ чрезъ Даніила.

И вотъ мысль, еще невѣдущая истины во Христѣ, напрягаетъ всѣ усилія, даже до странныхъ придирокъ, чтобы заподозрить для себя подлинность этой пророческой книги, и тѣмъ успокоиться въ своемъ невѣдѣніи и отверженіи истины. Равно и помянутая выше часть книги Пр. Исаіи указываетъ, за долго до плѣна вавилонскаго, со всею точностію не только на этотъ плѣнъ, но и на конецъ его, и даже на самое имя освободителя народа Божія—Кира; указываетъ на все это съ торжественнымъ провозглашеніемъ того, кто бы могъ узнать и раскрыть это кромѣ Единаго, объемлющаго всѣ судьбы всѣхъ временъ, истинно — Перваго и Послѣдняго.... Что же?—Мысль, не знающая еще, какъ слѣдуетъ, и не хотящая узнать Этого Перваго и Послѣдняго, ухитрилась произвольно раздѣлить одного Исаію на два Исаіи, одного—современнаго Езекіи, а другаго — современнаго Киру. Такія сужденія кое-гдѣ проскользали какъ-то у насъ и въ печати, въ нашей журналистикѣ. Поэтому, мы и останавливаемся, съ особенною обстоятельностію изслѣдованій, на этой части книги Исаіи и на книгѣ Пр. Даніила. Относительно же всего прочаго въ книгахъ «Большихъ» Пророковъ предлагаемъ, можно сказать, не болѣе *итоговъ*, подведенныхъ къ готовой уже разработкѣ вопросовъ о подлинности и цѣлости св. книгъ.

Наше православное понятіе объ этихъ книгахъ, какъ о само-подлинномъ и неповрежденномъ отдѣлѣ Слова Божія, выражено въ слѣдующихъ правилахъ, утвержденныхъ для руководства вселен-

ской церкви Христовой, шестымъ вселенскимъ Соборомъ (2 прав.). Прежде всего въ правилахъ Апостольскихъ (именно 85 прав.) читаемъ: «*для всѣхъ васъ, принадлежащихъ къ клиру и мірянъ, чтимыми и святыми да будутъ книги «Ветхаго Завѣта»;* и далѣе, въ подробномъ и точномъ исчисленіи этихъ книгъ, значится прямо: «*Исаіи едина, Іереміи едина, Іезекіиля едина, Даніила едина.* Потомъ, въ правилахъ Лаодикійскаго Собора (именно 60 прав.) находимъ тоже: «*читати подобаетъ книги сіи — Ветхаго Завѣта*», и въ дальнѣйшемъ ихъ исчисленіи: «*Исаія, Іеремія,.... Іезекіиль, Даніилъ*». Св. Аѳанасій Великій (въ 39 посланіи о праздникахъ) говоритъ: «*изволися и мнѣ, побужденному истинными братіями и познавшему, сначала по ряду изложити, какія книги приняты въ канонъ, преданы и вѣруются быти Божественными*»; и за тѣмъ, между книгами Ветхаго Завѣта обозначаетъ книги «Большихъ» Пророковъ именами послѣднихъ: «*потомъ Исаія, Іеремія... а по нихъ Іезекіиль и Даніилъ.*» Св. Григорій Богословъ (въ стихахъ о томъ, какія должно читать книги В. и Н. Завѣта), сведя книги двѣнадцати «Меньшихъ» Пророковъ въ *одну* книгу, продолжаетъ о пророческихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ: «*вторая же Исаіи, потомъ Іеремія, призванный отъ младенчества, потомъ Іезекіиль и Даніилова благодать.*» Такъ и Св. Амфилохій (къ Селевку о томъ, какія книги пріемлются) говоритъ: «*наименую тебѣ каждую изъ Боговдохновенныхъ книгъ*», и въ ряду пророческихъ книгъ,

послѣ указанія на книги «Меньшихъ» Пророковъ, такъ указываетъ на книги «Большихъ» Пророковъ: «*послѣ нихъ познавай четырехъ Пророковъ: великаго Исаію, дерзновенно глаголавшаго, Іеремію, сострадущаго, таинственнаго Іезекіиля, и послѣдняго Даніила, дѣломъ и словомъ премудраго.*» Эти церковныя правила, выражая наше вѣрованіе относительно этихъ св. книгъ, представляютъ въ себѣ вмѣстѣ и свидѣтельство вселенской Христовой Церкви, о самоподлинности и неповрежденности отдѣла Слова Божія, обнимающаго книги Св. Пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Даніила. О подлинности и цѣлости этихъ книгъ, взятыхъ въ своей общности, и довольно сказаннаго. Церковь, непрерывно продолжающаяся въ Новомъ Завѣтѣ и принявшая сокровище ветхозавѣтнаго Слова Божія, непосредственно изъ Ветхаго Завѣта, подъ водительствомъ котораго, она же сама проходила свое также непрерывное существованіе, только подъ образами и тѣнями благодати, — есть достаточная свидѣтельница истины, если только имѣлъ бы кто въ виду и одну ея непрерывность, и вмѣстѣ призваніе членовъ ея именно къ вѣрности предъ истиною — во всѣ времена, свидѣтельствуемое памятниками самыхъ этихъ временъ.

Приступимъ къ изслѣдованію подлинности и цѣлости каждой изъ четырехъ пророческихъ книгъ особо.

—

О книгѣ Св. Пророка Исаіи.

Что книга Исаіи дѣйствительно написана именно этимъ Св. Пророкомъ, доказательства на это вообще такъ сильны и рѣшительны, какъ можно только пожелать. Они *внутреннія* въ самой книгѣ, и *внѣшнія*.

Къ *внутреннимъ* признакамъ происхожденія книги во всей ея цѣлости отъ Пророка Исаіи относится то: a) что онъ въ разныхъ мѣстахъ книги и прямо поименованъ Исаіею, сыномъ Амосовымъ, и представленъ пріемлющимъ отъ Бога и возвѣщающимъ людямъ Его откровенія (такъ въ 1-й, 2-й, 7-й, 13-й, 20-й, 36—39-й глав.); b) всѣ обстоятельства Пророка, взятыя изъ книги, соотвѣтствуютъ времени именно Исаіи. Такъ Пророкъ этой книги пророчествуетъ при Озіи, Іоаѳамѣ, Ахазѣ и особенно при Езекіи, по случаю нашествія Ассиріянъ. Обстоятельства сихъ царей, представленныя у Исаіи, подтверждаются свидѣтельствами историческихъ свящ. книгъ (царствъ и Паралипоменонъ), которыя притомъ представляютъ и Исаію Пророка дѣйствующимъ въ нѣкоторыхъ изъ сихъ событій, и именно такъ, какъ то изображено и въ книгѣ Исаіи (напр., при нашествіи Сеннахирима). Согласіе же c) всѣхъ частей книги по характеристическимъ чертамъ содержанія, слога и языка показываетъ, что вся книга, не смотря на несвязность нѣкоторыхъ частей

между собою, принадлежитъ одному Пророку. Такъ изъ соображенія содержанія всѣхъ отдѣленій книги видно, что Пророкъ живетъ и пророчествуетъ еще при внѣшней цѣлости гражданскаго и церковнаго устройства іудеевъ, но уже видитъ руку Божію, поднятую надъ ними за ихъ нечестіе, сначала наказующую кратковременно, и за тѣмъ готовую нанести рѣшительное истребленіе нечестивымъ, и потрясти всѣ царства современнаго развращеннаго міра. Притомъ однако, онъ провидитъ чрезвычайное обиліе благодатнаго свѣта, имѣющаго съ Сіона распространиться на весь міръ, и потому не столько предается негодованію на нечестивыхъ и скорби объ ихъ наказаніи, сколько восторгу за спасеніе Израиля и всего міра, и радостному благоговѣнію предъ величіемъ и славою Іеговы. Въ пророчествахъ всей этой книги, тайны будущаго раскрываются часто съ ясностію и опредѣленностію, свойственною историкамъ; слогъ возвышенный и торжественный; рѣчь изящная, витіеватая, обилующая образами и сравненіями, показывающая въ Св. Писателѣ опытныя свѣдѣнія столько же о принадлежностяхъ высшаго общества, сколько и о предметахъ внѣшней природы. Все это (что при изученіи книги открыто намъ въ достаточной полнотѣ) даетъ писателю всѣхъ частей книги выраженіе одного опредѣленнаго лица, отличнаго отъ прочихъ Св. Писателей. А потому всѣ части книги принадлежатъ одному Св. Писателю, который отличается особенно-свѣтлыми и возвышенными Духоносными созерцаніями и который въ книгѣ поименованъ прямо,

какъ и по историческимъ соображеніямъ оказывается,—Исаія сынъ Амосовъ.

Что касается до *внѣшнихъ* свидѣтельствъ о подлинности и св. значеніи книги Пророка Исаіи,—то 1) весь Новый Завѣтъ, можно сказать, испещренъ—частію въ полномъ составѣ приводимыми изъ разныхъ частей книги текстами, съ прямымъ указаніемъ на Исаію и на Духа Божія, глаголавшаго въ немъ, частію мыслями и выраженіями, заимствованными изъ этой книги (послѣднее особенно въ Апокалипсисѣ). 2) И прежде того еще въ Ветхо-Завѣтной церкви, Сирахъ (XLVIII, 25—28.) показываетъ въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ священное достоинство Пророка Исаіи, и содержаніе его книги, какъ подлинныя его пророчества: *Исаія Пророкъ великій и вѣренъ въ видѣніи своемъ. Во днехъ его воспятися солнце, и приложи (онъ) житія цареви: Духомъ великимъ видѣ послѣдняя и утѣшни сѣтующія въ Сіонѣ: даже до вѣка показа будущая и сокровенная, прежде неже пріити имъ.* Далѣе, изъ Іудеевъ же Филонъ и Іосифъ Флавій называютъ Исаію—первый «древнимъ Пророкомъ», а послѣдній «Божественнымъ и чуднымъ по истинѣ Пророкомъ»;—Флавій, кромѣ того, свидѣтельствуетъ, что пророчествами Исаіи о Кирѣ, этотъ самый царь персидскій и былъ побужденъ возвратить іудеевъ изъ плѣна. Пророчества о Кирѣ дѣйствительно находятся въ книгѣ Исаіи. Слѣд. Флавій не сомнѣвался въ происхожденіи этой книги отъ Исаіи, признавая его, также какъ и Филонъ, за Боговдохновеннаго писателя—за Пророка. 3) Въ

Христіанской церкви Исаію, какъ Боговдохновеннаго Писателя извѣстной книги, превозносятъ великими похвалами. Говоря объ Исаіи, и именно въ отношеніи къ его книгѣ, св. Аѳанасій и Григорій Богословъ называютъ его «громогласнѣйшимъ изъ Пророковъ», Евсевій—«великимъ и чуднымъ Пророкомъ»; Бл. Іеронимъ видитъ въ немъ не только Пророка, но и Евангелиста и Апостола, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ о немъ: «мнѣ кажется, что Исаія составилъ не пророчество, но Евангеліе («Non prophetiam mihi videtur texere Esaiam, sed Evangelium»). Подобно ему замѣчаетъ и Блаженный Августинъ, что, по мнѣнію многихъ, Исаія за свои многочисленныя пророчества о Христѣ и церкви, заслуживаетъ болѣе имени Евангелиста, нежели Пророка. Когда же Августинъ, по своемъ обращеніи, спросилъ Амвросія Медіоланскаго, какую изъ св. книгъ преимущественно должно читать ему, то Св. Епископъ указалъ ему на Исаію, и присовокупилъ: «это потому, что онъ открытѣе прочихъ Пророковъ предвозвѣстилъ Евангеліе и призваніе языковъ («Quod prae coeteris Evangelii vocationis et gentium sit praenuntiator apertior.)» Не говоримъ уже о свидѣтельствѣ церковныхъ правилъ, утвержденныхъ вселенскимъ Соборомъ и прежде уже у насъ приведенныхъ. И такъ подлинность происхожденія разсматриваемой нами книги отъ Исаіи, и притомъ какъ отъ Пророка или Боговдохновеннаго писателя, издревле признавалась несомнѣнно.

Вопросъ о томъ, сохранилась ли въ той цѣлости

эта книга, въ какой она вышла изъ рукъ или самаго Пророка или собиравшихъ его пророчества, тоже пророковъ (о чемъ прямое свидѣтельство дается Іосифомъ Флавіемъ),—этотъ вопросъ существенно связанъ съ дѣломъ пререканій противъ значительной части книги. Эту часть Исаіиныхъ пророчествъ пререкатели относятъ къ другому Исаіи, современнику уже конца плѣна вавилонскаго; и так. об. книга составилась будто бы изъ разновременныхъ и разноавторскихъ книгъ, случайно и произвольно склеенныхъ въ одну книгу. Какова ужъ тутъ цѣлость книги! Надо тщательно разобрать все дѣло этихъ пререканій въ особомъ изслѣдованіи.

—

О пререкаемой части книги Св. Пророка Исаіи.

Эта часть книги Исаіиной (начин. отъ XL гл. до конца книги) принадлежитъ къ самымъ важнымъ, по содержанію, отдѣленіямъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта. Нигдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ не изображается такъ величественно то время, когда лучшіе израильтяне вмѣстѣ съ лучшими язычниками должны соединиться въ одну церковь—церковь христіанскую; нигдѣ Ходатай Новаго Завѣта не видѣнъ такъ явственно, въ чудномъ уничиженіи своемъ и въ полной славѣ Единороднаго Сына Божія, какъ въ пререкаемой части книги пророчествъ Исаіи. Къ

ней-то преимущественно относится замѣчаніе Блаженнаго Іеронима, что Исаія не столько Пророкъ, сколько Евангелистъ (*).

И вотъ такое важное значеніе сихъ пророчествъ и усиливаются нѣкоторые изъ новѣйшихъ подорвать или ослабить (**). Они, какъ уже мы и выше говорили, по поводу прямыхъ и обстоятельныхъ указаній въ сей части книги на вавилонскій плѣнъ и на его окончаніе, на паденіе Вавилона и освобожденіе іудеевъ именно Киромъ, приписываютъ ее (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, подобнаго содержанія, отдѣленіями книги XIII—XIV, 23; XXI, 1-9), какому-либо другому писателю, жившему при концѣ вавилонскаго плѣна, а не Исаіи, современнику Ахаза и Езекіи, и въ этомъ полагаютъ первое для себя основаніе къ превратному толкованію возвышеннѣйшихъ пророчествъ, содержащихся въ ней.

Высокая важность пророчествъ, содержащихся въ пререкаемой части книги Пророка Исаіи и самая цѣлость всей книги требуютъ того, чтобы подлинность ея была тщательно изслѣдована и твердо доказана.

Настоящее изслѣдованіе можетъ быть расположено въ такомъ порядкѣ: I) сначала представимъ внѣшнія свидѣтельства о подлинности этой части Исаі-

---

(*) Hieron praef. in Es.

(**) Кавне, въ концѣ прошедшаго столѣтія, замѣтилъ объ одной только 50 главѣ, что писатель ея могъ быть Іезекіиль, или другой Пророкъ, жившій въ плѣну. Но за нимъ другія сомнѣнія о подлинности распространили на всю меньшую половину книги.

иныхъ пророчествъ; потомъ II) въ ней самой укажемъ признаки ея подлинности, и наконецъ III) испытаемъ силу возраженій противъ подлинности и дознаемъ совершенную недостаточность какихъ бы ни было основаній—относить означенную часть книги къ позднѣйшему писателю, а не къ Исаіи.

Внѣшнія свидѣтельства о подлинности ея.

Свидѣтельствъ о подлинности пререкаемой части Исаіиной книги противники ея подлинности или вовсе не брали во вниманіе, или, и брали, но не вникали въ ихъ важность. Между тѣмъ, они и многочисленны и важны.

а) Уже то самое, что пререкаемое пророчественное отдѣленіе содержится въ книгѣ Исаіи, составляетъ не оспоримой важности свидѣтельство о происхожденіи сего отдѣленія точно отъ этаго Пророка. Это свидѣтельство даютъ тѣ самые, которыми сначала обнародована была для церкви книга въ настоящемъ ея видѣ, и потомъ кѣмъ весь составъ св. книгъ ветхаго завѣта приведенъ въ настоящій свой видъ. Не должно, притомъ, опускать изъ вида и другихъ отдѣленій книги подобнаго же содержанія, которыя находятся во внутренней связи со второю частію и подлежатъ однимъ и тѣмъ же пререканіямъ. Сіи отдѣленія находятся въ разныхъ мѣстахъ книги, и одно изъ нихъ имѣетъ даже особое надписаніе, съ указаніемъ на самое имя Исаіи: *видѣніе на Вавилона, еже видѣ Исаіа сынъ Амосовъ* (13, 1.). Такимъ образомъ свидѣтельство о подлинности сихъ пророчествъ, взятое отъ помѣщенія ихъ въ книгѣ Исаіи, становится тѣмъ настоятельнѣе.

Какъ важно и сильно такое свидѣтельство, видно изъ того, во первыхъ, что вообще пересматривать и издавать св. книги, по свидѣтельству Флавія (*), никому не дозволялось кромѣ пророковъ, знавшихъ истину (кромѣ обыкновенныхъ способовъ дознанія) по Божественному вдохновенію; и равно окончательное собраніе всѣхъ св. книгъ приналлежитъ, по преданію (**), также Богодухновенному мужу—Ездрѣ. Притомъ, во вторыхъ, это окончательное собраніе и изданіе св. канона произошло уже вскорѣ послѣ плѣна вавилонскаго, къ концу котораго хотѣли бы нѣкоторые отнести происхожденіе второй части Исаіиныхъ пророчествъ. Посему не только первымъ издателямъ книги въ нынѣшнемъ ея видѣ, но и собирателямъ всего св. канона даже по естественному порядку вещей не свойственно и самимъ признать и въ особенности выдать цѣлому народу за произведенія Исаіи вторую часть книги, если бы она появилась столь недавно. Это тѣмъ невѣроятнѣе, что, въ концѣ плѣна и въ первое время послѣ него, іудеи являли въ себѣ духъ особеннаго благочестія и вѣрности Богу, слѣд. и его истинѣ. И сверхъ всего этаго, въ третьихъ, христіанинъ не можетъ сомнѣваться, что самъ Богъ, бдящій надъ своею церковію, не допустилъ бы под-

---

(*) Contra Apion. lib. 1. §§ 7 и 8.

(**) Преданіе, принятое не только всѣми іудеями, но и св. отцами Христіанской Церкви, каковы: Ириней advhaeres. eip III. c. 21.), Василій Великій (письмо къ Хилону), Златоустъ (на посл. къ Римл. VIII и къ Евр.) и друг.

лога въ св. книгѣ, назначенной быть всеобщимъ непогрѣшительнымъ руководствомъ къ Божественной истинѣ.

б) Далѣе, въ писаніяхъ пророковъ, которые жили до вавилонскаго плѣна, или только въ началѣ его, можно находить многія и ясныя указанія на то, что они уже знали пророчества Исаіи, содержащіяся въ послѣдней части его книги (*). Представимъ

(*) Вообще нельзя не примѣчать нѣкотораго какъ бы заимствованія позднѣйшихъ Св. Писателей у предшествовавшихъ. И оно совершенно достойно богодухновенныхъ мужей. Ибо, а) если Св. Духу угодно было не изглаждать въ нихъ впечатлѣнія воспитанія и разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а освящая, употреблять оныя для своихъ цѣлей: то тѣмъ свойственнѣе впечатлѣніямъ отъ чтенія священныхъ книгъ сохраняться и оживляться въ богодухновенныхъ мужахъ. Кромѣ того b) чрезъ такое заимствованіе Св. Писатели самымъ дѣломъ или собственнымъ примѣромъ внушаютъ ту истину, что свящ. книгами должно пользоваться, какъ Божественнымъ руководствомъ къ истинѣ и добру. Точно такъ и поступали, по внушенію Св. Духа, сами Св. Писатели, когда прямо, или не прямо, ссылались другъ на друга.

Что касается второй части Исаіиной книги, нельзя допустить, что не другіе пророки ссылались на пророчества той части, а на оборотъ, писатель послѣдней заимствовался у другихъ пророковъ. Такъ думать отнюдь не позволяетъ необыкновенная глубина и сила пререкаемыхъ пророчествъ, свидѣтельствующая о независимой самостоятельности изрекшаго ихъ Пророка. Ибо въ органахъ Св. Духа, Св. пророкахъ и апостолахъ замѣчается, что, при одинаковомъ божеств. вдохновеніи, одни изъ нихъ въ словесномъ духоносномъ же изображеніи боговдохновенныхъ мыслей отличаются особенно твердою самостоятельностію (напр. Ап. Павелъ), другіе же не столько являютъ въ себѣ оную (напр. сл. посл. Ап. Іуды съ 2 посл. Ап. Петра).

доказывающіе это примѣры, начавъ отъ позднѣйшихъ пророковъ и восходя ко времени Исаіи.

Пророкъ Іезекіиль, который вступилъ въ пророческое служеніе въ началѣ вавилонскаго плѣна, примѣтно зналъ перекаемыя нынѣ пророчества Исаіи. Такъ, напр., предрекая опустошеніе Египта (въ 32 гл.), Пророкъ изображаетъ гибель египетскаго царя тѣми же рѣзкими и знаменательными чертами, какими Исаія изобразилъ паденіе вавилонскаго царя (въ 13 и 14 гл.). Именно, Исаія видѣлъ и представлялъ низверженіе вавилонскаго завоевателя въ подземную обитель умершихъ; слышалъ, какъ *исполины*, прежде сошедшіе сюда, говорили ему: *и ты плѣненъ еси, якоже и мы, и въ насъ вмѣненъ еси.* Подобно и Іезекіиль представляетъ египетскаго властелина низверженнымъ вмѣстѣ съ нисходящими въ пропасть (32, 18 сн. 32 ст.): *и рекутъ ти исполини*, продолжаетъ Пророкъ свою плачевную рѣчь на Фараона, *въ глубинѣ пропасти буди: кого лучши еси ты? Сниди и лязи съ необрѣзанными* и пр. Въ томъ же пророчествѣ, Іезекіиль отъ предрекаемыхъ Египту казней съ быстротою устремляетъ свой взоръ на кончину міра и время страшнаго суда Божія надъ всѣми нечестивцами: *и помрачу звѣзды его* (неба), *солнце въ облацѣ сокрыю, луна не явитъ свѣта своего: вся свѣтила небесная помрачу* (ст. 7 и 8.). Тоже самое пророчественное представленіе и почти тѣ же слова находятся у Исаіи въ перекаемомъ пророчествѣ: *звѣзды небесныя и оріонъ и все украшеніе небесное свѣта своего не дадятъ*,

и помрачится солнце возсіявающее, и луна не дастъ свѣта своего (Иса. 13, 9. 10.).

Пророкъ Іеремія, проходившій пророческое служеніе при послѣднихъ царяхъ іудейскихъ и видѣвшій разрушеніе Іерусалима и храма, особенно часто обращался къ перекаемой части пророчествъ Исаіи. Такъ Іеремія въ пророчествѣ противъ Вавилона, содержащемся въ 50 и 51 гл., примѣтно имѣлъ въ виду перекаемую часть пророчествъ Исаіи, напримѣръ: *изыіди отъ Вавилона бѣжай отъ халдеевъ*, говоритъ Исаія (48, 20.). *Отъ идите отъ среды Вавилона, и отъ земли халдейскія изыидите*, повторяетъ Іеремія (50, 8.). *Паде, паде, Вавилонъ... болѣзнующіи услышите*, взываетъ громогласный Исаія въ пророчествѣ, которое сами противники соединяютъ со второю частію Исаіиной книги (въ 21 гл.). *Внезапу паде Вавилонъ и сокрушися, плачите по немъ* какъ бы вторитъ ему Іеремія (51, 8.). *Посрамятся вси созидающіи бога и ваяющіи вси неполезная... не увѣдаша смыслити*, обличаетъ идолопоклонниковъ Исаія (44, 10. 18.). *Обуя всякъ человѣкъ отъ разума, посрамися всякъ сліятель отъ изваяній своихъ.... суетна суть дѣла*, отзывается о нихъ же Іеремія (51, 17. 18.). Такъ и въ другой пророческой рѣчи Іереміи (въ гл. 10.) безсиліе и ничтожность языческихъ боговъ изображается тѣми же чертами, какими изображено это у Исаіи (44, 8-20). Отпечатокъ мыслей и выраженій Исаіиныхъ (изъ 2 части книги его), какой видѣнъ у Іереміи въ цѣлыхъ главахъ, замѣчается и въ отдѣльныхъ текстахъ.

Напримѣръ: *не постигнетъ ихъ правда*, говоритъ Исаія о развращенныхъ іудеяхъ (59, 9.),—*ждущимъ имъ свѣта бысть имъ тма, ждуще зари, во мрацѣ ходиша.* Сіи послѣднія слова почти буквально повторяетъ Іеремія о тѣхъ же іудеяхъ: *дадите Господу Богу вашему славу прежде неже не смеркнется... и пождете свѣта, и тамо сѣнь смертная, и положени будутъ во мракъ* (13, 16.). *Много беззаконіе наше предъ Тобою*, исповѣдуетъ предъ Богомъ Исаія за весь свой народъ, *и грѣси наша противуставша намъ* (59, 12). *Беззаконія наша противуставша намъ*, повторяетъ Іеремія, и притомъ также въ исповѣданіи предъ Богомъ: *яко мнози грѣси наша предъ Тобою* (14, 7.).

Пророкъ Софонія, пророчествовавшій въ первые годы іудейскаго царя Іосіи, также уже зналъ 2-ю часть книги Исаіи. *Сей градъ презорливый*, говоритъ Софонія о Ниневіи, *живяй на упованіи, глаголяй въ сердцы своемъ: азъ есмь, и нѣсть по мнѣ еще* (2, 15.). Сіе обличеніе почти слово въ слово взято изъ пророчества Исаіи противъ Вавилона: *нынѣ же слыши сіе юная, сѣдящая, уповающая, глаголющая въ сердцы своемъ: азъ есмь, и нѣсть иныя* (Иса. 47, 8.). Можно примѣчать тоже и въ книгѣ Аввакума, который пророчествовалъ, какъ полагаютъ, еще въ первые годы Манассіи: изображеніе идолослуженія у сего Пророка (2, 18. 19), есть не что̀ иное, какъ сокращеніе сказаннаго Исаіею (44, 9—27.). Пророкъ Наумъ, проходившій свое служеніе, вѣроятно, не долго спустя послѣ паденія израильскаго царства, и

слѣд. весьма *близко ко времени* Исаіи, также уже, примѣтно, читалъ пророчества Исаіи послѣдней части. Мѣсто въ книгѣ Наума: *се на горахъ ноги благовѣствующаго миръ* (1, 5.),—есть буквальное указаніе на пророчество Исаіи: *коль красны на горахъ ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (52, 7.).

Наконецъ, достойно особеннаго вниманія, что пророчества Исаіи, содержащіяся во второй части, рѣзко отпечатлѣлись даже въ книгѣ современнаго Исаіи Пророка Михея, который и вообще имѣетъ близкое сродство съ Исаіею (*). Такъ Исаія въ 58 гл. 1 ст. взываетъ къ Богопосланному проповѣднику: *возопій крѣпостію и не пощади; яко трубу возвыси гласъ твой, и возвѣсти людемъ моимъ грѣхи ихъ, дому Іаковлеву беззаконія ихъ.* На сей гласъ точно отзывается Михей: «я исполненъ силы Духа Іеговы, правдивости и крѣпости, *еще возвѣстити Іакову нечестія его и Израи-*

(*) При сличеніи пророчествъ Михея съ пророчествами Исаіинными, дѣйствительно, ясно можно примѣчать сильное вліяніе, на него великаго Исаіи; наиболѣе возвышенныя и поразительныя мѣста у Пророка Михея, оказываются сходными, а иногда буквально тождественными съ мѣстами книги Исаіиной (напр. слич. начал. 1 гл. Михея съ началомъ 1 глав. Исаіи; первые стихи 4 глав. Михея, буквально тождественны съ началомъ 2 гл. Исаіи). А поелику рѣчь Исаіи постоянно сохраняетъ величественное теченіе, и отличается возвышенностію и силою, а напротивъ, рѣчь Михея показываетъ въ себѣ уже не столько возвышенности, *какъ скоро отступаетъ отъ Исаіи*: то ясно, что не Исаія пользовался пророчествами Михея, а напротивъ, на сего послѣдняго имѣлъ *духоносное вліяніе возвышенный Исаія.*

леви грѣхи его (3, 8.). Еще Исаія говоритъ отъ лица Божія Израилю: «се Я дѣлаю тебя молотиломъ острымъ, новымъ съ зубцами, ты будешь молотить, *и сотреши горы и истончиши холми* (41, 15.) Тоже, только съ нѣкоторымъ поясненіемъ образной рѣчи, говоритъ и Пророкъ Михей, и также отъ лица Божія (хотя въ контекстѣ говорится объ Іеговѣ въ третьемъ лицѣ): *востани и измлати ихъ дщи Сіона, яко роги твоя положу желѣзны.. и истончиши люди многи* (4, 13.). Еще примѣръ: — у Исаіи Господь Богъ говоритъ къ Израилю: *Азъ есмь, Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя Мене ради и грѣхи твоя, и не помяну* (Иса. 43. 25.). У Михея же слышанъ благоговѣйный какъ бы отголосокъ этихъ самыхъ глаголовъ Господнихъ: *кто Богъ, якоже Ты? Отъемляй беззаконія, и оставляяй нечестія останкомъ наслѣдія своего... и ввержетъ во глубины морскія вся грѣхи наша* (7, 18, 19.).

И такъ, пророчества Исаіи, заключающіяся во второй части, уже были извѣстны, и именно служили Божественнымъ источникомъ такимъ пророкамъ, изъ которыхъ иные проходили свое служеніе въ началѣ и прежде вавилонскаго плѣна; другіе уже близко ко времени Исаіи, а одинъ даже въ самое время Исаіи. Слѣдовательно, нельзя относить эту часть къ концу вавилонскаго плѣна; напротивъ, оказывается, что она должна произойти никакъ не позже времени Исаіи.

Далѣе, в) сохраненный въ книгѣ Ездры указъ Кира о возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, самъ по себѣ уже напоминаетъ о весьма важномъ пророче-

ствѣ, заключающемся во второй части книги Исаіи (гл. 45). Указъ персидскаго завоевателя читается такъ: *Вся царства земная даде мнѣ Господь Богъ Небесный, и Той повелѣ ми, да созижду Ему домъ въ Іерусалимѣ, иже во Іудеи.... Кто въ васъ отъ всѣхъ людей Его?... да взыдетъ во Іерусалимъ, иже во Іудеи* (1 Ездр. 1, 2 и дал.). Въ чемъ же именно до такой очевидности явлена язычнику десница истиннаго Бога Израилева, даровавшая ему различныя царства? И какъ, или отъ кого получилъ Киръ это повелѣніе Божіе о созданіи храма іерусалимскаго и освобожденіи іудеевъ, повелѣніе опредѣленное, относящееся собственно къ Киру, слѣдов. нарочито ему данное и чрезвычайное (т. е. выходящее изъ ряда общихъ законовъ Божіихъ)? Удовлетворительный отвѣтъ на сіи вопросы, необходимый для уясненія Кирова указа, можемъ получить изъ второй части Исаіиной книги, и, притомъ, признавая происхожденіе и извѣстность оной еще въ предшествующія Киру времена. Въ сей части, точно, есть особенное и прямо къ Киру обращенное слово Іеговы, въ которомъ содержится опредѣленіе даровать Киру царства земныя, и чрезъ него освободить іудеевъ и возобновить Сіонъ. *Сія глаголетъ Господь Богъ помазанному моему Киру, его же удержахъ за десницу повинути предъ нимъ языки... сей созиждетъ градъ мой и плѣненіе людей Моихъ возвратитъ* (45, 1. 13.). Это слово Іеговы, по своему назначенію, содержанію и, отчасти даже, выраженію, очевидно находится въ связи съ приведеннымъ

выше указомъ Кира. Но еще только половина дѣла рѣшена. Найдено повелѣніе Іеговы Киру, открыто мановеніе десницы Божіей, покоряющей ему народы: но какъ Киръ не знавшій истиннаго Бога (какимъ представленъ онъ въ томъ же словѣ Іеговы ст. 5.) примѣтилъ сіе мановеніе и покорился сему повелѣнію?

Не понятно и даже странно было бы, если бы Киръ освободилъ евреевъ (и притомъ не по своей милости, а изъ рабской покорности велѣнію невѣдомаго ему Бога еврейскаго,)—на томъ одномъ основаніи, что ему показали пророчество объ его успѣхахъ, вышедшее въ то время, когда онъ былъ уже извѣстенъ міру, и обладалъ народомъ бодрымъ и воинственнымъ. Въ такомъ случаѣ Божественность сего откровенія и для вѣрующаго была бы не довольно ясна, а для язычника и вовсе не убѣдительна. Не иначе можно устранить здѣсь затрудненіе, какъ безпрекословнымъ признаніемъ ранняго происхожденія бывшихъ о Кирѣ пророчествъ. Киръ, узнавъ слово Іеговы, данное прямо на его имя, еще за долго до его рожденія и тогда же предначертавшее всю его настоящую судьбу, его великіе успѣхи и завоеванія, естественно не могъ не сказать, что именно сей Богъ *даде* ему *вся царства земная:* и потому безпрекословно долженъ былъ исполнить опредѣленіе Божіе о народѣ Іудейскомъ и Іерусалимѣ, какъ данное самому ему Киру повелѣніе. Къ подтвержденію этихъ соображеній служатъ свидѣтельства іудейскаго историка Іосифа Флавія. Онъ (Antiqu. Lib. XI. cap. IV.) повѣствуетъ, что

приведенное нами изъ второй части книги Исаіиной пророчество указано было Киру, именно какъ принадлежащее Исаіи, жившему за долго не только до Кира, но и до плѣненія вавилонскаго.

И такъ великое въ исторіи іудейской событіе, о которомъ повѣствуетъ Ездра, освобожденіе іудеевъ Киромъ по одной покорности велѣнію Іеговы, уже само по себѣ не допускаетъ происхожденія разсматриваемаго пророческаго отдѣленія при концѣ плѣна вавилонскаго, и заставляетъ относить оное къ раннимъ временамъ.

Далѣе, г) важное свидѣтельство о подлинности сей части находится въ словахъ Іисуса Сына Сирахова. *Пророкъ велій*, говоритъ онъ объ Исаіи, *Духомъ великимъ видѣ послѣдняя, и утѣши сѣтующія въ Сіонѣ* (48, 22). Это, какъ и самые упорные изъ противниковъ допускаютъ, могло быть сказано только въ отношеніи ко второй части книги пророчествъ Исаіи. Сила сего свидѣтельства тѣмъ болѣе очевидна, чѣмъ несомнѣннѣе, что знать происхожденіе того или другаго отдѣленія въ св. книгахъ было ближе и удобнѣе добросовѣстному мудрецу временъ не далекихъ отъ плѣна вавилонскаго, нежели мудрователямъ позднѣйшихъ временъ.

д) Наконецъ всѣ сіи свидѣтельства запечатлѣваетъ и утверждаетъ своимъ судомъ Св. Писаніе Новаго Завѣта. Здѣсь изъ пререкаемой части приводятся разныя мѣста, съ прямымъ указаніемъ, что онѣ принадлежатъ Исаіи. Такъ Іисусъ Христосъ слова: *Духъ Господень на мнѣ...* (Исаіи 61,

1 и 2) читалъ изъ книги *Исаіи Пророка* (Лук. 4, 17—19.). Слова: *гласъ вопіющаго въ пустыни...* (Исаіи 40, 3.); Евангелисты Матѳей и Лука, и, по Еван. Іоаннову, крестителъ Іоаннъ, приводили какъ слова Исаіи (Матѳ. 3, 3., Лук. 3, 4., Іоан. 1. 22 и 23.). Слова: *Господи, кто* вѣрова *слуху нашему* (Исаіи 53, 1.), Евангелистъ Іоаннъ приводитъ, какъ слова Прор. Исаіи (12, 38.). Подобнымъ образомъ приводятся мѣста изъ той же части книги: Матѳ. 8, 17., Исаіи 53, 4., Дѣян. 8, 30. 32. 33., Исаіи 53, 7 и 8., Римл. 10, 16. 20, Исаіи 65, 1 и 2.

Къ ослабленію силы сего Божественнаго свидѣтельства, противники дозволяютъ себѣ догадку, будто въ сихъ случаяхъ слѣдовали только народному мнѣнію, не касаясь подлинности книги, и потому допустили неточность.

Но 1) такая догадка совершенно произвольна и оскорбительна для достоинства Св. Писанія, содержащаго Божественныя истины, для достоинства Апостоловъ, всемірныхъ и непогрѣшимыхъ учителей, и въ особенности для Божественнаго достоинства Высочайшей Истины — Христа Спасителя; 2) она опровергается тѣмъ, что въ Новомъ Завѣтѣ не признавалось безразличнымъ и не важнымъ дѣломъ: кому бы изъ свящ. писателей ни приписать словъ, приводимыхъ изъ Ветхаго Завѣта. Ибо на происхожденіи изреченія ветхозавѣтнаго писанія отъ извѣстнаго Свящ. Писателя иногда основываются, или получаютъ отъ того особое значеніе, догматическія истины (Матѳ. 22, 43—46);

3) относительно второй части книги Исаіи, такая догадка и особенно неумѣстна, потому что признать происхожденіе этой части отъ Исаіи, или отъ другаго позднѣйшаго писателя, значитъ дать многимъ важнымъ мѣстамъ въ ней такое, или совершенно другое, значеніе. И слѣд. неточность, допущенная въ семъ отношеніи новозавѣтными св. писателями, должна была бы повести ко многимъ важнымъ ошибкамъ въ толкованіи Св. Писанія, а оттуда и во всякомъ употребленіи сей пророческой части. И наконецъ 4) при сличеніи мѣстъ, какія приводятся въ Новомъ Завѣтѣ изъ второй части книги Исаіи, съ другими ветхозавѣтными мѣстами, приводимыми въ Новомъ Завѣтѣ, открывается, что первыя столь же ясно и положительно приписываются Исаіи, какъ и послѣднія тому или другому Св. Писателю. Напр. въ 10 гл. Посл. къ Римл. послѣ того, какъ приведено мѣсто изъ пятокнижія съ такимъ указаніемъ: *первый Моисей глаголетъ*, приводится мѣсто изъ второй части книги Исаіи такъ: *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ: обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ же быхъ невопрошающимъ Мене* и проч. (Римл. 10, 13—21. сн. Исаіи 65, 1, 2.). Указаніе на Исаію въ послѣднемъ случаѣ стольже ясно и настоятельно, какъ и въ первомъ указаніи на Моисея. Замѣчательно притомъ, что Апостолъ имѣетъ въ особенномъ вниманіи преемство и слѣдов. время указанныхъ св. писателей. И такихъ ясныхъ указаній на вторую часть Исаіиныхъ пророчествъ въ Новомъ Завѣтѣ не менѣе, нежели на другія св.

книги Ветхаго Завѣта. И такъ свидѣтельства новозавѣтныя о подлинности разсматриваемой части непреложны, ясны и вообще удовлетворительны для самыхъ строгихъ изслѣдователей (*).

Внутренніе признаки.

Обратимся къ внутреннимъ признакамъ подлинности второй части книги Исаіи Пророка. Станемъ ли разсматривать сію часть саму по себѣ, или будемъ сличать ее съ первою частію той же книги, въ обоихъ случаяхъ можемъ найдти удостовѣренія о ея подлинности.

I.

Въ первомъ случаѣ находимъ въ разсматриваемой части книги слѣдующее:

1) Въ ней часто, и притомъ усиленнымъ образомъ, указывается на чрезвычайно раннее появленіе содержащихся въ ней пророчествъ объ избавленіи іудеевъ отъ ига вавилонскаго. Такъ въ 41 гл. предсказывается (ст. 25.) избавленіе Израиля чрезъ возставленнаго Богомъ завоевателя, *иже отъ сѣвера* (очевидно, персидскаго царя Кира), — Пророкъ торжественно взываетъ ко всему міру (ст. 26. 27.): *кто возвѣститъ яже исперва, да*

(*) Послѣ сего не говоримъ уже, что Филонъ, Флавій, Талмудисты, вся древность Іудейская и Христіанская относили вторую часть къ Исаіи точно также, какъ и первую.

увѣмы, яже напреди?.... Нѣсть предглаголющаго. И, вслѣдъ за тѣмъ, отъ лица Божія продолжаетъ: *начало Сіону дамъ, и Іерусалимъ утѣшу,* то есть: «я первый Сіону говорю: вотъ, вотъ ему, Іерусалиму даю проповѣдника» (*). Чрезъ «проповѣдника» пророчествъ, содержащихся въ сей части, предвозвѣщается избавленіе іудеевъ Киромъ, какъ нѣчто совершенно невѣдомое и негадаемое никѣмъ. И притомъ, когда Господь говоритъ: «Я первый говорю Сіону», то видно, что и отъ самого Господа только еще начинается предвозвѣщеніе о семъ событіи. Такъ говорить не свойственно было бы, если бы уже прежде были даны откровенія о семъ. Подобно въ другомъ мѣстѣ, предрекая гибель халдеевъ и избавленіе Израиля, Пророкъ взываетъ: *Вси языцы собрашася* (пусть соберутся) *вкупѣ, и соберутся князи отъ нихъ: кто возвѣститъ сія? Или яже исперва, кто возвѣститъ вамъ? Да приведутъ свидѣтели своя и оправдятся* (43, 9 сн. 14). *Кто слышана сотвори сія исперва?* восклицаетъ еще Пророкъ по-

---

(*) Переводить ли глаголы евр., въ семъ мѣстѣ, во времени настоящемъ, или въ будущемъ, или даже въ прошедшемъ (что допускается неопредѣленностію евр. языка въ этомъ отношеніи) мысль во всякомъ случаѣ не можетъ измѣниться. Ибо „проповѣдникъ," упоминаемый здѣсь, есть очевидно самъ Пророкъ, чрезъ котораго Богъ провозглашаетъ здѣсь свои опредѣленія. Слѣд. во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ о томъ, что чрезъ Пророка, которому принадлежатъ *сіи пророчества, Господь предрекаетъ* невѣдомое и непредрекаемое никѣмъ, — и притомъ предрекаетъ въ первый разъ: *начало Сіону дамъ.*

слѣ откровенія, даннаго прямо на имя Кира (45, 21, сн. 1. и сл. ст.). *Не въ преждніа времена слышалъ еси сія: не рцы: ей вѣмъ сія. Не вѣдѣлъ еси, ниже разумѣлъ еси, ниже исперва отверзохъ ушеса твоя:* такъ отъ лица Божія говоритъ Пророкъ Израилю, предвозвѣщая тѣ же событія (48, 7, 8, сн. 14 и слѣд.). Вообще должно сказать: мысль о возвѣщеніи Израилю сихъ событій въ то время, когда онѣ не извѣстны были іудеямъ, когда нельзя было и гадать о нихъ, — эта мысль не случайно и мимоходомъ высказывается во второй части Исаіиной книги, но раскрывается какъ одна изъ главныхъ мыслей почти въ цѣлой начальной трети книги (гл. 41—46 и 48.). Этою мыслію съ великою силою низлагается идолопоклонство (гл. 44.). Этою же мыслію утверждается, что Іегова есть единъ Богъ, первый и послѣдній, *возвѣщаяй первѣе послѣднія, прежде неже быти имъ* (46, 10); эта же мысль направляется противъ духовной слѣпоты, ожесточенія и невѣрія Израиля (гл. 48.).

Мало того; настоящее пророческое откровеніе о сихъ событіяхъ—паденіи Вавилона и освобожденіи Израиля (*) представляется отъ самого Бога болѣе поразительнымъ, нежели другія прежнія пророчества: такъ что іудеи, не вразумленные си-

---

(*) Разумѣется, — вмѣстѣ съ пророчествами о Мессіи, неразрывно связанными съ пророчествомъ о концѣ вавилонскаго плѣна.

ми послѣдними, должны вразумиться, по крайней мѣрѣ, настоящими пророчествами. *Возвѣстихъ ти, яже древле, прежде неже пріити на тя*, говоритъ Израилю самъ Іегова о прежнихъ пророческихъ откровеніяхъ, и продолжаетъ о настоящемъ откровеніи такъ: «нынѣ же открою тебѣ новое и сокровенное, чего ты не зналъ»..... *Вѣдѣхъ бо, яко отвергая отринеши*, яснѣе: «ибо я знаю, что ты упоренъ» (48, 5. 6. 8.) (*). И такъ, когда аденіе Вавилона и освобожденіе іудеевъ, предрекаемыя въ послѣдней части книги Исаіи, суть такія событія, о которыхъ, во время ихъ предреченія, никто не гадалъ и гадать не могъ, о которыхъ не знали и не слыхали ничего и сами іудеи: то ясно, что такія пророчества не только не

(*) Вкратцѣ и въ общей связи можно такъ изложить все сказанное у Пророка о настоящемъ откровеніи; Іегова многократно предрекалъ будущее, и это сбывалось въ точности (48, 5, 4, 47, 11 и др.). Но вы (іудеи) были слѣпы, невнимательны ко всему этому: *видѣсте многожды и не сохранисте; отверсты уши имуще и не слышисте* (42, 20, сн. 9 и 23.). И вотъ для возбужденія вашей внимательности и разумѣнія духовнаго, Господь даетъ вамъ такое дивное откровеніе о будущемъ, что о семъ ни кто и не гадаетъ и гадать не можетъ: *Господь Богъ восхотѣ, да оправдится и возвеличитъ хвалу* (ст. 21 тамъ же). И такъ, еще ли вы не разумѣете, что Іегова есть первый и послѣдній, и нѣтъ иного Бога, кромѣ Его? Еще ли не видите всю ничтожность мертвыхъ идоловъ предъ тѣмъ, кто пзрекаетъ столь ясно и обстоятельно недовѣдомыя будущія судьбы ваши? Найдите и укажите примѣръ того, чтобы кто нибудь, кромѣ Іеговы, предсказывалъ что, и предсказаніе сбывалось, или, пусть теперь кто нибудь предскажетъ столь невѣдомое будущее, какъ это предрекаетъ Іегова.

могли быть изречены въ концѣ вавилонскаго плѣна, но должны быть древнѣйшими изъ всѣхъ пророчествъ, относящихся къ тѣмъ же событіямъ. Ибо въ концѣ плѣна іудеи уже имѣли не мало, и не давнихъ и давнихъ, предсказаній о своемъ избавленіи отъ плѣна; и, при начавшемся преобладаніи персовъ надъ другими народами, можно было и естественнымъ образомъ предугадывать паденіе предавшихся роскоши халдеевъ. Чтобы подобныя событія и на умъ не могли взойдти, — для сего нужно, чтобы персы еще не обращали на себя никакого особеннаго вниманія, и вниманіе всѣхъ было занято другими народами и событіями. А дабы для іудеевъ было совершенно ново откровеніе объ ихъ освобожденіи и паденіи Вавилона, необходимо для сего, чтобы они еще не слыхали никакихъ другихъ о семъ пророчествъ. Когда же это было? — Пророчества о разрушеніи Вавилона находимъ уже въ вѣкъ самого Исаіи (у Михея); и Пророкъ, у котораго находятся такія предреченія, вообще въ своихъ пророчествахъ близокъ къ Исаіи. Во время же ихъ, дѣйствительно, едва ли кто могъ обращать и вниманіе на персовъ, при всеобщемъ трепетѣ предъ ассиріянами. Слѣдовательно, съ одной стороны, не позже вѣка Исаіи могли произойдти разсматриваемыя пророчества, а съ другой, — онѣ самымъ лучшимъ образомъ идутъ именно къ вѣку Исаіи.

И въ семъ случаѣ совершенно яснымъ становится то великое значеніе, какое даетъ симъ пророчествамъ провозглашавшій ихъ Пророкъ, когда онъ,

восхищенный Духомъ Святымъ, съ отчетливостію историка, изображалъ такіе будущіе перевороты въ мірѣ, которыхъ и малѣйшей тѣни еще не видно было въ современномъ ему состояніи міра: то по истинѣ свойственны ему возвышенныя и восторженныя рѣчи о величіи Іеговы, подобающемъ ему одному, о нелѣпости и ничтожности предъ нимъ рукотворенныхъ боговъ, о безпримѣрности сихъ пророчествъ, долженствующей невольно поразить іудеевъ, при всей ихъ невнимательности. Напротивъ, если относить оныя пророчества къ позднему времени, къ концу вавилонскаго плѣна: то такія рѣчи будутъ непонятны и даже неумѣстны (*). При близости событій случалось, что довольно удачно предсказывали о нихъ и языческіе оракулы. Предсказывать событія, которыхъ дѣйствующія причины уже находятся предъ глазами, и которыя

(*) Давать же симъ рѣчамъ *такое толкованіе, что Пророкъ* имѣетъ въ виду начавшееся или близкое исполненіе прежде данныхъ пророчествъ о паденіи Вавилона и избавленіи іудеевъ, и отъ того приходитъ въ особенный восторгъ,—никакъ не позволяетъ весь ходъ мыслей въ сихъ рѣчахъ. Ибо въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ у Пророка, какъ выше было показано, та мысль, что онъ предрекаетъ совершенно невѣдомое никому и неизвѣстное самимъ іудеямъ. Около этой мысли постоянно вращается Пророкъ, какъ около средоточія,—ее съ силою внушаетъ другимъ, отъ нея самъ воспламеняется. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указывается и на пророчества уже сбывшіяся (42, 9. 46, 10., 48, 56 *и др.*): то здѣсь разумѣются вообще прежнія исполнившіяся пророчества, отъ которыхъ ясно различается настоящее пророчество (на пр. 48, 5. 6. 8.).

притомъ составляютъ предметъ живѣйшаго желанія, —могутъ быть и не слишкомъ проницательныя. И такъ, въ сихъ пророчествахъ, что̀ нашлось бы не обычайно поразительнаго и притомъ для самыхъ невнимательныхъ? Что̀ въ нихъ сильно противопоставлялось бы язычеству? Чѣмъ изъяснить особенную восторженность богодухновенныхъ рѣчей Пророка? и т. д.

II.

Состояніе іудеевъ внѣшнее и внутреннее, изображаемое въ сей части, также показываетъ время, не только вообще предшествующее вавилонскому плѣну, но даже собственно время Исаіи.

Что касается до состоянія іудеевъ съ внѣшней, церковно-гражданской стороны, —изъ второй половины Исаіиныхъ пророчествъ видно, что іудеи во время появленія сихъ пророчествъ имѣли еще храмъ, и приносили въ немъ жертвы, жили въ своей землѣ, еще свободной и состоящей подъ благодѣющимъ управленіемъ Божіимъ, —были ратуемы внѣшними врагами, и въ особенности тѣснимы ассиріянами, а на Вавилонъ смотрѣли еще какъ на самый дальній предѣлъ земли, и халдеевъ еще не видѣли стоящими въ ряду прочихъ, извѣстныхъ и въ какомъ либо отношеніи знаменитыхъ народовъ.

Цѣлость храма, продолженіе жертвоприношеній видны изъ того, что Пророкъ сей части находитъ въ храмѣ *беззаконника*, *жрущаго тельца*, *прино-*

сящаго сенидалъ, дающаго ливанъ въ память (66, 3.), и за сіе еще только грозитъ приговоромъ суда Божія: *тіи избраша пути своя и мерзости ихъ яже душа ихъ изволи. И Азъ изберу поруганія ихъ, и грѣхи ихъ воздамъ* (4). Что Іудея, во время написанія пророчествъ (Исаіи 40—66), была еще свободна, и находилась подъ благодѣющею ѳеократіею, это обозначается въ такихъ словахъ: *священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму* (40,1). *На гору высоку взыди, благовѣствуяй Сіону, возвыси крѣпостію гласъ твой, благовѣствуяй Іерусалиму: возвысите, не бойтеся: рцы градомъ Іудинымъ* (9 ст.). «Я первый говорю Сіону: вотъ ему, и Іерусалиму даю проповѣдника» (41, 27). Пророкъ съ своими утѣшительными рѣчами обращается не къ іудеямъ, находившимся въ плѣну вавилонскомъ (какъ того хотѣлось бы противникамъ), но *къ Іерусалиму* и *градомъ Іудинымъ* (*); да и самое свое служеніе Богопосланнаго проповѣдника онъ проходитъ именно во Іерусалимѣ. Слѣдов. Іерусалимъ и прочіе Іудейскіе города бы-

---

(*) Думать, что такъ говорится къ прежнимъ жителямъ Іерусалима и Іудеи, не позволяетъ связь рѣчи. Притомъ *мати градомъ—Сіонъ* съ своими дщерями—прочими городами, если не берется въ смыслѣ таинственномъ, обыкновенно въ Св. Писаніи имѣетъ собственное и буквальное значеніе. Слова Іереміи (51,10.) и Захаріи (2,10), на которыя ссылаются, какъ на примѣръ подобнаго же обращенія къ разрушенному Іерусалиму, вовсе не служатъ примѣромъ для настоящаго случая. Іеремія 51 главу писалъ на 4-мъ году царствованія Седекіи, когда Іерусалимъ еще стоялъ, а Захарія говорилъ по возобновленіи города.

ли еще цѣлы и не лишены благоволенія своего царя Іеговы. Враги, еще воевавшіе съ іудеями во время происхожденія пререкаемыхъ пророчествъ, прямо указываются: *се и постыдятся и посрамятся вси сопротивляющіися тебѣ...будутъ бо яки не бывшіи, и не будутъ ратующіи тебѣ* (41, 11. 12.) И изъ всѣхъ враговъ послѣдними указаны ассиріяне, а не вавилоняне: *въ Египетъ снидоша людіе мои прежде, еже пришельцемъ быти тамо, и во Ассирію нуждею отведошася* (52, 4.); яснѣе съ еврейскаго: «во Египетъ ходилъ народъ мой въ началѣ, чтобы жить тамъ, и Ассуръ, наконецъ, притѣсняетъ его». Здѣсь Пророкъ, говоря о постоянномъ озлобленіи Израиля и посрамленіи въ лицѣ его имени Божія (ст. 5.), обозрѣваетъ всю исторію евреевъ,—и именно беретъ во вниманіе начальное звѣно оной—египетское порабощеніе, и затѣмъ останавливается, какъ на послѣднемъ историческомъ звѣнѣ, на ассирійскомъ притѣсненіи, не упоминая о вавилонянахъ (*). Видно, что въ это время еще и не начинались притѣсненія іудеевъ со стороны халдеевъ, а продолжались опасности

(*) Вавилонянъ, конечно, можно подразумѣвать здѣсь, подобно какъ они подразумѣваются у того же Пророка Исаіи въ 6-й главѣ 17—25, гдѣ указывается прямо также на однихъ ассиріянъ. Но что прямо говорится объ однихъ ассиріянахъ, а вавилоняне могутъ быть подразумѣваемы подъ тѣмъ же именемъ,—это самое и показываетъ время преобладанія еще ассиріянъ, а не вавилонянъ. И сходство въ этомъ отношеніи мѣстъ, одного изъ пререкаемой части книги, другаго—изъ неоспоримой у Исаіи, очень замѣчательно.

и бѣды со стороны ассиріянъ. Посему же народы, которые должны пасть, какъ цѣна за цѣлость Израиля, суть у Пророка только египтяне, кушеи (еѳіопляне) и савеи; *сотворихъ премѣну твою Египетъ, Еѳіопію и Сеину за тя* (43, 3.). Въ плѣну вавилонскомъ онъ, конечно, прибавилъ бы здѣсь и вавилонянъ, которые для освобожденія Израиля необходимо должны были пасть, и слѣдов., быть въ свое время цѣною за цѣлость народа Божія. И вообще все халдейское царство было столь еще малоизвѣстно само по себѣ и мало извѣдано іудеями, что сѣверная часть его представляется у Пророка (соотвѣтственно народному географическому воззрѣнію) послѣднимъ предѣломъ земли: *его же* (Авраама) *поях̑ отъ конецъ земли* (41, 9.). Напротивъ нѣкоторые другіе народы у Пророка выставляются на видъ, какъ замѣчательные въ извѣстномъ отношеніи въ его время; и это тѣ самые народы, которые были замѣчательны и въ томъ же самомъ отношеніи въ вѣкъ Исаіи (*). И такъ вторая часть Исаіиной книги произошла еще при цѣлости церковно-гражданскаго устройства и самостоятельно-

---

(*) Разумѣемъ египтянъ и еѳіоплянъ, изъ которыхъ первые выставляются Пророкомъ (45—14.) знаменитыми по богатству и торговлѣ, а другіе по величественному росту: такими были извѣстны сіи народы и обращали на себя вниманіе іудеевъ—при Исаіи (см. Ис. 19, 9. 18, 2 и 7.). Что касается до персовъ,—замѣчательно, что у Исаіи въ первой и второй части книги никогда не встрѣчается позднѣйшаго ихъ имени Paras (какъ Дан. 6, 28. Езд. 1; 2, 4, 5. 2. Пар. 36, 22, 23.), но всегда древнее Elam.

сти іудейскаго народа, во время притѣсненій онаго ассиріянами, при малоизвѣстности еще іудеямъ халдейскаго царства, и проч. Вѣкъ Исаіи ясно здѣсь обозначается, и въ особенности какъ вѣкъ преобладанія ассиріянъ надъ Израилемъ.

III.

Внутреннее, или духовно-нравственное состояніе іудеевъ, какое видно изъ той же части Исаіиной книги, —также соотвѣтствуетъ времени Исаіи, а отнюдь не концу плѣна. Въ духовномъ состояніи іудейскаго народа (какъ изображается оно въ 40—66 гл. Исаіи), видно вообще глубокое растлѣніе нравовъ и въ особенности господство идолопоклонства.

Писатель второй части книги, касаясь вообще нравовъ своихъ современниковъ, съ негодованіемъ и угрозами обличаетъ крайнее усиліе у нихъ пороковъ и нечестія. *Еда не можетъ рука Господня спасти? Или отягчилъ есть слухъ свой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ... Руцѣ бо ваши осквернены кровію и персты ваши во грѣсѣхъ... Никто же глаголетъ правду, ниже есть судъ истиненъ. Нозѣ ихъ на зло текутъ, скори проліяти кровь, и мысли ихъ мысли о убійствахъ* (59, 1 гл.). *Вси путемъ своимъ послѣдоваша, кійждо уклонишася въ лихоимство свое отъ перваго и до послѣдняго. Пріидите, да возмемъ вино, и наполнимся піянства и пр.* (56, 11. 12.). *Вы же*

пріидите сюмо сынове беззаконніи, сѣмя прелюбодѣевъ и блудницы... Азъ возвѣщу злобы твоя, яже не успѣютъ тебѣ (57, 3. 12.). Грѣхъ до такой степени усилился, что даже Богослуженіе и вообще дѣла набожности стали отвратительны предъ лицемъ Божіимъ; на самомъ храмѣ уже не почивало благоволеніе Божіе. *Небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ*, глаголетъ Господь съ негодованіемъ, — *кій домъ созиждете Ми, и кое мѣсто покоища Моего? Вся бо сія сотвори рука Моя и сія суть вся Моя... Беззаконникъ жряй Ми тельца, яко убиваяй пса, и приносяй семидалъ, яко кровь свиную* и проч. (66, 1—3.). *Мене день отъ дне ищутъ, яко* (какъ будто) *людіе правду сотворившіи и суда Бога своего не оставившіи... что яко постихомся, и не увѣдѣлъ еси?.. Во дни бо пощеній вашихъ обрѣтаете воли ваша, и вся подручныя ваша томите. Аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся и біете пястьми смиреннаго: вскую Мнѣ поститеся...* (58, 2—4.)? И замѣчательно, что Пророкъ, даже среди самыхъ живыхъ и сильныхъ утѣшеній, которыми преисполнена вторая часть книги, никакъ не опускаетъ изъ вида духовной слѣпоты, упорства и вообще беззаконій іудеевъ (см. 42, 19; 20, 48, 4, 8.). Среди самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ предсказаній, изрекаетъ отъ имени Божія такой приговоръ нечестивымъ: *Азъ предамъ васъ подъ мечъ, вси закланіемъ падете* (65, 12.).

Столь жалкое, столь великій гнѣвъ Божій возбуждающее растлѣніе нравовъ народа, очевидно, не со-

отвѣтствуетъ тому времени, когда плѣненные іудеи готовы были бы лобызать персть и каменіе опустошеннаго Сіона, когда они не хотѣли пѣть въ землѣ чуждой сіонскихъ пѣсней, когда столь великая чаша очистительныхъ бѣдъ и страданій была уже испита или, и созрѣли у нихъ такіе плоды вѣры и покаянія, каковы подвиги трехъ отроковъ и Даніила Пророка (*). Напротивъ, время Исаіи, дѣйствительно, представляетъ такое состояніе, какое изображается во второй части его книги. Это видно не только изъ историческихъ св. книгъ, но еще болѣе изъ первой непререкаемой части Исаіиной же книги (напр. см. гл. 1, 2, 3, 5 и проч.). Въ этой первой части, современные пороки иногда изображаются прямо такими же чертами, какими и во второй: наприм. невоздержаніе, осквернсніе жертвоприношеній (1, 11—15. 5, 11. 12.). И во время Исаіи, дѣйствительно, уже постигали іудеевъ разнообразныя бѣдствія, такъ что, по выраженію Пророка, уже не во что было бить ихъ (1 гл.), и еще тягчайшія бѣдствія предрекались пророками самимъ Исаіею и Михеемъ.

Что касается въ особенности до идолопоклонства,—во второй части книги Исаіи весьма часто

(*) Не говоримъ уже, что нѣкоторые виды нечестія и пороковъ, по самому свойству своему, указываютъ на цѣлость церковно-гражданскаго устройства и на народное довольство, какъ напр. невоздержная роскошь, тиранство надъ подручными, нравственное самодовольство предъ самимъ Богомъ, жертвы беззаконниковъ.

указывается усиленность этого заблужденія между іудеями. Такъ здѣсь Пророкъ иногда прямо обличаетъ свой народъ въ идолопоклонствѣ, простиравшемся до принесенія въ жертву идоламъ дѣтей, выражая отъ лица самого Бога гнѣвъ за это на іудеевъ и грозя имъ наказаніемъ: *Не вы ли есте чада пагубы? сѣмя беззаконно? молящіися кумиромъ подъ древомъ частымъ, закалаете чада своя въ дебрехъ посредѣ каменій? То твоя часть, сей твой жребій: и тѣмъ проліялъ еси возліянія, и тѣмъ принесъ еси жертвы: о сихъ убо не разгнѣваюся ли?... Кого благопочетши убоялся еси, и солгалъ Ми, и не помянулъ еси Мене, ниже пріялъ Мя еси въ умъ, ниже въ сердце твое? И Азъ тя видя, презираю...* (57, 5. 6. 11.). Иногда же здѣсь обличается вся нелѣпость и гибельность идолослуженія: выставляется на видъ безсмысліе поклоняющихся рукотвореннымъ богамъ, ихъ безсиліе и ничтожность, и сему противопоставляются безпредѣльное величіе, сила, всевѣдѣніе Іеговы. И это есть одинъ изъ главныхъ предметовъ первой трети пререкаемыхъ пророчествъ (Ис. 40, 18. и сл.; 41, 21; 42, 17; 44, 6 и слѣд.; 46, 5; 47, 12 и слѣд.). *Кому Мя уподобисте?* отъ лица Божія не однажды взываетъ Пророкъ (46, 5, 41, 18.). *Помяните сія и возстените, покайтеся прельстившіися, обратитеся сердцемъ, и помяните первѣе отъ вѣка, якѡ Азъ есмь Богъ, и нѣсть еще развѣ Мене* (46, 8. 9.), — такъ вразумляются склонные къ идолопоклонству.

Такое господство идолопоклонства, изображае-

мое въ 40—66 глав. Исаіи, есть явный знакъ, что сіи пророчества появились прежде вавилонскаго плѣна. Евреи, переселеніемъ въ плѣнъ испытавъ гнѣвъ Божій за идолопоклонство и ничтожность идоловъ, оставили пристрастіе къ нимъ, и, по возвращеніи изъ плѣна, стали даже гнушаться идолопоклонниками; о семъ свидѣтельствуютъ книги Ездры, Неемія и Маккавейскія. Напротивъ, прежде плѣна, дѣйствительно, такъ усилилось язычество въ народѣ Божіемъ, что было по словамъ Пророка Іереміи, «сколько улицъ во Іерусалимѣ, и сколько городовъ во Іудеи, столько и боговъ» (Іерем. 2, 28); и такому усиленію и преобладанію язычества во Іудеи главнымъ образомъ послужили цари іудейскіе Ахазъ и Манассія — современники Исаіи. Обличеніе же въ жертвенномъ закланіи дѣтей, указанное выше, падаетъ прямо на современниковъ сего Пророка, которые при Ахазѣ (2 Парал. 28, 3.) и при Манассіи (2 Парал. 33, 6.) осквернялі долину Еннонъ, закланіемъ дѣтей своихъ въ честь Молоху. Силу сего доказательства подлинности второй части Исаіиной книги невольно сознаютъ и сами оспориватели подлинности.

Столь же ясные и прямые признаки происхожденія второй части книги отъ Исаіи, найдемъ и тогда, какъ станемъ сличать ее съ первою частію книги, которой подлинность не подвергается сомнѣнію. Сличеніе одной части съ другою, можно дѣлать сначала по ихъ духу, и внутреннему содержанію, потомъ, по образу раскрытія предметовъ

въ той и другой, и наконецъ, по языку съ его особенностями.

1) Содержаніе второй части таково: по мѣстамъ указывается духовное растлѣніе современниковъ, и дѣлаются имъ сильныя угрозы, но тягостное впечатлѣніе сей мрачной стороны содержанія заглаждается утѣшительными, чрезъ все это пророческое отдѣленіе идущими, изображеніями таинъ грядущей благодати, и предреченіями о будущемъ избавленіи іудеевъ отъ вавилонскаго плѣна.

По такому содержанію, тонъ пророческихъ рѣчей, здѣсь содержащихся, вообще торжественный. Поелику же съ этою торжественностію соединяется живость изображенія таинъ искупителя, твердость и сила ниспроверженія современныхъ заблужденій и обличенія пороковъ: то отсюда пророческія рѣчи получаютъ характеръ необыкновенно возвышенный и величественный. Такой характеръ и содержаніе послѣдней части, по своей очевидности, не требуетъ особаго изслѣдованія (*). Что же видимъ въ первой части? Правда, что въ сей части не столько пророчествъ о Мессіи, сколько обличеній современнаго нечестія и предреченій о наказаніи нечестивыхъ. Но тѣмъ не менѣе неоспорима та особенность Исаіиныхъ обличеній и угрозъ, что въ нихъ

(*) Образцы сильныхъ обличеній и угрозъ можно видѣть въ предыдущемъ доказательствѣ. Изображенія тайны Христовой и обстоятельствъ ея явленія въ нач. гл. 40 и 49 особенно 52–55, 60—62. Указанія на благодать, въ образѣ избавленія отъ плѣна вавилонскаго, и вообще отъ враговъ внѣшнихъ, видѣли выше.

не преобладаетъ тягостное впечатлѣніе на читателя, а напротивъ, вездѣ въ обличеніяхъ и угрозахъ сіяетъ мысль о побѣдоносной надъ зломъ силѣ благодати. Возьмемъ во вниманіе первыя главы, въ которыхъ особенно сильны обличенія и угрозы. Въ нихъ глубина современнаго растлѣнія и нечестія раскрывается при созерцаніи, въ тоже время, побѣдоносной надъ всякимъ зломъ благодати. *Пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь. и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, аще же будутъ яко червленое. яко волну убѣлю. И аще хощете и послушаете мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія* (1, 18—21.): вотъ средоточіе первой поразительной рѣчи Исаіи! Теченіе пророческой рѣчи, содержащейся въ 2, 3 и 4 гл., таково: предъ провиденнымъ зрѣлищемъ благодатнаго Сіона, къ которому *пріидутъ вси языцы* (2,15), какъ предъ свѣтомъ дневнымъ открывается вся темная сторона современнаго нечестія и всѣхъ золъ, карающихъ оное (2. 3.), которая, наконецъ, покрывается опять тою же всеочищающею благодатію (гл. 4.)—основная мысль слѣдующей рѣчи въ гл. 5 такова: *и вознесется Господь Саваоѳъ въ судъ, и Богъ Святый прославится въ правдѣ* (т. е. въ самыхъ наказаніяхъ грѣшниковъ). Исаія и здѣсь созерцаетъ не ужасы гнѣва Божія, но свѣтлое торжество и славу Господа Бога. Далѣе въ гл. 7. 8 и сл. предрекая гибель царствамъ Израильскому и Сирійскому и великія бѣдствія царству Іудейскому,

Пророкъ созерцаетъ тайну явленія Эммануила, и воспѣваетъ низложеніе силою Его всѣхъ враждебныхъ языковъ (7, 14 и сл. 8, 9, 10.) (*). Не говоримъ уже объ отдѣленіи книги Исаіи, нач. съ 24 до 35 гл., гдѣ современному нечестію и грозящимъ за то наказаніямъ противополагаются такія же восхитительныя картины грядущей благодати (предуказываемой также отчасти въ избавленіи Израиля отъ внѣшнихъ враговъ), какія и въ главахъ 40—66. Словомъ: въ первой части книги обличенія и угрозы обыкновенно просвѣтляются указаніемъ на славу Искупителя, имѣющую исполнить всю землю,—какъ это выразилось и въ обстоятельствахъ призванія Исаіи къ пророческому служенію. Отсюда тонъ рѣчей его не теряетъ нигдѣ своей торжественности, возвышенность и величіе всюду поразительны, и изъ пророковъ свойственны преимущественно Исаіи.—Соображеніе сихъ свойствъ первой части съ указанными выше чертами второй, ведетъ прямо къ тому заключенію, что въ содержаніи и характерѣ второй части раскрывается, и притомъ съ наибольшею полнотою и ясностію, тоже самое, что и въ первой составляетъ характеристическую принадлежность пророчествъ Исаіи.

Замѣч. При семъ не излишне имѣть въ виду то, что важнѣйшіе предметы, раскрываемые во второй части, можно находить и въ первой; напр. безконеч-

---

(*) Самыя пророчества на языческіе народы увѣнчиваются тѣмъ, что Пророкъ видѣлъ языковъ и Израиля совокупленными во Христѣ въ одно благодатное цѣлое (см. 19 гл., 23—25).

ное величіе Іеговы, предъ всѣмъ міромъ (2, 11—22, сл. 40, 10 и сл.), ничтожность идоловъ (27, 9-11. 19, 3 и сл.), заглажденіе всѣхъ грѣховъ благодатію (4, 4. 33, 24 и др.), призваніе языковъ къ Мессіи (2. 2—4 и др.), обращеніе самыхъ іудеевъ (11, 11—16.) и проч. Есть мѣста и буквально сходныя, напримѣръ: сл. 11, 6 и 7, съ 65, 26, или 35, 10 сл. съ 51, 11 и др. цѣлыя отдѣленія первой части (напр. 11 и 12 гл. 25 и 26. 32—35 гл.) имѣютъ самое близкое сходство и сродство съ послѣднею частію книги.

2) Образъ раскрытію предметовъ во второй части тотъ же, какъ и въ первой. Такъ въ той и другой предметы, даже самые таинственные, обыкновенно представляются не въ символическихъ видѣніяхъ, но раскрываются съ наглядною ясностію. Во второй части указываются прямо и съ точностію, имя и дѣла освободителя іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, также многія обстоятельства земной жизни Спасителя: подобно сему въ первой съ точностію же опредѣляется время гибели современныхъ враговъ Израиля (гл. 7 и 8.), прямо указывается рожденіе Спасителя отъ дѣвы, появленіе его въ Галилеи и пр., притомъ, самъ созерцая ясно сокровенные предметы, или живо ощущая истину, Пророкъ внушаетъ эту истину и другимъ со всею силою, и представляетъ свой предметъ въ самомъ полномъ свѣтѣ. Отъ того замѣчается въ той и другой части его книги необычайная широта и поразительность въ раскрытіи предметовъ; въ той и другой—обиліе воззваній,

блистательныхъ картинъ и описаній,—и къ пророчествамъ присоединяются хвалебныя пѣсни (*). Наконецъ, въ той и другой части замѣчается едва ли не болѣе, нежели у другихъ пророковъ, строгой послѣдовательности. И въ первой и послѣдней части есть цѣлыя не малыя отдѣленія, въ которыхъ мысли текутъ съ удивительною ровностію и логическою послѣдовательностію (**).

Кромѣ сходства въ сихъ главныхъ чертахъ, свойственныхъ преимущественно Исаіи, обѣ части его книги сходны между собою во многихъ частностяхъ и подробностяхъ, относящихся къ раскрытію того или другаго предмета. Такъ въ той и другой образами служатъ: металлъ и изгарь (1, 22. 43, 10.), хожденіе или сидѣніе во тмѣ (9, 2. 47, 5.), закрытые глаза (6, 10, 44, 18.), ночь и утренняя заря (8, 22. 58, 8.), покрытіе покрываломъ (22, 8 по евр. подлин. 47, 2.), вѣнецъ гордости и славы (28, 1. 62, 3.) и проч. Тамъ и здѣсь тѣже примѣры изъ исторіи Авраама и Давида.

(*) Напр. 42, 10—13. 61, 10. 64, 1 и сл. 12, 1 и сл. 25, 1—5 14, 4—20.

(**). Напр. въ 53, 54 и 55 глав. сначала раскрывается, какъ должно было совершиться наше искупленіе и спасеніе, потомъ какъ совершившееся спасеніе проявится во времени, и въ вѣчности; за тѣмъ, дѣлается увѣщательное и назидательное приложеніе сего ученія къ людямъ. Подобнымъ образомъ, въ 11 и 12 гл. говорится, по порядку, о происхожденіи Мессіи, о Его Божественныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ, о духѣ и всемірномъ распространеніи Его царства, объ обращеніи къ Нему язычниковъ и потомъ о спасеніи всего Израиля, и все сіе заключается торжественно пѣснію искупленныхъ.

3) Языкъ второй части пророчествъ Исаіи отличается тѣми же главными достоинствами, какія видимъ и въ первой, — которыя при томъ не свойственны времени плѣна, имѣвшаго неблагопріятное вліяніе на еврейскій языкъ. Сіи достоинства: — особенная чистота, благородство и изящество, обиліе выразительныхъ словъ и оборотовъ. Кромѣ того, языкъ и рѣчь сей части обилуютъ многими идіотизмами языка собственно Исаіи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Названіе *Святый Израилевъ* также встрѣчается во второй части, какъ и въ первой, между тѣмъ, сіе названіе кромѣ книги Исаіи во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ встрѣчается только шесть разъ (*). Замѣчательно, что во второй части, какъ и въ первой, слово *именоваться* весьма часто употребляется вмѣсто *быть*. Часто также встрѣчается выраженіе: *уста Господня глаголаша сія*. Повтореніе словъ въ параллельныхъ членахъ стиха, столь обыкновенное въ первой части Исаіи, встрѣчается также и во второй части (42, 19, 44, 3, 54, 13, 55, 4, 13, 59, 10.). Точно также поэтическое слово tzaï zaïm — отпрыски, принадлежащее кромѣ Исаіи только Іову, находимъ и въ первой и во второй части пророчествъ Исаіи (22, 24. 42, 5, 44, 3, 48, 19, 61, 9, 65, 23.) Названіе Египта словомъ rahab (30, 7, 51,

(*) Въ томъ числѣ одинъ разъ 4 цар. 19, 22, гдѣ изображена рѣчь Исаіи же; за тѣмъ два раза въ пророч. книгѣ Іереміи 50, 29. и 51, 5. Но и эти два случая представляютъ духоносное заимствованіе Іереміи у Исаіи же.

9.) и слова: chavuz—молотьба (28, 27, 41, 15.), telulim—худая участь (66, 4, 3, 4.) и проч. принадлежатъ только Исаіи, и находятся въ обѣихъ частяхъ его книги. Сами противники сознаются, что сіи идіотизмы языка не могли произойти случайно (*).

Такимъ образомъ при сличеніи второй части книги Исаіи съ первою, нельзя не видѣть, что и по содержанію съ внутреннимъ характеромъ онаго, и по образу раскрытія предметовъ, и по особенностямъ языка, вторая часть есть писаніе того же самаго Св. Писателя, которому принадлежитъ и первая, не оспориваемая въ своей подлинности. Объяснять сходство сихъ частей, во всѣхъ отношеніяхъ, подражаніемъ или заимствованіемъ, рѣшительно невозможно. Ибо, 1) свойства и достоинства, общія той и другой части книги Исаіи, столь необычайны и поразительны, что онѣ и изъ самихъ пророковъ, или исключительно, или по преимуществу, свойственны одному Исаіи. 2) Пророческія рѣчи второй части, составляющія одно дивное цѣлое, собственною глубиною и силою свидѣтельствуютъ о самостоятельности своего Боговдохновеннаго писателя. Для произведенія второй части книги потребенъ былъ бы такой же великій органъ Св. Духа и съ тѣми же самыми высокими

(*) De-wette (einleit-in ses p. 288), sesenius (einleit z. zw th. ses. p. 29.), Hitzig (5. 269,—275), хотя называютъ указанные идіотизмы малостями, однако чувствуютъ, что они отсылаютъ къ Исаіи.

особенностями, — каковъ, именно и единственно, есть Исаія.

Посмотримъ теперь, почему съ самоувѣренностію возстаютъ нѣкоторые противъ подлинности сей части.

Рѣшеніе возраженій.

Вникая въ основанія, на которыя опираются оспоривающіе подлинность второй части книги Исаіи, не только не найдемъ въ нихъ ничего дѣйствительно-сильнаго и твердаго противъ истины, но даже увидимъ нѣчто противъ самихъ же противниковъ истины.

Оспоривающіе подлинность сей части, усиливаются найдти для себя какую либо опору, 1) отчасти также во внѣшнихъ свидѣтельствахъ и во внутреннихъ признакахъ книги, 2) главнымъ же образомъ — происхожденіе въ вѣкъ Исаіи такихъ пророчествъ, каковы во второй части, находятъ они несообразнымъ съ своими понятіями объ общихъ принадлежностяхъ и условіяхъ пророчествъ.

1) Внѣшнія свидѣтельства и внутренніе признаки, какіе противопоставляются подлинности пророчествъ Исаіи, заключающихся во второй части его книги, обличаютъ только неблагонамѣренныя и даже очень странныя притязанія мудрователей. Такъ одинъ изъ мудрователей (*) мечтаетъ найдти

(*) De-wette Einl. 8. 290.

у Пророка Захаріи свидѣтельство, будто писатель второй части пророчествъ Исаіи жилъ уже во *время построенія втораго храма*. Онъ указываетъ на слѣдующее мѣсто у Захаріи (8, 9.): *да укрѣпятся руцѣ васъ, слышащихъ во дняхъ сихъ словеси сія отъ устъ пророческихъ, отъ него же дне основася храмъ Господа Вседержителя.* Ему кажется, что здѣсь говорится собственно о тѣхъ утѣшительныхъ *словесихъ отъ устъ пророческихъ*, которыя содержатся въ книгѣ Исаіи; ему кажется, притомъ, что Захарія имѣетъ въ виду писателя сихъ пророчествъ, какъ переработавшаго 31 главу *книги Пророка Іереміи*. Но мудрователь напрасно забываетъ, что ободрительныя пророчества о возстановляемомъ храмѣ изрекались въ то время самимъ Захаріею и Аггеемъ; и слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго повода, утѣшительныя слова отъ устъ пророческихъ относить не къ симъ пророкамъ, но къ древнѣйшимъ пророчествамъ Исаіи. Не говоримъ уже о томъ, откуда взята странная мысль о переработкѣ 31 гл. Іереміи, когда у Захаріи нѣтъ и намека ни на что подобное (*). Другой (**), въ подтвержденіе поздняго происхожденія второй части, ссылается на то, что у Іереміи въ 20 главѣ, гдѣ предсказываетъ онъ о вавилонскомъ плѣнѣ, нѣтъ указанія на эту часть

(*) Напротивъ, Захарія, примѣтно, имѣетъ въ виду Исаію между „прежними пророками“ (7, 4 — 19 и сл. Исаіи 58, 5 и сл.), хотя конечно не его одного разумѣетъ здѣсь.

(**) Hitzig.

книги Исаіи. Какъ будто Іеремія каждый разъ непремѣнно обязанъ былъ ссылаться на Исаію, тогда какъ и безъ того видно у него столько свидѣтельствъ о извѣстности ему второй части (*).

Въ самыхъ пререкаемыхъ пророчествахъ указываютъ мѣста, гдѣ о плѣнѣ говорится въ настоящемъ времени, а о разрушеніи Іерусалима въ прошедшемъ (Исаіи 42, 22, 24, 44, 26, 28, 51, 3, 52, 2, 3, 9, 58, 12.). Но это объяснить не трудно. Плѣнъ вавилонскій представляется у Пророка какъ настоящій, но онъ не есть событіе настоящаго времени, что̀ мы и замѣчали, когда разсматривали современныя Пророку обстоятельства, съ довольною полнотою изображенныя въ сей части. Что̀ же касается до изображеній будущаго въ видѣ настоящаго, то это очень обыкновенно у пророковъ, пророки—прозорливцы; ихъ знаніе не есть дѣйствіе углубленій разума, а есть видѣніе созерцателей. Ихъ взоръ останавливался или на дѣйствительности настоящаго времени, и отселѣ переносился въ будущее, или на ближайшей будущности, и отселѣ созерцалъ отдаленнѣйшую. Поразительные примѣры тому: пророчества Моисея (Втор. 32, 7. 30.), созерцанія Осіи (14, 4, 8—10), Михея (7, 7. 11.), Исаіи (23 гл.). И въ самой пререкаемой части созерцательное и какъ бы евангельское изображеніе страждущаго и умирающаго за наши грѣхи Христа Спасителя (53.) ужели от-

(*) Выше указаны были примѣры.

носить, по происхожденію, ко временамъ Христіанскимъ?

Противники подлинности второй половины пророчествъ Исаіи старались отъискать въ ней примѣры возвышенныхъ, очищенныхъ, религіозныхъ понятій, которыя, по ихъ мнѣнію, болѣе приличны позднѣйшему времени. Но сами же согласились, что отъисканные ими примѣры не находятся въ противорѣчіи и со временемъ Исаіи (*). Сіи примѣры при должномъ вниманіи легко объясняются. Пророкъ въ главѣ 56, ст. 7. выражаетъ возвышенныя понятія о храмѣ, не только какъ о мѣстѣ жертвоприношеній, но какъ о домѣ молитвы для всѣхъ языковъ? Легко понять, почему такъ. Потому что храмъ былъ домомъ молитвеннымъ при благоугодныхъ жертвахъ народа, и отъ самаго созданія своего имѣлъ такое назначеніе, какъ это выражено въ молитвѣ Соломона (3. цар. 8, 38 и сл.). Пророкъ въ главѣ 56, 6. (также: 58, 13.) настаиваетъ на то, чтобы празднованіе субботы было освящаемо богоугодными дѣлами? Это потому, что суббота—самый священный ветхо-завѣтный праздникъ и первоначаліе праздниковъ; Моисей, или самъ Богъ при Моисеѣ, строго осуждалъ за нарушеніе сего праздника. Пророкъ въ гл. 61, ст. 5 и 6. называетъ израильтянъ священниками? Но такъ называли ихъ еще Моисей (Исх. 19, 6.)

(*) Hitzig. § 470.

и самъ Исаія въ началѣ своихъ пророчествъ (2, 2 и сл.).

Что касается содержанія и внутренняго характера пророчествъ Исаіи, то мы уже замѣтили, что во второй части во всей полнотѣ открылось и выразилось тоже самое, что и въ первой составляетъ особенность его пророчествъ. Указываютъ противники на нѣкоторыя разности второй части отъ первой по языку. Но объ особенностяхъ въ слогѣ и языкѣ, принадлежащихъ одной второй части, надобно сказать, что онѣ ограничиваются нѣсколькими словами и выраженіями, не употребленными въ первой части, повтореніемъ сказуемыхъ, украшеніемъ имени Іеговы или Израиля величественными эпитетами. Справедливо замѣтить, что особенности такого рода не столь важны, чтобы, при сходствѣ обѣихъ частей во всемъ главномъ и существенномъ, и кромѣ того во многихъ частностяхъ, нужно было выводить изъ нихъ заключеніе о разныхъ писателяхъ. Несправедливо же было бы отказываться отъ простаго и удовлетворительнаго изъясненія сихъ особенностей. Понятно, что Св. Писателю не было никакой необходимости употреблять одни и тѣ же слова и выраженія, когда и обыкновенные писатели въ этомъ имѣютъ свободу, и допускаютъ тѣмъ болѣе разнообразія, чѣмъ сильнѣе духомъ. При томъ же Пророкъ Исаія (какъ было замѣчено) отличается употребленіемъ словъ, ему одному принадлежащихъ; почему легко могло быть, что въ одной части употреблены были такія слова, которыя не встрѣчаются въ дру-

гой (*). Что̀ касается до повторенія сказуемыхъ и пр., то сія особенность, столь естественная въ пророчествѣ, исполненномъ живыхъ образовъ, встрѣчается и въ другихъ св. книгахъ, встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отдѣленіяхъ даже первой половины пророчествъ Исаіи. Въ пророческихъ рѣчахъ, излагаемыхъ въ видѣ размышленія (каковы пророчество у Исаіи въ послѣдней части), естественно быть большему обилію и меньшей отрывочности, нежели въ обличительныхъ рѣчахъ, говоренныхъ предъ народомъ. Также при раскрытіи предметовъ, особенно торжественныхъ, свойственно быть и особенной блистательности въ рѣчи (**).

(*) Замѣтить при томъ нужно, что нѣкоторыя изъ особенностей языка въ сей части, выставляемыя противниками, только кажутся особенностями, вслѣдствіе произвольнаго толкованія, напр. слова: tzedaka, tzedak—принимаемыя въ значеніи спасенія, побѣды, mischpat къ значеніи религіи, а иныя очень обыкновенны и даже встрѣчаются у самаго Исаіи: напр. рабъ Іеговы (40—48, 20, 3. 22—20 и пр.). Усилились еще отыскать въ сей части халдеизмы. Но что̀ найдено подобнаго, это или встрѣчается въ несомнѣнныхъ по древности св. книгахъ. или само по себѣ оказывается свойственнымъ и евр. языку. Не таковы дѣйствительные халдеизмы, встрѣчающіеся въ св. книгахъ, писанныхъ въ плѣну. Напр. книга Даніила, кромѣ разныхъ очевидныхъ халдеизмовъ въ ней, отчасти и написана на халдейскомъ языкѣ. Подробное изслѣдованіе сего см. Christolog Hengstenb. p. 188. T. I.

(**) Не излишне принять въ соображеніе и то, что разность второй части отъ первой, въ сихъ отношеніяхъ, сама по себѣ никакъ не больше, нежели разность между глав. 1—5 и глав. 6—7 въ книгѣ Пророка Михея, и даже она менѣе, нежели разность между 1 и 3 гл. Осіи или 1—6 гл. и 7, 8 гл. Амоса и въ разныхъ Давидовыхъ псалмахъ.

2) Посмотримъ, не болѣе ли важности въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя основываются на соображеніи пререкаемыхъ пророчествъ съ общими принадлежностями и условіями пророчествъ.

Находятъ происхожденіе сихъ пророчествъ въ вѣкъ Исаіи невѣроятнымъ и по отношенію къ самому Пророку—и по свойству содержанія разсматриваемыхъ пророчествъ,— и по цѣли оныхъ для современниковъ.

По отношенію къ Пророку. Говорятъ, будто психологически невозможно такое долговременное стояніе взора Пророка на отдаленной будущности, какое предполагается во второй части книги Исаіи, при мысли о происхожденіи ея дѣйствительно отъ Исаіи.

Но такое пререканіе уже рѣшительно отражается величественнымъ словомъ самого Исаіи (40, 13 сн. Рим. II, 34): *кто разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть?* Пророкъ въ началѣ и концѣ разсматриваемой части опредѣленно говоритъ, что чрезъ него *глаголетъ Богъ* (40, 1. 66, 9).

Нѣтъ никакой невозможности принимать и передавать другимъ откровенія о будущихъ событіяхъ, преподаваемыя Богомъ, Ему же *разумна отъ вѣка суть вся дѣла Его* (Дѣян. 15, 18). Подобно Исаіи, Пророкъ Михей и другіе тоже какъ бы жили въ будущихъ отдаленнѣйшихъ временахъ.

Даже можно сказать, что столь продолжительное и свѣтлое созерцаніе отдаленнаго будущаго особенно свойственно богодухновенному Исаіи. Въ первой части своей книги Исаія, видя глубокое растлѣніе современниковъ и за то, или наступившія,

или грозящія бѣдствія, обыкновенно восхищается къ созерцанію грядущей благодати: онъ, то провидитъ предварительныя ея благодѣянія Израилю, имѣющія явиться въ избавленіи его отъ бѣдствій, то успокоивается въ ней самой, — живописуетъ тайны ея, долженствующія впослѣдствіи открыться (1—5. 10 и 11. 24—29 и др.). Но изъ первой же части книги Исаіи извѣстно, что Пророкъ провидѣлъ такую страшную бурю бѣдствій, которая имѣла совершенно опустошить обѣтованную землю и разсѣять іудеевъ въ чуждыя страны (22, 1—5. 29, 14 и др.); и что сія опустошительная буря имѣла подняться отъ Вавилона (39, 6. 7). Отъ мраковъ сей страшной провидѣнной грозы не свойственно ли было Пророку тѣмъ выше и живѣе быть восхищеннымъ къ созерцанію благодати? Не свойственно ли было, чтобы Духъ Св. далъ своему избранному тѣмъ раздѣльнѣе видѣть тайны благодати и дольше успокоиваться въ ея свѣтлой области, чѣмъ мрачнѣе и разрушительнѣе была провидѣнная гроза. Прилично быть этому, судя по свойственнымъ Исаіи созерцаніямъ. Это самое и представляютъ пророчественныя откровенія, содержащіяся во второй части книгъ (съ присовокупленіемъ и прочихъ пророчествъ противъ Вавилона). Пророчество въ 39 гл. объ отведеніи народа іудейскаго въ плѣнъ вавил. служитъ нѣкоторымъ вступленіемъ къ пророчествамъ и наставленіямъ, содержащимся во второй половинѣ книги (*). А тѣ мѣ-

(*) Слѣдов. нѣтъ мѣста возраженію противниковъ: за чѣмъ Пророкъ второй части, не сказавъ о преселеніи въ плѣнъ, говоритъ о возвращеніи изъ плѣна?

ста въ сей послѣдней, въ которыхъ Исаія указываетъ на современное ему великое нечестіе въ народѣ, и еще только грозитъ великимъ за то наказаніемъ, показываютъ, что его пророческій взоръ, обращенный, главнымъ образомъ, на отдаленную свѣтлую будущность, не опускаетъ изъ виду и современности, а, напротивъ, созерцаетъ первую по поводу и обстоятельствамъ послѣдней.

Такимъ образомъ свѣтлое и продолжительное созерцаніе отдаленной будущности, представляющейся въ пророчествахъ Исаіи, вполнѣ согласно и вообще со свойствомъ пророческихъ созерцаній, и въ особенности съ пророческими восхищеніями Исаіи.

По свойству содержанія пророчествъ. Говорятъ, будто все, что пишетъ Пророкъ второй части о настоящей дѣйствительности (т. е. кажущейся такою противникамъ, это—дѣйствительность временъ Кира), вполнѣ вѣрно и точно до самыхъ малыхъ подробностей. Но что говоритъ онъ о будущемъ, это только пріятныя надежды, отъ которыхъ далеко отстала дѣйствительность. Какъ не походитъ, говорятъ мудрователи, состояніе бѣдныхъ переселенцевъ, современныхъ Ездрѣ и Нееміи, на блистательныя картины будущаго благоденствія, заключающіяся въ 60, 65 и 66 главахъ! А потому въ писателѣ второй части они мечтаютъ видѣть современника Киру, а не Исаію—современника Ахазу и Езекіи.

Охотно соглашаемся, что все сказанное о Кирѣ и времени его въ гл. 40—66 кн. Исаіи, вполнѣ вѣрно и оправдано событіями. Но точно ли совре-

менная самому Пророку дѣйствительность идетъ ко времени Кира, —это другой вопросъ. А изъ предложеннаго нами (*) изслѣдованія очевидно, что современныя Пророку обстоятельства совершенно не соотвѣтствуютъ времени окончанія вавилонскаго плѣна. Слѣдов. настоящее Пророка и то, что онъ говоритъ о Кирѣ и его времени, должно строго отличать одно отъ другаго.

Несомнѣнно и то, что къ бѣднымъ переселенцамъ, современнымъ Ездрѣ и Нееміи, не могутъ идти величественныя, всеобъемлющія и вѣчныя обѣтованія, которыя излагаются у Исаіи во второй части, кромѣ пророчествъ объ освобожденіи Израиля изъ плѣна. Но какія это обѣтованія? Это обѣтованія о пришествіи Іеговы, предваряемомъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ (40 гл.),— о Божественномъ Помазанникѣ и Посланникѣ, чудодѣйствующемъ Просвѣтителѣ и Спасителѣ Израиля и языковъ (61, 1 и сл.; 42, 1 и сл.), Который всемірное служеніе Свое имѣлъ проходить при тяжкихъ препятствіяхъ (49,4—7), Который озлобленъ и язвенъ за грѣхи наши, преданъ, на ряду съ беззаконными, смерти и погребенію, но за тѣмъ *узритъ сѣмя* — будетъ благоденствовать (53 гл.), въ которомъ откроется для духовно-жаждущихъ источникъ спасительной воды (55, 1—4), и проч. Сюда же относятся пророчества о невѣріи и отверженіи Израиля, объ обращеніи языковъ и опять о спасеніи всего Израиля (см. 65 гл.), ученіе

(*) Выше во 2-й части.

о нескончаемомъ блаженствѣ праведныхъ и наказаніи нечестивыхъ (60, 18—21. 66, 24). Само по себѣ понятно, а свидѣтельствомъ и ученіемъ Новаго Завѣта рѣшительно утверждено, что все это относится именно ко временамъ христіанства и къ жизни будущей—вѣчной. Большая часть сего во всей вѣрности и точности уже оправдалась событіями, и до селѣ оправдывается; остальное, по своему роду, еще имѣетъ совершиться также точно и вѣрно, чему ручательство—Слово Божіе и самое исполненіе большей части указанныхъ предсказаній. О какихъ же не сбывшихся вполнѣ надеждахъ пророки толкуютъ возражающее?

Если пророчества о Мессіи и Его царствѣ соединены у Исаіи съ пророчествомъ о возвращеніи изъ плѣна: то сіе имѣетъ свои глубокія основанія, и не даетъ никакого права или повода смѣшивать разныя пророчества. Еще въ первомъ обѣтованіи о спасительномъ сѣмени Жены возвѣщено, что всякія враждебныя дѣйствія противъ Церкви должны быть побѣждаемы только силою сего обѣтованнаго сѣмени. И эта побѣдоносная сила обѣтованнаго Спасителя въ ветхозавѣтныя времена была та же самая, которая имѣла явиться въ Его Лицѣ въ Новомъ Завѣтѣ, и имѣетъ во всей славѣ открыться въ вѣчности; только въ В. Завѣтѣ она являлась въ различныхъ отраженіяхъ и образахъ, а въ Новомъ открыта въ самой истинѣ. Потому торжество Христово надъ врагами Церкви, во всѣ времена совершающееся и простирающееся въ вѣчность, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ и неисчислимыхъ видахъ,

представляетъ собственно — единое Божественное зрѣлище. И слѣдов., Пророку, которому дано созерцать въ грядущихъ временахъ великую часть сего зрѣлища (начиная отъ вавилонскаго плѣна до вѣчности), свойственно было и представить оную въ одной общей и величественной картинѣ. Это тѣмъ болѣе, что, прежде совершеннаго и полнаго откровенія благодати, тайны, собственно, ея самой и прообразовательныя ея отраженія еще безвременно было представлять въ строгой ихъ раздѣльности между собою. Потому, если въ пророчествахъ Исаіи иногда не рѣзко разграничены одно отъ другаго благодатное спасеніе и, служащее образомъ сего, избавленіе іудеевъ отъ вавилонскаго плѣна: то сіе вполнѣ сообразно съ свойствомъ ветхозавѣтныхъ временъ. Подобно сему и по симъ же причинамъ и другіе пророки не рѣдко излагаютъ хотя разныя Божественныя обѣтованія, но въ самой внутренней связи ихъ между собою (см. Іер. 30, 31 гл. Іез. 34 гл.). Такъ и потому же у самого Исаіи въ 9 и 11 гл. съ избавленіемъ іудеевъ отъ ассиріанъ соединена высокая мысль о Мессіи. Во всѣхъ такихъ двойственныхъ пророчествахъ, черты разныхъ провидѣнныхъ событій то сливаются въ одинъ нераздѣльный образъ—по единству дѣйствующей въ сихъ событіяхъ Христовой силы и по нѣкоторой еще сокровенности ея, то ясно между собою различаются—по разности самыхъ явленій и дѣйствій оной силы: такъ что между двумя разными пророчествами въ одно и тоже время и единство есть и смѣшенія нѣтъ. Сіе-то самое въ дивной красотѣ

и въ особенно-яркомъ свѣтѣ является во второй части пророчествъ Исаіи. И такъ, у возражающихъ умствователей, — съ одной стороны, нѣтъ столько проницательности, чтобы изъяснить представляющуюся здѣсь внутреннюю связь различныхъ пророчествъ, а съ другой, — достаетъ столько дерзости невѣрія и вмѣстѣ неразумія, чтобы смѣшать различныя пророчества, затемнить для себя столь рѣзкія и свѣтлыя предсказанія о Мессіи, и такимъ образомъ извратить все общественно-прекрасное цѣлое сихъ пророчествъ.

Когда такимъ образомъ всѣ составныя части возраженія падаютъ: то само собою изчезаетъ и все представленное возраженіе противъ подлинности разсматриваемой части пророчествъ Исаіи (*).

(*) Не говоримъ уже о томъ, что подобными возраженіями предполагается, какъ ихъ внутреннее основаніе, та невѣрная мысль, будто все, изображаемое у пророковъ съ вѣрностію и точностію историческою, выходитъ потому изъ области пророчествъ.

Сія мысль открыто выставляется въ другомъ возраженіи, взятомъ также отъ содержанія второй части Исаіинной книги: и пророчества второй половины были бы, говорятъ противники, слишкомъ точны въ описаніи частностей, если бы были подлинныя. Это противорѣчило бы тому, что пророки въ предреченіи будущаго большею частію касаются только общаго.

Но здѣсь 1) невѣрно самое начало сужденія, будто пророки только въ однихъ неопредѣленныхъ общихъ чертахъ созерцали будущее; напротивъ въ сей же самой пророческой части видимъ многія такія пророчества о Мессіи, которыя, по своей обстоятельности и точности, кажутся болѣе Евангельскими-историческими описаніями, нежели пророчествами; тоже видимъ въ псалмахъ, въ другихъ пророческихъ книгахъ. Исторія послѣдующихъ за св. пророками временъ, располагаясь въ самыхъ частностяхъ и

Далѣе 2) смущаетъ оспоривателей имя Кира (44, 28. 25, 1), прямо пронареченное освободителю іудеевъ. Но нареченіе *не сущаго, яко сущаго*, свойственно Богу. И Пророкъ во второй части такъ поразительно поставляетъ на видъ, именно сіе Божеское свойство. Посему наименованію Кира, задолго до его рожденія, сколько для вѣры утѣшительно и назидательно, столько съ общимъ ходомъ пророческой рѣчи сообразно. Притомъ же это и не безпримѣрно. Такъ разрушитель Іеровоамова алтаря Іосія за-долго пронареченъ былъ отъ Бога (3. цар. 13, 2). Наконецъ самое имя Кира есть не такое имя, которое служило бы только къ условному обозначенію извѣстнаго лица; напротивъ, оно, какъ пронареченное отъ Бога (45, 4), есть имя глубоко знаменательное. Уже и древніе давали имени Кира значеніе солнца, какъ образа царственной сла-

---

случайностяхъ своихъ по предначертанію пророковъ, есть непререкаемый для самихъ противниковъ обличитель ихъ ложныхъ началъ.

2) Что касается до предреченій Исаіи, именно о плѣнѣ и его обстоятельствахъ: предреченія Пророка далеко не отличаются тою обстоятельностію и подробностію, которыя видны въ пророчествахъ его о Мессіи. Пророкъ говоритъ о халдеяхъ, показывая въ нихъ сильный народъ, стремящійся къ преобладанію надъ міромъ и утѣсняющій іудеевъ въ плѣну, но опустошеніи ихъ земли; говоритъ о наказаніи и разрушеніи Вавилона, также освобожденіи іудеевъ. Но современный Исаіи Пророкъ Михей также ясно говорилъ и о преобладаніи Вавилона, куда имѣли быть отведены іудеи,—и о разрушеніи Іерусалима и святилища, и о послѣдующемъ за тѣмъ освобожденіи іудеевъ съ наказаніемъ ихъ притѣснителямъ.

вы и величія (*); по такому значенію своему оно было употребляемо древними персами для выраженія вообще царственнаго достоинства и величія (**). Посему освободитель іудеевъ, преднареченнымъ ему именемъ Кира былъ назнаменованъ, какъ царь по превосходству,—какъ такой царь, въ которомъ царственное величіе и достоинство найдутъ свое достаточное (для человѣка) осуществленіе и сдѣлаются собственнымъ его именемъ. Но все, что̀ высокаго ни говорится о Кирѣ у Исаіи, слѣдуетъ только собрать вмѣстѣ, совокупить въ одно понятіе,—и это понятіе будетъ оное знаменательное его имя Киръ. И такъ преднареченіе имени Кира, столь поразительное по своей точности, въ тоже время не заключаетъ въ себѣ ничего особенно затруднительнаго въ сравненіи съ прочими чертами пророчества о немъ (***).

(*) Ctesias, Plutarchus in Artaxekx. См: Bährad, Ztesiam. p. 114.

(**) Впрочемъ принимать имя Кира за нарицательное названіе освободителя іудеевъ не позволяетъ никакъ, во 1-хъ, то, что въ пророчествѣ прямо сказано, что Господь называетъ его по имени (45. 4). Назвать по имени значитъ назвать собственнымъ именемъ. Во 2-хъ, всѣ древніе историки Кира выдаютъ сіе имя за собственное. Такимъ образомъ имя Кира вмѣстѣ и знаменуетъ вообще царственное достоинство, и есть собственное имя персидскаго побѣдителя Вавилона.

(***) Замѣчательно, что имя Кира усвоено персидскому завоевателю уже по восшествіи его на престолъ, а прежде имя его было Аградатъ (см. у Страбона XV, 3. p. 1060. Тоже подтверждаютъ Геродотъ 1,114. и древній персидскій обычай принимать новыя имена по воцареніи). Слѣдовательно пророчество исполнилось съ точностію двойною: не только онъ нареченъ Киромъ

По цѣли для современниковъ. Возражатели не видятъ никакой цѣли разсматриваемыхъ пророчествъ, въ случаѣ ихъ подлинности. Современникамъ Исаіи невозможно было, говорятъ они, понимать такихъ пророчествъ, въ которыхъ предрекались событія, столь отдаленныя. А потому сіи предсказанія служили бы только пищею любопытству.

Здѣсь опять съ перваго же взгляда представляется внутреннее противорѣчіе. Какъ же предсказанія были непонятны, когда они могли служить пищею любопытству? Нельзя же питаться тѣмъ, чего не принимаютъ уста. Но вникнемъ въ дѣло глубже.

Разсматриваемыя нами предсказанія составляютъ вѣнецъ всѣхъ прежнихъ предсказаній Исаіи. Здѣсь предрекается спасеніе церкви—земное (отъ ига вавилонскаго) и небесное, временное и вѣчное, частное и всеобщее. Это ли не могло имѣть для вѣка Исаіи другой цѣли, какъ служить любопытству?— Надобно взять во вниманіе всю тяжесть скорбнаго положенія современныхъ Пророку вѣрующихъ, чтобы понять великое назначеніе для Церкви сихъ пророчествъ Исаіи (40—66 гл.) Царство Израильское пало, или скоро должно было пасть; іудей-

---

согласно съ пророческимъ преднареченіемъ, но и нареченъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ преднареченъ симъ именемъ отъ Исаіи. Когда Киру дано было въ собственное имя такое названіе, которое выражало царственное достоинство и славу: то видно, что такъ назвали его какъ лично достойнаго царственнаго величія.

скому предрекалась пророками такая же участь, кромѣ того, послѣднее отовсюду стѣсняемо было сосѣдними народами, въ особенности же терпѣло отъ преобладанія ассиріянъ. Пороки и нечестіе усилились до крайности, какъ видно изъ первой и второй части пророчествъ Исаіи. Прообразовательныя жертвы, вмѣсто того, чтобы питать и поддерживать вѣру, оскверняемы были въ очахъ Божіихъ. Вѣра въ обѣтованіе о происхожденіи Божественнаго царя изъ рода Давидова, до того ослабѣла въ большей части іудеевъ, что они и самъ царь, потомокъ Давида, по выраженію Пророка, «трепетали какъ дерева въ лѣсу», въ совершенной безнадежности спастись отъ опасности, грозившей дому Давидову (Исаіи 7 гл.). Ясно, что для вѣрующихъ была настоятельная потребность въ самыхъ живыхъ и сильныхъ утѣшеніяхъ и ободреніяхъ. Ясно, что была вопіющая нужда для Церкви въ новыхъ, болѣе свѣтлыхъ, и точныхъ откровеніяхъ грядущей благодати, для оживленія (теряющаго свое живое значеніе) прообразовательнаго церковнаго устройства. Сія-то великая нужда Церкви, сія-то настоятельная потребность вѣрующихъ и была удовлетворена великимъ Пророкомъ Исаіею во второй части его книги. Часть эта вся проникнута духомъ утѣшенія и ободренія. И такъ, вотъ цѣль послѣдней части для современниковъ Пророка! Предсказаніе о концѣ великаго, еще только издали грозящаго іудеямъ бѣдствія (плѣна вавилонскаго), указанія на то, что надежда вѣковъ на Обѣтованнаго не разрушается современнымъ разливомъ не-

честія и грозящимъ языческимъ плѣномъ, напротивъ Обѣтованный предъявляется теперь въ новомъ болѣе открытомъ свѣтѣ; всѣ такія откровенія должны были утѣшать и подкрѣплять, возбуждать и просвѣщать вѣру лучшей части Израиля. Что̀ касается до худшей части народа—до нечестивыхъ и порочныхъ,—для нихъ чудныя предсказанія были воззваніемъ любви и правды Божіей, которымъ призывались они къ покаянію и, въ случаѣ нераскаянности, дѣлались безотвѣтными. Еще въ самомъ призваніи Исаіи къ пророческому служенію, указана была такая цѣль его пророчествъ, въ отношеніи къ нечестивымъ. Впрочемъ, и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что современикамъ Пророка не были вполнѣ понятны пророчества его. Но сіе относится не къ однимъ разсматриваемымъ нами пророчествамъ, напротивъ, это есть общая принадлежность почти всѣхъ пророчествъ, потому что они вполнѣ освѣщаются уже событіями. Притомъ, цѣль пророчествъ и не ограничивается одними современниками Пророка. Самимъ пророкамъ *открыто* было, *яко не имъ самѣмъ, но намъ служаху сія*, говоритъ Ап. Петръ (Петр. 1, 12,) относительно пророчествъ о Мессіи. И такъ, пусть современники Исаіи не все поняли въ пророчествахъ его, содержащихся въ послѣдней части книги. Уразумѣвъ то̀, что̀ имъ было нужно и можно уразумѣть, они чрезъ сіе выполнили цѣль пророчествъ, относящуюся къ нимъ. Но цѣль пророчествъ, какъ и содержаніе ихъ, идетъ еще далѣе. Она обнимаетъ какъ современниковъ Исаіи, такъ и нынѣшнихъ христіанъ, какъ

возвратившихся изъ плѣна іудеевъ, такъ и всѣхъ людей до кончины міра. Господь и святые Апостолы, ссылаясь столь часто на пророчества сей части, исполнившіяся въ христіанствѣ, возбуждали и утверждали тѣмъ вѣру, и посрамляли невѣріе. Святые отцы такимъ же образомъ пользовались пророчествами сей части, привлекая къ вѣрѣ однихъ и поражая невѣріе другихъ; такъ и доселѣ пользуется ими церковь. И сверхъ того, какой мракъ духовнаго унынія и скорби не можетъ разсѣять чтеніе сей части пророчествъ. Въ комъ не возгрѣетъ надежды и желанія высшихъ небесныхъ благъ? Все то, начиная отъ времени Исаіи, есть выполненіе великой цѣли его пророчествъ, какую имѣлъ Духъ Божій, глаголавшій въ Пророкѣ.

Послѣ сего можно сказать, что не только ясные внутренніе признаки и достовѣрныя свидѣтельства ставятъ подлинность второй части книги Исаіи выше всякаго сомнѣнія, но даже самыя возраженія противниковъ только даютъ поводъ къ большему утвержденію истины происхожденія сей части именно отъ Пророка Исаіи.

Другихъ поводовъ къ сомнѣніямъ и въ цѣлости состава книги, въ какой она принята отъ Исаіи или отъ собиравшихъ его пророчества другихъ пророковъ, не представляется. Перейдемъ къ другой пророческой книгѣ.

—

О книгѣ Св. Пророка Іереміи.

Происхожденіе книги отъ Пр. Іереміи видно и изъ ней самой и изъ внѣшнихъ о томъ свидѣтельствъ.

Въ самой книгѣ, и въ началѣ ея (1, 1), и въ концѣ всѣхъ пророч. рѣчей (51, 64), и кромѣ того, при наибольшей части рѣчей въ отдѣльности, — показано прямо, что всѣ эти рѣчи принадлежатъ Пр. Іереміи. И притомъ большею частію означено время, иногда же и другія обстоятельства произнесенія той или другой рѣчи; также указано совокупное ихъ написаніе и собраніе Пророкомъ — чрезъ Варуха (36 гл. 32 ст.). — Далѣе, историческія обстоятельства, которыхъ касается здѣсь свящ. писатель, совершенно согласны съ обстоятельствами времени Іереміи, какія изображаются въ историческихъ священныхъ книгахъ. Такъ Іуд. цари: Іосія (1, 1), Іоакимъ (26, 32 ст.), Іехонія (22, 24), Седекія (21, 3), двукратное нашествіе на Іерусалимъ халдеевъ при Седекіи (21, 1. 34, 1. 2), тщетное усиліе Египетскихъ царей помочь іудеямъ (37, 5), — все это указываетъ именно на то время, когда Пр. Іеремія проходилъ свое служеніе — по свидѣтельству 2-й кн. Паралипоменонъ (35, 25. 36, 11. 12), и вообще при соображеніи содержанія книги Пр. Іереміи съ историческимъ описаніемъ временъ Іереміи въ кн. Паралипоменонъ и

царствъ, можно примѣтить, что въ первой раскрываются въ живой дѣйствительности, со многими подробностями, именно тѣ самыя событія и перевороты, какіе столь обще изображены въ послѣднихъ,—что въ первой выражается преимущественно внутренняя сторона на той самой эпохи послѣднихъ царей іудейскихъ, которая, преимущественно съ внѣшней стороны, описывается въ послѣднихъ (въ кн. Іереміи духъ народа и судъ надъ нимъ Божій, а въ кн. Парал. и царствъ внѣшнія судьбы сего народа). Наконецъ, тонъ пророчествъ, содержащихся въ кн. Іереміи, совершенно приличенъ тому времени, когда жилъ Прор. Іеремія. Пророческія рѣчи проникнуты живою скорбію, жалостію, исполнены рѣзкихъ обличеній: но такой плачевный и вмѣстѣ обличительный тонъ есть единственный, который могъ идти ко времени, когда Іеремія проходилъ свое служеніе. Когда Іерусалимъ стоялъ уже на краю погибели, когда правосудный Богъ уже поднялъ свою крѣпкую мышцу на пораженіе іудеевъ: тогда Пророку, все это предвидѣвшему и прежде разрушенія Іерусалима ясно созерцавшему его развалины, свойственно было горько плакать. Свойственно было ему вопіять со всею силою противъ пороковъ, возбудившихъ столь великій гнѣвъ Божій.

Кромѣ такихъ внутреннихъ признаковъ, происхожденіе книги отъ Іереміи доказывается еще внѣшними свидѣтельствами какъ священныхъ писателей, такъ и вообще древнихъ писателей—Іудейскихъ и Халдейскихъ. Пр. Даніилъ (9, 2), пи-

сатель 2 кн. Паралипоменонъ (36, 21.) и писатель первой книги Ездры (1. 1), упоминая о пророчествѣ относительно 70-лѣтняго плѣна іудеевъ, приписываютъ оное Іереміи,—какъ и дѣйствительно оно содержится въ кн. Іереміи. Іисусъ сынъ Сираховъ, изображая бѣдствія, нанесенныя народу іудейскому халдеями, говоритъ: *сожгоша избранъ градъ святыни, и опустошиша пути его рукою Іереминою*, т. е., по властительному слову Божію, сказанному чрезъ Іеремію (49, 8). Говоря далѣе о избраніи Іереміи въ Пророка, сынъ Сираховъ почти буквально повторяетъ сказанное о семъ въ кн. самаго Іереміи (49, 9., сн. Іер. 1, 5. 10). Филонъ, приводя (de confus. ling. p. 40) изъ второй главы книги Іереміи слова: *святъ Израиль Господеви, начатокъ плодовъ Его*, говоритъ, что это слова Пр. Іереміи. Іосифъ Флавій говоритъ, что Іеремія предсказалъ іудеямъ многія бѣдствія, каковы разрушеніе Іерусалима, отведеніе іудеевъ въ плѣнъ и др., и всѣ свои предсказанія заключилъ въ одну книгу (Antiq. lib. 10, 1. 5. § 1). Книга Іереміи содержитъ именно такія предсказанія.

Въ Новомъ Завѣтѣ Св. Ев. Матѳей, по случаю избіенія Иродомъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ, приводя слова изъ сей кн.: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ* (Мат. 2, 18 сл. Іер. 31, 15), называетъ ихъ *реченными Пророкомъ Іереміею*. Во всѣхъ каталогахъ св. книгъ книга Іереміи упоминается вмѣстѣ съ прочими. За тѣмъ излишне и говорить, что Св. Отцы,

когда ни касаются сей книги, признаютъ ее Іереміиною.

Такимъ образомъ происхожденіе книги отъ Іереміи не сомнѣнно. (Только послѣдняя глава Іереміи, по соображенію 21, 64. LII, 32, оказывается прибавленіемъ кого-либо изъ позднѣйшихъ пророковъ). Но такою ли св. книга и произошла отъ Іереміи, какова теперь,—это вопросъ, требующій еще изслѣдованія. Два затрудненія встрѣчаются въ семъ отношеніи:

Одно слѣдующее: переводъ 70-ти и Евр. текстъ значительно, повидимому, разнятся между собою, и слѣд. тотъ или другой изъ нихъ, или оба утратили часть своей неповрежденности и цѣлости. Разность между ними, во первыхъ,—въ порядкѣ пророчествъ отъ гл. 25, 15 и до конца книги пророчества противъ языческихъ народовъ, въ Еврейск. текстѣ занимающія послѣднее мѣсто въ книгѣ (46—51, какъ и въ нашей Славянской Библіи),—по переводу 70-ти стоятъ послѣ 25, 14, при томъ и тутъ въ инаковомъ порядкѣ, нежели въ Еврейскомъ. Кромѣ сего, во вторыхъ, у 70-ти недостаетъ не только многихъ словъ и выраженій, но и цѣлыхъ довольно обширныхъ мѣстъ; напр. въ 27 гл. отъ ст. 19 до конца нѣтъ въ Александрійскомъ переводѣ; въ 33 гл. также нѣтъ отъ 14 до конца; въ 38 гл. отъ ст. 3 до 14-го тоже, и другія. Такія разности упоминаются уже Оригеномъ (ep. ad Afric. p. 226), и замѣчены Іеронимомъ въ такихъ древнихъ Латинскихъ переводахъ, которые по крайней мѣрѣ во 2-мъ вѣкѣ

сдѣланы съ перевода 70-ти; слѣд. онѣ идутъ отъ глубокой древности.

Но что касается до разности порядка пророч. рѣчей въ книгѣ, — къ изъясненію ея есть мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ (Eicchorn и Michäelis), будто самъ Іеремія сдѣлалъ два изданія своихъ пророчествъ. Да если бы и не такъ, бѣды нѣтъ никакой въ этой разности: ибо рѣчи Іереміи не имѣютъ между собою внутренней послѣдовательной связи, — онѣ въ своемъ родѣ тоже, что̀ отдѣльныя посланія Апостольскія, — и слѣд. въ перестановкѣ ихъ нѣтъ существенной важности; только бы всѣ эти рѣчи существовали въ томъ и въ другомъ разныхъ порядкахъ (какъ и дѣйствительно онѣ и всѣ и однѣ и тѣ же и въ Еврейскомъ текстѣ и въ переводѣ 70-ти), — и въ такомъ случаѣ самая разность порядка дѣлаетъ тѣмъ очевиднѣе ихъ цѣлость и полноту. Подобнымъ образомъ въ Новомъ Завѣтѣ посланія Павловы, въ западныхъ спискахъ, предшествуютъ соборнымъ, а въ Восточныхъ послѣдуютъ за этими: что же изъ того? Такъ какъ въ томъ и другомъ порядкѣ Апостольскія посланія находятся всѣ одни и тѣ же, то яснѣе становится, что всѣ они цѣлы и кромѣ ихъ нѣтъ другихъ. Совсѣмъ иной вопросъ: какой порядокъ пророческихъ рѣчей предпочесть другому, — какой изъ нихъ лучше и правильнѣе? По переводу 70-ти, мѣсто, какое занимаютъ рѣчи противъ язычниковъ, — правда болѣе соотвѣтствуетъ времени ихъ выхода; но тѣмъ не менѣе и у 70-ти нѣтъ вообще хронологическаго порядка въ рѣчахъ. По Евр.

тексту замѣчается порядокъ рѣчей по назначенію и содержанію ихъ, и онъ выдержанъ. И такъ порядокъ пророч. рѣчей, по Евр. тексту, показываетъ въ себѣ нѣкоторое единство и правильность, которыхъ не замѣчается въ переводѣ 70-ти; слѣд. первой болѣе достоинъ св. книги и ея писателя. Такъ, видно, разсуждали наши Славянскіе переводчики: ибо у нихъ соблюденъ порядокъ пророч. рѣчей по Евр. тексту. Этотъ же порядокъ — въ Сирскомъ, въ Халдейскомъ, и въ Вульгатѣ. — О разности, состоящей въ недостаткѣ даже цѣлыхъ мѣстъ по переводу 70-ти, которыя сохранились между тѣмъ въ Еврейскомъ, — должно замѣтить слѣдующее: изъ опущенныхъ 70-тью толковниками мѣстъ есть нѣсколько такихъ, которыя въ Еврейскомъ текстѣ дважды встрѣчаются (6 такихъ мѣстъ): сокращеніе можетъ быть намѣренное, но очевидно ничего не отнимающее у свящ. книги относительно ея достоинства! Встрѣчаются еще у 70-ти въ книгѣ Прор. Іереміи и такія мѣста, которыя отчасти свидѣтельствуютъ и о неполнотѣ перевода (на пр. недостатокъ 15 ст. въ 52 гл.).

Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ только не полноту восполнять, не точное уяснять— изъ Еврейскаго, какъ то бываетъ нужно и какъ дѣлали Св. Отцы и относительно другихъ св. книгъ. Такъ именно и поступали Славянскіе переводчики книги Пр. Іереміи: у нихъ все, недостающее по переводу 70-ти, восполнено согласно съ текстомъ Еврейскимъ.

Другое затрудненіе происходитъ отъ того, что

Ев. Матѳей въ 27 гл. въ 9 ст. приписываетъ Іереміи такое мѣсто, котораго въ его книгѣ нѣтъ, а находится оно у Захаріи. Затрудненіе увеличивается отъ того, что приведенныя слова принадлежатъ такой части книги Захаріи, которая много разнится отъ первой части той же книги. Но затрудненіе въ отношеніи къ книгѣ Іереміи достаточно устраняется тѣмъ, что слова, приведенныя Евангелистомъ подъ именемъ Іереміи, находятся съ буквальною точностію въ другой книгѣ и что эта послѣдняя книга или спорная ея часть, по совершенному несходству съ Іеремиинои книгой, никакъ не можетъ быть относима къ Іереміи. Слѣдовательно отъ цитаты Евангелиста нельзя заключить о нецѣлости книги Пр. Іереміи, въ настоящемъ ея видѣ. Иное дѣло, если бы приводимаго Евангелистомъ мѣста, какъ *реченнаго Іереміею*, нельзя было найти нигдѣ въ Св. Писаніи В. Завѣта: тогда можно было бы недоумѣвать, въ цѣлости ли дошла до насъ книга пророчествъ Іереміи. А теперь только видно одно то, что Ев. Матѳей, приводя съ точностію Захаріино пророчество о покупкѣ скудельничей земли за тридцать сребренниковъ, за которые преданъ былъ Господь, упоминаетъ вмѣсто Захаріи о Іереміи не иначе, какъ съ особенною мыслею, — указывая, конечно, на что либо въ Іеремиинои книгѣ, служащее къ разъясненію пророчества Захаріина. Въ кн. Іереміи, дѣйствительно, разсказывается случай покупки земли, произведенной, по особому повелѣнію Божію, самимъ Іереміею предъ самымъ вавилонскимъ завоеваніемъ и опустошеніемъ земли

обѣтованной: это было въ знаменованіе того, что *еще притяжутся храмины и села и винограды на сей земли*, когда Господь іудеямъ *дастъ путь инъ и сердце ино боятися Его вся дни на благоту имъ и чадомъ ихъ по нихъ* (Іерем. XXXII, 9, 15, 39.). Такое внутреннее благодатное обновленіе Израиля, очевидно уже выходящее изъ предѣловъ Вет. Завѣта, можетъ совершиться не иначе, какъ на основаніи искупительной смерти Спасителя, на которую Онъ преданъ былъ за извѣстную цѣну; и за эту цѣну тоже была куплена земля въ этихъ послѣднихъ обстоятельствахъ. Ев. Матѳей, видно, прозиралъ не только исполненіе цитованнаго имъ Захаріина пророчества, но и воспроизведеніе духа Іереміиной покупки земли, предъ самымъ наступленіемъ вавилон. плѣна. Мысль Евангелиста въ этомъ случаѣ можно такъ изложить: «какъ ни мрачно это время, когда въ Іудеи продалъ Господа одинъ изъ Его учениковъ, а пролившіе кровь Господню, не находя приличнымъ удержать цѣну Его крови въ храмѣ, употребили ее на покупку земли скудельничей, по прямому пророчеству Захаріи; но по пророчеству другаго Пророка, именно Іереміи, будетъ и свѣтлое для Израиля время, когда на основаніи самой смерти Спасителя, на которую Онъ былъ проданъ за извѣстную цѣну, Благодать снова взыщетъ и помилуетъ Израиля, оживотворитъ умершій его духъ. Покупка земли скудельничей, за цѣну искупительной крови Христовой, есть тоже, что Іереміина покупка земли предъ самымъ плѣномъ вавилонскимъ, служи-

вшая порукою и задаткомъ того великаго будущаго Божія благоволенія къ Израилю и землѣ обѣтованной, когда Богъ *дастъ* Своему народу «*путь инъ и сердце ино*»... У Ев. Матѳея есть и во другихъ мѣстахъ подобныя, глубокознаменательныя указанія (цитаты) изъ В. Завѣта (напр. во 2-й гл. въ 15 ст. и особенно въ 23 ст.). Но есть объясненіе цитаты изъ кн. Захаріи, съ указаніемъ однако на Іеремію, еще вотъ такого рода: поелику въ Талмудѣ и въ нѣкоторыхъ Еврейскихъ рукописяхъ, сохранившихся до нашихъ временъ, также у нѣкоторыхъ раввиновъ—Іеремія занимаетъ первое мѣсто между Большими Пророками; то Евангелистъ могъ и все собраніе пророческихъ книгъ означать именемъ Іереміи, поставленнаго во главѣ всѣхъ ихъ, и слѣд. приводить мѣсто изъ Захаріи, какъ реченное Іереміею.

И такъ мы имѣемъ въ св. канонѣ книгу дѣйствительно принадлежащую Іереміи, одушевляемому Духомъ пророческимъ и сохранившуюся до насъ въ цѣлости.

—

О книгѣ Св. Пророка Іезекіиля.

Происхожденіе книги Пророка Іезекіиля, дѣйствительно, отъ этого Св. Пророка можно видѣть изъ самой книги.—Во первыхъ, разсматривая эту пророческую книгу, нельзя не видѣть, что вся она принадлежитъ одному писателю. Ибо во всей книгѣ видѣнъ одинъ характеръ и по содержанію, и по образу раскрытія предметовъ, и по языку.

Содержаніе всей книги таинственное по преимуществу. Предметы всюду раскрываются или въ символическихъ великолѣпныхъ видѣніяхъ, или въ поразительныхъ символическихъ дѣйствіяхъ, и вообще рѣчью приточною, исполненною самыхъ свѣтлыхъ образовъ: притомъ же и въ изображеніяхъ видѣній и просто въ пророческихъ рѣчахъ необыкновенная тщательность въ самыхъ подробностяхъ. Во всей книгѣ однѣ и тѣ же особенности языка: Пророкъ называется и въ началѣ, и въ срединѣ, и на концѣ книги *сыномъ человѣческимъ* (43, 7, 44, 5); вдохновеніе Пророка выражается словами: *и бысть на мнѣ рука Господня* (1, 3, 3, 14, 22, 8, 1, 31, 1, 40, 1); вниманіе Пророка къ извѣстнымъ предметамъ возбуждается всегда словами: *утверди лице твое на...* (6, 2, 21, 2; 25, 2, 29, 2, 38, 2, 40, 4), и т. дал. Отъ начала до конца книги въ изложеніи находятъ цвѣтъ халдейскій. Вообще происхожденіе книги отъ одного писателя слишкомъ ясно въ самой книгѣ, такъ что нельзя приписывать иное въ книгѣ самому Іезекіилю другое другому писателю.

Во вторыхъ, въ самой же книгѣ писатель представляется современникомъ неоднократнаго нашествія Навуходоносора на Іудею, разоренія имъ Іерусалима и храма, отведенія Іудеевъ въ плѣнъ, и эти грозные суды Божіи столь глубоко и сильно отпечатлѣны въ книгѣ; что въ писателѣ нельзя не признать не только современника, и при томъ всею душею сочувствующаго своему времени, живущаго его бѣдами и нуждами, но даже самаго органа этихъ пра-

ведныхъ судовъ Божіихъ. Указанный же въ его языкѣ оттѣнокъ халдейскій даетъ примѣтить, что самъ писатель уже былъ въ плѣну у халдеевъ, какъ это и прямо показано въ его книгѣ. Притомъ, время Пророка не только представляется вообще какъ относящееся къ эпохѣ опустошенія Іудеи, но при многихъ видѣніяхъ и рѣчахъ Пророка указывается съ точностію самый годъ, мѣсяцъ и даже день, когда послѣдовало откровеніе. Такимъ образомъ, вѣкъ и обстоятельства Пророка Іезекіиля рѣзко обозначены въ его книгѣ. Для дополненія свѣдѣній о происхожденіи книги именно отъ него, оставалось бы, въ третьихъ, назвать его имя, и имя Іезекіиля, съ означеніемъ его рода и званія, прямо указывается въ 1 гл. 3 стихѣ.

Внутреннимъ признакамъ подлинности соотвѣтствуютъ и свидѣтельства. Сынъ Сираховъ съ благоговѣніемъ говоритъ о Іезекіилѣ: *иже видѣ видѣніе славы, юже показа ему въ колесницѣ Херувимстѣ* (49, 10). Видѣніе славы въ колесницѣ Херувимстѣ указывается и въ началѣ и въ срединѣ и на концѣ пророческой книги (1 гл. 10, 14 и д. 41, 19 и д.). Іосифъ Флавій называетъ Іезекіиля Пророкомъ и говоритъ, что и онъ предсказывалъ народамъ о томъ, о чемъ предсказывалъ Іеремія (Antiq. X, c. 5. § 1). Это свидѣтельство важно потому, что здѣсь приписывается Іезекіилю пророчества не только объ одномъ Іудейскомъ народѣ, но и о многихъ народахъ, а въ книгѣ его точно содержатся пророчества и объ іудеяхъ и объ языческихъ народахъ. У древнихъ іудеевъ, по свидѣ-

тельству Блаженнаго Іеронима, было такое благоговѣніе къ пророчествамъ Іезекіиля, что начало и конецъ его книги, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими свящ. отдѣленіями, не дозволялось и читать никому до 30-ти лѣтняго возраста (Ep. 53 ad Paulin. Opp. 1. p. 279). Въ Талмудѣ Іезекіиль, какъ Св. Писатель, поставленъ послѣ Іереміи.

Въ Новомъ Завѣтѣ хотя не встрѣчается цитатъ изъ этого Пророка, съ именнымъ на него указаніемъ, но есть мѣста, въ которыхъ имѣются въ виду тѣ или другія слова Пр. Іезекіиля (напр. 33, 31 сл. 1. Петр. 2, 25; 34, 17. сл. Мат. 25, 32; 37, 26, 27. сл. 2 Кор. 6, 16 и пр.). Слѣдовательно, книга Іезекіиля является у ново-завѣтныхъ священныхъ писателей въ употребленіи на ряду съ прочими несомнѣнными св. книгами Ветхаго Завѣта. Во всѣхъ христіанскихъ каталогахъ ветхо-завѣтныхъ книгъ пророчества Іезекіиля поставляются послѣ книги Іереміи. Сколь великое уваженіе и вѣру имѣли къ книгѣ Іезекіиля Св. Отцы, видно изъ отзыва о ней Блаженнаго Іеронима, который называетъ ее «океаномъ писаній, лабиринтомъ таинъ Божіихъ».

Въ подлинности книги Пророка Іезекіиля не было въ древности сомнѣній. Только въ новѣйшія времена, отличающіяся неумѣреннымъ стремленіемъ дать во всемъ отчетъ и возникшимъ отсюда направленіемъ нѣкоторыхъ подо все подкапываться, во что бы то ни стало, — отнимаютъ у Іезекіиля послѣднія 9 главъ, содержащихъ въ себѣ описаніе таинственнаго города и храма. Не касаясь общихъ твердыхъ основаній подлинности книги, которыя уже

и сами по себѣ не даютъ мѣста этому мнѣнію, можно видѣть, что оно падаетъ и отъ собственной своей слабости. Въ подтвержденіе этого мнѣнія говорятъ, что послѣднія 9 главъ очень темны. Но таинственная темнота есть отличительный характеръ всей книги этого Пророка. Внѣшнюю же или буквальную сторону содержанія этихъ главъ можно вполнѣ уяснить, конечно, не безъ свѣдѣній въ древней архитектурѣ, во многомъ отличной отъ архитектуры нашего времени. Во вторыхъ, представляютъ, будто Пророкъ не могъ удержать въ памяти столь многочисленныхъ измѣреній, каковы здѣсь. Странная и пустая мысль! Не говоря о томъ, какъ иногда и простые люди удерживаютъ въ памяти множество мѣръ и числъ, довольно знать одно то, что видѣть таинственный городъ и храмъ дано Іезекіилю, какъ Пророку. Слѣдовательно все это видѣніе въ умѣ, воображеніи, въ памяти его было напечатлѣно, и послѣ въ словѣ и писаніи выражено собственно Духомъ Божіимъ, глаголавшимъ въ Пророкѣ. Въ третьихъ, говорятъ, что іудеи никогда не выполняли сего откровенія — касательно города и храма. Но іудеи знали лучше истинное значеніе и назначеніе этихъ главъ, нежели подобные возражатели. Ибо видно, что іудеи признавали въ этихъ главахъ глубокой таинственный смыслъ, когда не дозволяли, до возмужалаго возраста, и читать ихъ. Таинственныя же откровенія не для того и даны, чтобы исполнять ихъ буквально, вопреки существенному ихъ значенію. Какъ было бы возможно буквально исполнять такое откровеніе о

храмѣ, чтобы изъ подъ него текла живая вода даже до Мертваго моря и усладила его воды?—Наконецъ указываютъ еще на Іосифа Флавія, приписывающаго Іезекіилю только двѣ книги о плѣнѣ вавилонскомъ. (Archaeolog L. X. c. 5. § 1). Но это замѣчаніе Флавія иные разумѣютъ, по связи его рѣчи, не объ Іезекіилѣ, а Іереміи. Кромѣ сего, если оно и къ Іезекіилю относится, то можно сказать, что Флавій второю книгою Іезекіиля и называетъ именно послѣднія девять главъ. Ибо откровеніе, здѣсь содержащееся, дано по поводу опустошенія Іудеи и плѣненія Іудейскаго народа; и оно не мало отличается отъ прочихъ откровеній, данныхъ Іезекіилю. Слѣдовательно, изложеніе этого откровенія могло быть почтено другою частію пророчествъ Іезекіиля, и однако также относящагося къ плѣну вавилонскому.

Замѣчаніе. Нужно еще посмотрѣть, какъ произвольно объясняютъ происхожденіе этихъ главъ оспориватели. Иные относятъ ихъ къ какому нибудь самарянину, который будто бы самъ отъ себя издалъ такое откровеніе съ намѣреніемъ указать на неправильность новопостроеннаго храма и побудить іудеевъ построить, уже вмѣстѣ съ самарянами, новый общій храмъ. Другіе приписываютъ кому либо изъ евреевъ возвратившемуся изъ плѣна позднѣе другихъ и добивающемуся себѣ участка въ Палестинѣ. Но почему бы въ послѣднемъ случаѣ заниматься главнымъ образомъ измѣреніемъ храма и города? Почему въ первомъ случаѣ іудеи приняли въ св. канонъ книгу, подложенную отъ столь ненавистныхъ имъ самарянъ? Впрочемъ, оставляя открытую, какъ свѣтъ дневной, истину, обыкно-

венно начинаютъ уже бредить. *Второе замѣчаніе.* Въ одномъ изданіи Англійскомъ (The Monthy Magazin and. Britisch Register London 1798 p. 189), не извѣстный изъявилъ сомнѣніе и въ подлинности пророчествъ на языческіе народы (гл. 25—32, гл. 35, 36. и гл. 38, 39). Но уже и нѣмецкіе столь мнительные и кропотливые ученые едва удостоиваютъ возражателя замѣчанія, что нѣтъ ни нужды, ни пользы опровергать основанное на одной прихоти сомнѣніе. Ибо совершенно ясно происхожденіе сихъ пророчествъ отъ одного и того же Св. Писателя, кому принадлежитъ вся книга. Встрѣчаются здѣсь обычныя Іезекіилю обозначенія года, мѣсяца и дня, когда послѣдовало откровеніе; также часты воззванія: *сыне человѣчь;* тѣ же формулы: *обрати лице на....слышите слово Господне.... Бысть слово Господне ко мнѣ.... и уразумѣютъ, яко Азъ есмь Господь* и пр. и въ сихъ пророчествахъ, какъ въ предыдущихъ, цари часто называютъ *nagid* и *naschi,* указываются тѣ же осадныя орудія *daik.* (circumvallatio) и *melolah* (agger) (26, 8 сл. 4, 2. 13, 13. 21, 27). Наконецъ, здѣсь вездѣ та же тщательность въ раскрытіи предмета, то же обиліе эпитетовъ, даже (въ 28, 14) указывается на видѣніе славы (1, 13. 10, 2). Если же часто въ сихъ пророчествахъ упоминается преисподняя (26, 20. 31, 14—17. 32, 18—13), то этого требовалъ предметъ, и это очевидно не доказываетъ того, что сіи пророчества, по своему свойству, различны отъ прочихъ. Вообще сказать о встрѣчающихся подобнаго рода сомнѣніяхъ и возраженіяхъ, что они не болѣе, какъ нечистыя насѣкомыя,—безпокоятъ изучающаго, и, останавливаясь для ихъ отраженія, невольно жалѣешь о потерѣ на это времени и труда.

Дѣльныхъ поводовъ къ сомнѣнію въ цѣлости этой книги тоже не представляется.

—

О книгѣ Св. Пророка Даніила.

За книгою Пр. Іезекіиля слѣдуетъ книга четвертаго велик. Пророка—Даніила. Правда, не всѣми помѣщается здѣсь эта книга. Талмудисты помѣстили кн. Пр. Даніила не между книгами пророковъ, но въ томъ классѣ св. книгъ, который извѣстенъ подъ именемъ Писаній, или аіографовъ,—гдѣ Евреи и донынѣ ставятъ кн. Даніила. Что впрочемъ это помѣщеніе книги есть не первоначальное въ собраніи ветхо-завѣтныхъ книгъ и не общее всѣмъ древнимъ іудеямъ, — доказательство тому, кромѣ древнѣйшаго перевода 70-ти, можно находить еще у Іудейскаго историка Флавія. Онъ, упомянувъ о кн. *закона* и *пророковъ*, въ классѣ *аіографовъ* считаетъ только четыре книги, и именно такія, въ которыхъ содержатся, по его выраженію, «Божественныя пѣсни и правила жизни для людей», т. е. книгу псалмовъ, Екклезіаста, притчей и Пѣснь пѣсней. Слѣд. книгу Пр. Даніила полагалъ онъ не здѣсь, но между книгами *пророковъ*. Также, Мелитонъ, Еп. Сардійскій, который во 2-мъ вѣкѣ путешествовалъ въ Палестину, чтобы узнать Библейскій канонъ Палестинскихъ Іудеевъ, и Оригенъ, который передаетъ канонъ то же Евреевъ, поставляютъ Даніила между пророками, и даже прежде Іезекіиля. Так. образомъ, по Іудейскому же древнему счисленію

св. книгъ, Даніилова книга относится къ пророческимъ, хотя мѣсто ея между пророческими книгами не было строго опредѣлено и потому одинаково въ каталогахъ. Но помѣщеніе Даніила послѣ Іезекіиля имѣетъ въ свою пользу, во 1-хъ, то, что книга Даніила занимаетъ именно это мѣсто въ древнихъ переводахъ В. Завѣта, начиная съ перевода 70-ти, принятаго въ церковное употребленіе въ Христіанствѣ, и въ разныхъ Еврейскихъ спискахъ—и въ Христіанскихъ древнихъ каталогахъ;—во 2-хъ, то, что при такомъ размѣщеніи Великихъ Пророковъ, соблюдается хронологическій порядокъ ихъ; и въ 3-хъ, то, что въ обще-принятыхъ изданіяхъ Библіи остается неизмѣннымъ этотъ самый распорядокъ пророческихъ книгъ, по которому книга Даніила слѣдуетъ за книгою Іезекіиля. Впрочемъ, разность помѣщенія Даніиловой книги въ Библіи, очевидно, ничего не представляетъ противъ подлинности этой св. книги.

Разсматривая составъ самой книги Пр. Даніила, находимъ: 1-е, что въ подлинникѣ нѣтъ числящихся по Слав. Библіи 13-й и 14-й гл., также въ III гл. — пѣсни отроковъ, которыя между тѣмъ заключаются въ ея составѣ — по переводу 70-ти, а отсюда и по нашему Славянскому. Эти части книги, не находясь въ подлинникѣ, посему признаются не каноническими, и не принадлежатъ собственно Даніиловой пророческой книгѣ, хотя и помѣщены въ ней. Позднѣйшее происхожденіе этихъ частей видно и изъ нихъ самихъ. Это должно сказать, по крайней мѣрѣ, касательно сказанія

о Сосаннѣ (въ 13-й гл.), происхожденіе котораго уже на Греч. языкѣ очевидно. Даніилъ спрашиваетъ одного изъ — беззаконныхъ старцевъ — обвинителей цѣломудренной Сосанны: *подъ кіимъ древомъ видѣлъ еси ихъ бесѣдующихъ къ себѣ: онъ же рече: подъ терномъ* (по Греч. ὑπὸ σχίνον) *Ангелъ Божій*, возражаетъ Даніилъ,... *растргнетъ тя полма* греч. σχίνει σε μέσον. Такое слово Даніила, очевидно, поставлено въ соотвѣтствіе слову старцеву ὑπο σχίνον —σχίσει σὲ). Подобный же вопросъ предложилъ Даніилъ и другому старцу: *подъ кіимъ древомъ?... Подъ чресминою* (ὑπὸ πρῖνον), отвѣчалъ этотъ. *Ждетъ Ангелъ Божій*, сказалъ Даніилъ и сему беззаконнику, *разсѣщи тя полма* (πρίσαι σὲ). Опять очевидно намѣренное соотвѣтствіе Даніилова слова (πρισαι) старцеву (πρῖνον). Очевидно, что подобная особенность рѣчи, какъ объясняемая изъ самаго намѣренія и мысли говорящаго, принадлежитъ самому подлиннику, а не въ переводѣ образовалось. Слѣдовательно, все сказаніе написано первоначально уже на Греческомъ и слѣд. не прежде не только Еллинскаго нашествія на Востокъ, подъ предводительствомъ Александра Македонскаго, но и распространенія между іудеями знанія Греческаго языка. Сказаніе о Сосаннѣ, какъ и о храмѣ и о жрецахъ Вила, въ Греческой Библіи поставлено внѣ числа главъ — первое въ началѣ, а другое на концѣ книги. Въ нашей же Славянской хотя то и другое подведено подъ общее число главъ книги, но съ явнымъ нарушеніемъ хронологическаго порядка: ибо сказаніе о Со-

саннѣ, въ которомъ Даніилъ представляется еще юношей, поставлено послѣ откровеній, данныхъ ему уже при Кирѣ, слѣдовательно въ глубокой старости Пророка. — Значеніе этихъ неканоническихъ отдѣленій книги, со включеніемъ и пѣсни трехъ отроковъ, также не находимой въ подлинникѣ и слѣдовательно имѣющей подобное же происхожденіе, какъ и повѣствованія о Сосаннѣ и храмѣ Вила. — Согласно съ значеніемъ и другихъ Библейскихъ, но не каноническихъ писаній. Эти писанія принадлежатъ къ урокамъ также Божественнаго руководства; только сіи уроки Небеснаго руководства даны не въ начертаніяхъ самаго Слова Божія, а посредствомъ, такъ сказать, воспитательныхъ или учебныхъ опытовъ вѣры самаго спасаемаго человѣка, *егда* (скажемъ съ Апостоломъ) *бѣ младъ* еще по образу своего воззрѣнія на спасительную истину и воспитывался *подъ повелители и приставники* (Гал. IV, 1. 2.), однако уже близокъ былъ и проходилъ уже послѣднее время своего приготовленія къ точному и полному разумѣнію благодатной истины. Теперь, послѣ совершеннаго Откровенія благодати и истины въ Новомъ Завѣтѣ, мы должны какъ углубляться въ прежніе уроки самаго Слова Божія, дабы духъ и силу оныхъ вполнѣ открывать въ разумѣніи и дѣятельности нашей вѣры, такъ слѣдить и въ самыхъ учебныхъ опытахъ вѣры, воспитываемой отъ Бога къ зрѣлому уразумѣнію и выполненію спасительной истины, — должны слѣдить ся направленія и духъ съ тѣмъ, чтобы вполнѣ раскрыть

въ дѣятельности своей вѣры то, что было въ вѣрѣ в.-завѣтнаго человѣка, только начаткомъ и предуготовленіемъ. Съ сей точки зрѣнія пѣснь трехъ отроковъ, выражающая славу благодатной державы, не только сіяющую въ самомъ Божествѣ, но провозглашаемую и въ мірѣ невидимомъ и отражающуюся на всѣхъ предметахъ видимаго міра и самой природы неодушевленной, — является прекраснымъ и свѣтлымъ начаткомъ и образцемъ и урокомъ того, чтобы свѣтъ и сила Христовой державы нами, съ славословіемъ предъ Богомъ, созерцаемы были какъ во внутреннихъ своихъ глубинахъ, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ областямъ бытія и жизни. Ибо если и в.-завѣтной вѣрѣ дано, въ видѣ учебнаго или воспитательнаго опыта, войти именно въ *такую* силу и значеніе благодатной державы, то мы-то Новозавѣтные что будемъ, если даже отстанемъ отъ в.-завѣтной вѣры, а не будемъ вполнѣ развивать то, что тогда было только начаткомъ?—Съ этой точки зрѣнія сказанія о Сосаннѣ, по которому предъ судомъ Духа истины, въ устахъ Пр. Даніила, обличались прекаанія и лжесвидѣтельства человѣческія и съ должною славою открылась омрачаемая клеветою правда, — и сказаніе о храмѣ Вила, по которому обманы служителей призраковъ Божественнаго раскрылись во всей гнусности своей при томъ же свѣтѣ Духа Св., одушевлявшаго Пророка,—составляютъ в.-завѣтные начатки и залоги того, что для очей вѣры, озаряемыхъ свѣтомъ Божеств. Откровенія, всѣ прекаанія и клеветы

человѣческія не закроютъ достоинства духовной правды и всѣ хитрости лжи не утаятъ безобразія заблужденій, при всей призрачной ихъ законности и дѣйствительной закоренѣлости. Ибо если преданія и воззрѣнія в.-завѣтной вѣры выражали это въ упомянутыхъ сказаніяхъ, то мы, увлекаясь мнимою убѣдительностію лжи и клеветами ея на благодатную правду и не умѣя дознать торжество правды и разсѣять козни лжи, были бы слѣпѣе тѣхъ, на сердцахъ которыхъ все же сколько нибудь лежало ветхо-завѣтное покрывало. — О неканоническихъ частяхъ книги Пр. Даніила довольно сказаннаго; болѣе и говорить не будетъ.

Но во II-хъ, въ самомъ составѣ подлинника Даніиловой книги находимъ то, что книга частію написана на Еврейскомъ, хотя съ халдеизмами, частію на чисто-Халдейскомъ. Именно: начиная съ 4-го ст. 2-й главы до 7-й гл. включительно, т. е. около 6-ти главъ (цѣлая почти половина книги) писаны по-Халдейски, а все остальное — послѣднія пять главъ и первая съ нѣсколькими стихами второй писаны на Еврейскомъ. И такъ, не двѣ ли отдѣльныя книги содержатся въ этихъ 12-ти главахъ, которыя находятся въ подлинникѣ? Нѣтъ, единство книги, не смотря на разность діалектовъ, на которыхъ она написана, видно прежде всего изъ связи, въ какой халдейская часть стоитъ съ Еврейскою. Начало халдейской части (именно 4-й ст. 2-й главы) и дальнѣйшая рѣчь составляютъ очевидное продолженіе сказанія, начатаго рѣчью Еврейскою (именно въ первыхъ трехъ стихахъ той-

же главы, писанныхъ на Еврейскомъ),—и притомъ продолженіе такое, которое не можетъ обойтись безъ своего начало (т. е. безъ начальныхъ стиховъ главы). Халдейская часть начинается такъ: *И глаголаша Халдеи Сирски* (въ подлинникѣ: арамейски, или сирахалдейски) *Цареви Царю, во вѣки живи: ты повѣждь сонъ* и пр. Что это значитъ? къ чему халдеи говорятъ царю о снѣ,—о какомъ снѣ,—какому царю? и пр. Очевидно, что этотъ стихъ стоитъ въ *необходимой*, неразрывной связи съ предыдущими, которые писаны Еврейскою рѣчью. Подобнымъ образомъ, по окончаніи халдейской части, въ 1 ст. VIII главы, писанной уже по Еврейски, сказано: *видѣніе явися мнѣ... по явившемся мнѣ прежде*. Но выше Даніилово видѣніе изображено халдейскою рѣчью; въ 1-й главѣ, писанной по Еврейски, нѣтъ видѣній. И такъ очевидно, что Св. Писатель въ VIII-й главѣ на Еврейскомъ діалектѣ, собственно продолжаетъ ту же самую книгу свою, которая выше писана на сирохалдейскомъ. Далѣе единство пророческой книги ясно открывается и изъ сличенія обѣихъ частей—еврейской и халдейской—между собою. Откровенія, въ обѣихъ частяхъ, по своему свойству и направленію, совершенно одинаковы: и отъ пророчествъ другихъ пророковъ рѣзко отличны. Духовная любоиспытательность самаго Пророка, стремящаяся постигнуть тайны чрезъ возвышеніе къ Божественному свѣту собственнымъ молитвеннымъ подвигомъ, примѣчается или поставляется на открытый видъ ровно въ той и другой части (см. II,

16—23; IX; X, 2, 3). Откровенія, по своему предмету, въ обѣихъ частяхъ относятся къ судьбамъ Церкви, которая страждетъ въ іудейскомъ народѣ подъ игомъ языческаго преобладанія, но имѣетъ непремѣнно освободиться отъ сего тяжкаго ига для новыхъ подвиговъ и озлобленій, и которая наконецъ во Христѣ восторжествуетъ на вѣки надъ врагами; а обличеній и увѣщаній здѣсь не найдемъ равно въ обѣихъ частяхъ. Характеръ сихъ откровеній символизмъ, но или самъ по себѣ понятный, или изъясняемый у самаго же Пророка, и совершенно какъ бы историческая послѣдовательность предрекаемыхъ будущихъ событій и дѣйствующихъ лицъ,—историческая точность въ опредѣленіи времени будущихъ событій. Кромѣ сего, въ обѣихъ частяхъ встрѣчаются однѣ и тѣ же *частности* характерическія: таково напр., это таинственное счисленіе времени: *время, времена и полвремени* (7, 25; 12, 7). Сюда же относится наставленіе Пророка, по его вопросамъ, отъ Ангеловъ (7. 16; 12, 8.). И такъ обѣ части составляютъ книгу, обнаруживающую въ себѣ единство и по содержанію, и по характеру, и въ самыхъ частностяхъ. Наконецъ, изъ этой же самой книги можно видѣть, почему она при своемъ единствѣ писана не однимъ языкомъ. Назначая свою книгу для Евреевъ, священный писатель началъ писать ее на Еврейскомъ. Такое начало составляютъ первая глава и первые стихи второй. Но за тѣмъ ему предлежало излагать сирохалдейской разговоръ царя вавилон-

скаго съ мудрецами: какъ вполнѣ владѣющій симъ языкомъ, священный писатель и излагаетъ этотъ разговоръ по сирохалдейски, и такимъ образомъ начинается въ книгѣ сирохалдейская рѣчь. Прерывать ее, какъ можно скорѣе, не было нужды ему: потому что народу, 70 лѣтъ жившему въ плѣну, была совершенно понятна такая рѣчь. Напротивъ, потребны были откровенія, не только касающіяся халдеевъ, но отчасти и данныя чрезъ самаго ихъ царя, изложить именно на ихъ нарѣчіи *во свидѣтельство имъ*. Посему нѣсколько такого рода сказаній и излагаются здѣсь тоже халдейскою рѣчью. Затѣмъ откровенія и вообще сказанія, не имѣющія отношенія къ халдеямъ, излагаются опять по Еврейски. И такъ единство книги и разность діалектовъ, на которыхъ она написана, удобно согласшаются и изъясняются.

Такимъ образомъ намъ предстоитъ изслѣдованіе собственно 12-ти главъ книги, за исключеніемъ не каноническихъ главъ, и притомъ, не смотря на разность діалектовъ въ этихъ главахъ, — мы имѣемъ дѣло не съ разными св. книгами, но съ одною книгою Пророка Даніила.

Что эта книга принадлежитъ дѣйствительно Пророку Даніилу, это требуетъ особенно внимательнаго изслѣдованія.—Еще одинъ изъ самыхъ раннихъ ученыхъ враговъ христіанства—Порфирій относилъ происхожденіе сей книги ко временамъ Антіоха Епифана. Правда, его опровергли Св. Меѳодій, Евсевій Кесарійскій и др. такъ, что въ Церкви Христіанской нимало непоколебалось благоговѣніе къ этой

книгѣ какъ писанію великаго Пророка Даніила: «Никто изъ пророковъ не говорилъ о Христѣ такъ открыто», отзывался Блаженный Іеронимъ о Даніилѣ (praef. in Dan). «Никто въ Ветхомъ Завѣтѣ не написалъ о началѣ царства небеснаго такъ ясно (diserte), говоритъ Августинъ о немъ же. Между самыми іудеями, не смотря на то, что въ этой книгѣ столько содержится для христіанства оружія противъ нихъ, не подвергались сомнѣнію пророческое величіе Даніила и происхожденіе отъ него этой книги. Хотя Блаженный Θеодоритъ подозрѣвалъ ихъ въ покушеніи ослабить священную важность книги чрезъ помѣщеніе оной въ агіографахъ, но это послѣднее, во 1-хъ, не касалось происхожденія книги; во 2-хъ, и самое подозрѣніе несправедливо: ибо агіографы составляютъ у іудеевъ одинъ изъ классовъ каноническихъ же свящ. книгъ. Если еще талмудисты утверждали, будто книга Даніила, какъ и нѣкоторыя другія, особенно писанныя внѣ святой земли, составлена отъ великой синагоги: то эта мысль, по свидѣтельству Рав. Іархи основывается не болѣе какъ на одномъ изъ странныхъ представленій талмудистовъ, именно: на представленіи о необходимости составленія св. книгъ въ Палестинѣ (*). Какъ впрочемъ уважали Даніила сами талмудисты, видно изъ слѣдующаго изреченія Талмуда:

(*) Бертольдтъ свидѣтельство Талмуда разумѣлъ о внесеніи въ канонъ книги Даніила великою Синагогою.

«Если бы всѣ мудрецы народовъ стали на одной чашкѣ вѣсовъ, а Даніилъ на другой, то онъ перевѣсилъ бы всѣхъ ихъ». —

Уже въ новѣйшее время невѣріе язычника Порфирія стали перенимать іудеи и христіане. Спиноза, не сомнѣваясь въ подлинности послѣднихъ пяти главъ книги (8—12), о первыхъ семи выражался такъ: «undenam autem priora septem capita descripta fuerint nescio» (См. Carpzov. 1 c. p. 245 сл.). Подобныя же, пока еще не рѣшительныя, нападенія на подлинность книги дѣлали нѣкоторые Англійскіе деисты, какъ-то: Collins, Wels. Протестантскіе ученые стали съ большею утвердительностію оспоривать подлинность сначала нѣкоторыхъ главъ изъ первой половины (3—6), какъ Михаелисъ, —потомъ и цѣлой половины, какъ Ейхгорнъ (1—6 гл.). Hezel (die Bibel u) cv—VI p. 741. cv U), —наконецъ и всей книги, какъ сталъ оспоривать первый — Corrodi. Основаніемъ ихъ прекаканій противъ подлинности этой книги служатъ собственно превратныя догматическія ихъ начала, —невѣріе въ истину чудесъ и точныхъ пророчествъ; но они усиливаются разными способами неблагонамѣренной критики доказать, что книга произошла позднѣе времени Пророка Даніила, около времени Маккавеевъ, и въ своей исторической части недостовѣрна, а въ пророческой — содержитъ не болѣе, какъ исторію. Дерзость лжи въ выводахъ или заключеніяхъ о содержаніи книги доходитъ до того, что заподозриваетъ дѣйствительность самаго лица Навуходоносора и всѣхъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ сею

личностію. Ясно, сколь необходимо и для догматики, и для Исторіи Церковной внимательное и основательное изслѣдованіе подлинности книги Пророка Даніила. Но мы не для внѣшнихъ только цѣлей, а по требованію собственно нашей науки о св. Писаніи должны, касательно и каждаго отдѣла Слова Божія, выяснить и утвердить то, что Апостолъ Павелъ говоритъ собственно о своемъ ученіи: «мы не поддѣлываемъ слова Божія, но проповѣдуемъ искренно, какъ отъ Бога предъ Богомъ во Христѣ» (2 Кор. 11, 17.); и еще: «отвергнувъ скрытность, свойственную дѣламъ постыднымъ, не прибѣгая къ хитрости и не искажая Слова Божія, а открывая истину, представляя себя совѣсти каждаго человѣка предъ Богомъ». (2 Кор. IV. 2). Такой же голосъ долженъ быть слышанъ для насъ и относительно книги Пр. Даніила. Съ раскрытіемъ подлинности Даніиловыхъ пророчествъ (какъ и другихъ подобныхъ откровеній о цѣломъ рядѣ грядущихъ временъ и судебъ міра) связана та великая истина, что вѣчная и вседержавная мысль Божія объемлетъ, предначертываетъ и движетъ всѣ событія въ мірѣ, осуществляя въ нихъ сама себя.

И такъ укажемъ сначала въ самой книгѣ признаки происхожденія ея въ вѣкъ именно Даніила и отъ самаго Св. Пророка Даніила;—потомъ представимъ и разсмотримъ внѣшнія о томъ свидѣтельства и показанія;—наконецъ разберемъ доказательства и возраженія оспорпвателей. Это самый естественный порядокъ подобныхъ изслѣдованій. Будемъ дѣлать это дѣло съ возможною обстоятель-

ностію, такъ какъ чрезъ это будемъ и изучать самую свящ. книгу съ внѣшне-ученой стороны.

1) Въ самой книгѣ прежде всего представляется намъ свидѣтельство Св. Писателя самаго о себѣ. Самъ о себѣ всякой, правда, можетъ свидѣтельствовать, что ему угодно; подобныя свидѣтельства тѣмъ менѣе кажутся достовѣрными, когда и личность самаго свидѣтеля предполагается неизвѣстною, и только еще идетъ изслѣдованіе о ней. Но нельзя же отвергать случаевъ, когда въ самомъ образѣ такихъ свидѣтельствованій о себѣ бываетъ ясно видна ихъ достовѣрность. —Это самое и найдемъ въ свидѣтельствѣ Пророка Даніила о себѣ.

Пророкъ свидѣтельствуетъ самъ о себѣ сколько опредѣленно и полно, столько же съ безъискусственностію искренности. Въ книгѣ его значится, что Даніилъ дѣйствительно описывалъ свои пророческія видѣнія (7, 1: *сонъ свой вписа*). Говоря о себѣ въ 1-мъ лицѣ, онъ неоднократно называетъ себя прямо Даніиломъ (7, 28; 8, 2. 15. 27; 9. 2: *Азъ Даніилъ*). Въ той же книгѣ замѣчаемъ, что онъ носилъ и другое имя Валтасаръ или Вастицаръ (10, 1). Въ книгѣ повѣствуется и то, кто таковъ онъ — Даніилъ (1, 3—6: *отъ сыновъ Іудиныхъ*, царскаго рода, взятыхъ въ плѣнъ и избранныхъ ко двору Навуходоносора), какъ онъ получилъ другое имя Валтасаръ (1, 7); описываются обстоятельства его воспитанія, благочестивые его подвиги, разныя подробности его жизни (1, 2, 3 гл.); указывается пророческое его достоинство (1, 17); обозначаются съ точностію обстоятельства пророческихъ его

видѣній, какъ-то: время (7, 1. 8, 1. 10, 1 и д.) и мѣсто (2, 1—19. 9. 1—4). Точнѣе и полнѣе этихъ свѣдѣній, какія о себѣ самъ писатель сообщаетъ въ своей книгѣ, и желать не нужно. Но какъ выражаетъ онъ такое свидѣтельство о себѣ? Въ разныхъ и отдѣльныхъ мѣстахъ, — говоря о себѣ то въ 1-мъ, то въ 3-мъ лицѣ, — по поводу того или другаго откровенія тѣхъ или другихъ описываемыхъ событій; при всемъ множествѣ и ясности свѣдѣній, какія Пророкъ даетъ о себѣ, прямое указаніе на себя, какъ на писателя, онъ дѣлаетъ во всей книгѣ одно,—и то въ 3-мъ лицѣ, и притомъ касательно описанія одного только видѣнія: *и сонъ свой вписа* (7, 1). Все это, конечно, не свойственно тому, кто хлопоталъ бы о выдачѣ своего произведенія подъ чужимъ именемъ, и притомъ подъ именемъ мужа великаго, — кому, слѣдовательно, нужно употребить немало усилія для подлога. Здѣсь напротивъ видно, что Св. Писатель собственно не своею личностію занятъ, что все его дѣло и цѣль— описать съ точностію извѣстныя событія и откровенія, а его лице обозначается уже само собою, на сколько онъ былъ дѣятелемъ въ сихъ событіяхъ и органомъ сихъ откровеній.

Скажутъ: это и показываетъ великое усиліе и искусство подлога, что столь естественно и повидимому, самъ собою обозначился въ книгѣ, какъ писатель ея, —тотъ великій Пророкъ, подъ имя котораго сдѣланъ подлогъ, отвѣчаемъ: Не будемъ останавливаться на томъ, что подобныхъ трудовъ искусства лжи сколько извѣстно, не знала древность. Но вникнемъ

въ самую книгу, подверженную прекаѣніямъ. Въ цѣлой ея половинѣ, и притомъ начальной (1—6 гл.), говорится о Даніилѣ въ 3-мъ лицѣ, какъ и о другихъ указанныхъ здѣсь лицахъ; въ послѣдней половинѣ хотя и говорится о немъ уже въ 1-мъ лицѣ, но и тутъ съ заглавными замѣчаніями о немъ также въ 3-мъ лицѣ (7 гл. 1 ст. и 9, 1). Писатель книги только какъ бы повѣствуетъ о Даніилѣ и отчасти вводитъ въ нее разсказы его и слѣдовательно представляется какъ бы отдѣльнымъ отъ Даніила лицемъ. Можетъ показаться, что самъ писатель отличаетъ себя отъ Даніила. Такъ далеко простерлось бы искусство подлога!... Подлогъ вышелъ бы вмѣстѣ и искуснымъ до невѣроятности, и простоватымъ до такой же степени. Этого безъ сомнѣнія достаточно для отраженія представленнаго возраженія. Ибо отсюда раждается даже новое, совершенно тому противоположное, возраженіе: многое говорится въ книгѣ о Даніилѣ, — говорится о немъ, что онъ самъ и записывалъ одно изъ откровеній, но во всемъ этомъ точно ли Пророкъ даетъ свидѣтельство *самъ о себѣ*, и можно ли на всю книгу простирать силу такого его свидѣтельства? Возраженіе, требующее также особаго изслѣдованія! Не открываетъ ли самъ писатель въ себѣ лица, отличнаго отъ Даніила? Когда въ книгѣ сказано опредѣленно, что Даніилъ *вписа* свой пророческій *сонъ* (это въ 7-й гл.), и затѣмъ въ цѣлой половинѣ книги рѣчь идетъ почти непрерывно отъ лица Даніила, въ 1-мъ лицѣ: то какъ еще яснѣе говорить Пророку о себѣ, какъ о Писателѣ? Сказано

здѣсь, что именно Даніилъ описываетъ свои видѣнія, и далѣе излагаются они прямо отъ его лица: *Азъ Даніилъ... видѣхъ... бѣхъ* и пр. Что о Даніилѣ, какъ писателѣ, сказано въ 3-мъ лицѣ, это не показываетъ того, будто кто другой такъ замѣчаетъ о Даніилѣ. Если 1 й стихъ 7-й главы, гдѣ говорится о Даніилѣ, какъ писателѣ, но только въ 3-мъ лицѣ,—сличить съ 1-мъ же стихомъ 8-й, 9-й и 10-й главъ: то нельзя не видѣть, что въ томъ, какъ и въ этихъ послѣднихъ, не другой кто, а самъ же Пророкъ говоритъ о себѣ. Смотрите въ самой книгѣ. Въ 8 и 9-й главахъ очевидно, что Пророкъ *самъ* говоритъ о себѣ, обозначая время своихъ видѣній (см. 1-й ст. той и другой гл.); ибо онъ выражается о себѣ въ 1-мъ лицѣ. Въ 10-й главѣ хотя сказано о Даніилѣ въ 3-мъ лицѣ, при подобномъ обозначеніи времени пророческаго откровенія (см. ст. 1), но по ходу рѣчи видно, что это сказано или написано самимъ же Даніиломъ: ибо далѣе, безъ всякаго разграниченія рѣчи отъ 1-го стиха, очевидно самъ Пророкъ говоритъ: *въ тыя дни азъ Даніилъ бѣхъ* и пр. Выраженіе: *въ тыя дни*, показываетъ, что Пророкъ продолжаетъ рѣчь 1-го стиха, въ которомъ слѣд. говорилъ онъ же самъ, хотя и выражается о себѣ въ 3-мъ лицѣ. Теперь въ 1-мъ стихѣ 7-й главы также рѣчь идетъ о времени пророческаго откровенія, какъ въ 8-й и 10 й главахъ, и рѣчь такая же, какова въ отношеніи къ обозначенію времени во всѣхъ этихъ трехъ главахъ, и въ отношеніи къ Пророку—какова въ 10-й главѣ. Послѣ этого было бы противорѣчіемъ обычному въ

книгѣ изложеніе рѣчи - приписывать рѣчь 1-го стиха 7-й главы о Даніилѣ кому либо другому, а не самому же Даніилу. Слѣдовательно, здѣсь Даніилъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, когда говоритъ: *сонъ свой вписа.*

Но на всю ли книгу простирается такое свидѣтельство? Когда вся книга,—не смотря на то, что писана отчасти по Еврейски, отчасти по халдейски—имѣетъ единство, какъ мы выше видѣли: то свидѣтельство Даніила о себѣ, какъ писателѣ, если бы было дано не только въ отношеніи къ главѣ и даже къ цѣлой половинѣ книги, но и въ отношеніи къ одному стиху,—необходимо простирается и на всю книгу. Это тѣмъ виднѣе и несомнѣннѣе, что какъ въ халдейской части книги Пророкъ говоритъ о себѣ то въ 3-мъ лицѣ (2—6), то прямо и открыто въ 1-мъ (7 гл.), такъ и въ Еврейской тоже самое (въ 1 гл. въ 3-мъ лицѣ, а въ послѣднихъ шести главахъ только однажды въ этомъ лицѣ, и за тѣмъ постоянно говоритъ онъ о себѣ прямо въ 1-мъ лицѣ). Такъ разноязычныя отдѣленія Даніилъ одинаково приписывалъ себѣ, хотя въ обоихъ же иногда говоритъ о себѣ, какъ бы о постороннемъ, въ 3-мъ лицѣ. Слѣдовательно, что̀ въ книгѣ ни говорится о Даніилѣ, все это говоритъ онъ самъ о себѣ; во всемъ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, кто онъ и какому времени принадлежитъ и пр. Если же страннымъ кажется, что одинъ и тотъ же писатель говоритъ о себѣ то въ 1-мъ, то въ 3-мъ лицѣ: то это въ Пророкѣ просто и удовлетворительно можетъ быть изъяснено. Въ первыхъ

шести главахъ содержатся историческія сказанія, въ которыхъ самыя откровенія входятъ въ рядъ историческихъ событій; и потому Пророкъ, какъ дѣписатель собственно Божественныхъ дѣлъ, а не своей жизни, —говоритъ здѣсь о себѣ въ 3-мъ лицѣ. Такъ поступаютъ и другіе св. дѣписатели. Въ послѣднихъ шести главахъ онъ излагаетъ только пророческія свои видѣнія, гдѣ, слѣдовательно, пишетъ не какъ дѣписатель, но какъ собственно органъ пророческаго духа, созерцатель грядущаго; и потому здѣсь, безъ намѣренія выставлять себя, является уже собственнымъ лицемъ, —говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ. Такъ поступаютъ опять и другіе св. пророки. Заглавныя же замѣчанія Даніила о себѣ въ 3-мъ лицѣ, то же, что надписанія у другихъ пророковъ. И такъ, то самое, что въ подлогѣ было бы неизъяснимымъ противорѣчіемъ (т. е. было бы и слишкомъ искусственно, и крайне неразсчетливо), —просто и естественно изъясняется въ самомъ Пророкѣ.

Соображая все сказанное, справедливо можемъ сдѣлать такое заключеніе, что свидѣтельство о себѣ, какъ писатель всей книги, Пророкъ Даніилъ даетъ твердое и ясное для внимательныхъ и въ тоже время не даетъ мѣста сомнѣнію безпристрастныхъ въ вѣрности и искренности такого свидѣтельства о себѣ самомъ.

Далѣе, разсматривая вообще содержаніе книги, найдемъ въ немъ много ясныхъ признаковъ происхожденія оной отъ Даніила, а отнюдь ни отъ кого во времена Маккавейскія.

Содержаніе книги отчасти историческое, какъ

почти исключительно въ первыхъ 6 главахъ, отчасти пророческое, какъ въ послѣднихъ шести главахъ, кромѣ не многихъ замѣчаній. Въ историческихъ сказаніяхъ сообщаются въ книгѣ такія свѣдѣнія о времени и мѣстѣ жительства Пророка Даніила, какія свойственны современнику и мѣстному обитателю, а не позднѣйшему и отдаленному писателю. Для удостовѣренія въ этомъ, разсмотримъ обстоятельнѣе сообщаемыя въ книгѣ Пророка Даніила свѣдѣнія—сначала о лицахъ и обстоятельствахъ его времени, потомъ о мѣстныхъ нравахъ-обычаяхъ, государственномъ устройствѣ и пр.

Знаменитѣйшее въ церкви лице того времени есть самъ Даніилъ. Въ началѣ вавилонскаго плѣна онъ уже былъ извѣстенъ. Пророкъ Іезекіиль засвидѣтельствовалъ о немъ, какъ о великомъ Праведникѣ и ходатаѣ за грѣшныхъ (14, 14—20. сн. 22 ст.,) какъ о неподражаемомъ и извѣстномъ самимъ язычникамъ мудрецѣ (28, 2—3). Книга Даніила какъ бы имѣла и задачею своею—такую идею о Даніилѣ раскрыть въ живомъ его лицѣ, въ разнообразіи его поступковъ и случайности обстоятельствъ: онъ является уже въ началѣ плѣна—при дворѣ, имѣетъ вліяніе на самаго царя и именно своею мудростію поставляется отъ него главою *надъ всѣми мудрыми вавилонскими* (2, 48), подвизается для уразумѣнія высшихъ таинъ въ воздержаніи, постѣ и молитвахъ (1 гл.; 9 гл.; 3 ст.), за благочестіе повергается въ ровъ ко львамъ, молится за соотечественниковъ, исповѣдуясь въ ихъ грѣхахъ, какъ въ собственныхъ и т. д.; сами язычники говорили

немъ: *яко духъ преизобильный въ немъ и премудрость и смыслъ (обрѣтеся) въ немъ* (5, 12). Также въ царѣ вавилонскомъ еще Исаія провидѣлъ великую гордыню и жестокость (14 гл.); однако же чрезъ Іеремію обѣщано іудеямъ, въ случаѣ ихъ покорности, покровительство Навуходоносора и миръ въ самомъ плѣну; также, при раззореніи Іерусалима, завоеватель обнаруживаетъ вниманіе и благоволеніе къ Пророку. Именно, съ такими характеристическими чертами является Навуходоносоръ въ нашей книгѣ: благоволеніе къ Даніилу и тремъ отрокамъ, торжественное исповѣданіе истиннаго Бога, по книгѣ Даніила, являютъ въ Навуходоносорѣ «того раба Іеговы,» къ покорности которому Іеремія усиливался склонить іудеевъ; но съ другой стороны горделивое слово: *нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ.... въ державѣ крѣпости моей* и т. д.,—или распоряженіе его избить всѣхъ мудрецовъ за неумѣніе пересказать и растолковать забытый имъ сонъ, повелѣніе бросить въ пламень не поклоняющихся его истукану, все это какъ бы прямо направлено къ оправданію пророчества Исаіи: *се человѣкъ раздражаяй землю; на небо взыду* и пр. Распространеніе и украшеніе Вавилона, чѣмъ хвалится Навуходоносоръ въ книгѣ Даніила, приписываются сему царю и халдейскими историками (каковы Берозъ и Абиденъ). Изнѣженность, сластолюбіе и нечестіе послѣдняго вавилонскаго царя, раскрытыя у Даніила, подтверждаются Ксенофонтомъ въ его Кироπедіи; о нечаянной и насильственной смерти сего царя, ука-

занной въ нашей книгѣ, повѣствуетъ также и Ксенофонтъ съ тѣми же обстоятельствами, что она послѣдовала ночью, послѣ сластолюбиваго пира. (Сугор VII, 5, 15.). Первенство сначала Мидянъ надъ Персами и потомъ усиленіе и владычество этихъ послѣднихъ,—о чемъ свидѣтельствуютъ греческіе историки, видно и въ книгѣ Даніила. Въ такихъ историческихъ показаніяхъ замѣчательно, что при разногласіи свидѣтельствъ другихъ историковъ о чемъ либо, Св. Писатель точно будто дѣлаетъ строгую критику надъ ними, и слѣдуетъ достовѣрному изъ нихъ. Такъ объ участи послѣдняго вавилонскаго царя, халдейскіе и греческіе историки говорятъ не согласно,—послѣдніе, какъ выше указано, говорятъ объ убіеніи его ночью, первые о дарованіи ему отъ побѣдителя одной области во владѣніе: проницательный критикъ, конечно, предпочтетъ греческія свидѣтельства халдейскимъ, какъ видимо пристрастнымъ, и прикрывающимъ домашнее безславіе,—въ книгѣ Даніила повѣствуется объ этомъ согласно съ греками Вотъ и другой противоположный случай: о трудахъ Навуходоносора въ распространеніи Вавилона свидѣтельствуютъ историки халдейскіе, греческіе же съ тѣмъ не согласны: критику понятно, что, въ показаніяхъ о чисто мѣстныхъ событіяхъ, иноземный и отдаленный писатель не имѣетъ достовѣрности туземнаго историка,—книга Даніила согласна съ симъ послѣднимъ. Замѣчательно еще, что въ книгѣ Даніила свѣдѣнія, объ обстоятельствахъ и лицахъ времени,—кромѣ тѣхъ чертъ, которыхъ точность можно по-

вѣрить свидѣтельствами древнихъ историковъ,—обилуютъ и такими чертами, которыя, по малоизвѣстности времени, уже и повѣрять не чѣмъ *внѣшнимъ*, но которыя, по связи съ первыми, достовѣрны и не мало проливаютъ новаго свѣта на тогдашнее время. Таковы напр. нѣкоторыя подробности о Навуходоносорѣ и т. под.

Спрашивается теперь: столь многія и столь вѣрныя и отчетливыя свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ времени Даніилова, можно ли предполагать въ Іудеѣ временъ Маккавейскихъ, живущемъ въ Палестинѣ.

Изъ 1-й книги Маккавеевъ открывается, что самое первое лице времени Маккавеевъ самъ Іуда Маккавей, былъ недовольно свѣдущъ въ иноземной исторіи,—касательно притомъ лицъ и событій самыхъ недавнихъ. Напр. см. VIII гл. этой книги: въ 7 ст. сказано, что Римляне *яша* Антіоха *жива*; но это не правда,—хотя Антіохъ и былъ побѣжденъ Римлянами, но не былъ взятъ ими въ плѣнъ (см. Michaelis Arm. p. 177. Wernsdorf. c. p. 45). Изъ стиха 8-го видно, будто Римляне взяли у Антіоха Индію, Мидію и Лидію; это опять не согласно съ исторіей,—Индія и Мидія никогда не были подъ владычествомъ Антіоха. Не вѣрно все описаніе Римскаго сената въ 15 ст. И такихъ историческихъ неточностей не мало здѣсь, и то относительно отчасти современниковъ. Какихъ же свѣдѣній ждать отъ іудеевъ сего времени, касательно лицъ и событій столь отдаленныхъ, каковы лица и событія времени и мѣстопребыванія Даніилова (369 л.)? И откуда онъ могъ бы почерпнуть эти

свѣдѣнія? Историческія показанія *другихъ*, и при общемъ ихъ соображеніи (тогда впрочемъ невозможномъ), скудны сами въ сравненіи съ показаніями книги Даніила. Преданію по крайней мѣрѣ о такихъ событіяхъ, которыя для іудеевъ не имѣютъ важнаго значенія (что напр. значитъ для іудеевъ возвышеніе и украшеніе Навуходоносоромъ Вавилона?), неестественно сохраниться между іудеями чрезъ 369 лѣтъ. Наконецъ, нѣкоторыя историческія замѣчанія книги Даніила явно указываютъ въ ея писателѣ современника замѣчаемыхъ событій. Такъ, указаніе на постъ Даніила въ 21 день мѣсяца Низана (10, 1—4), время, закономъ опредѣленное для торжественнаго праздника Пасхи и опрѣсноковъ—странно было бы въ Палестинскомъ Іудеѣ, и притомъ строгаго времени Маккавейскаго; но понятно и естественно оно въ современникѣ,—постъ Даніила соотвѣтствовалъ времени озлобленія іудеевъ отъ Самарянъ, и оставленія Пасхи за недостаткомъ храма. Также обычное въ 5 и 6 гл. Даніилово выраженіе *Мидовъ* и *Персовъ* (5, 28, 6, 8; 12, 15.), показывающее еще первенство первыхъ надъ послѣдними, даетъ примѣтить, что писатель былъ современникомъ еще первенству Мидовъ; не много—позднѣйшая книга Есѳири, явившаяся уже во время преобладанія Персовъ надъ Мидянами, всякій разъ поставляетъ на первомъ мѣстѣ Персовъ, и за тѣмъ Мидянъ; въ книгѣ Маккавеевъ тоже обычное выраженіе Περβῶν kâj Mybur (1 Макк. 1, 1. 14, 2),—тоже и у языческихъ историковъ (Xenoph. Cyrop. 3, 1. 8).

Порядокъ вещей, изображаемый въ книгѣ Даніила, именно: нравы, обычаи и пр., также открываютъ въ писателѣ современника описываемыхъ имъ событій и мѣстнаго обитателя Вавилоніи.

Указанный въ книгѣ обычай, по которому избраннымъ отъ царя пища и питье доставлялись со стола царскаго (см. 1, 5), былъ дѣйствительно въ Вавилонѣ. О семъ свидѣтельствуетъ книга Іереміи, употребляя и выраженіе въ семъ случаѣ тоже самое, какъ техническое въ тѣ времена (Іерем. 52, 33. 34). Обычай измѣняетъ имена при вступленіи или назначеніи къ службѣ царю (см. 1, 7), точно былъ у Вавилонянъ. Такъ Навуходоносоръ же, поставивъ Ватеанію не болѣе какъ своимъ вассаломъ въ Іудеѣ, переименовалъ его Седекіею (4 Цар. 24, 17). Въ переименованіи притомъ Даніила и трехъ его товарищей, замѣчательно, что по крайней мѣрѣ въ двухъ именахъ—Вальтазара и Авденаго есть указанія на вавилонскія божества. Это послѣднее также обычно было Вавилонянамъ; подобное замѣчаютъ во многихъ Вавилонскихъ именахъ (примѣры у gesen. zu Jes 1, p. 282). Казни: сожигать въ пламенной печи (3, 6) и разрубать тѣло на куски (2, 5: съ подл. «въ куски были изрублены»)—тоже были въ употребленіи у халдеевъ (о первой свидѣтельство Іереміи 29, 22, о послѣдней—Іезек. 16, 40. 23, 47 см. въ Евр.). Въ угрозѣ царя Вавилонскаго казнить мудрецовъ, должно замѣтить еще, что онъ грозитъ и самые домы ихъ обратить «въ грязь», или «въ болотную груду» (2, 5: съ Евр.): это выраженіе указываетъ на обычное въ

Вавилонѣ устроеніе домовъ изъ обожженной или высушенной только на солнцѣ земли, которая водою и могла быть обращена въ грязь. О сопровожденіи религіозныхъ торжествъ въ Вавилонѣ музыкою (см. III гл. 5. и др.) свидѣтельствуетъ Курцій, при описаніи вступленія Александра въ Вавилонъ: «Magi deinde suo more patrium carmen canentes post, hos chaldaei Babyloniorumque non vates modo, sed etiam artifices cum fidibus sui generis ibant, laudes regum canere soliti (слова: «magi, vates—указываютъ на религіозный характеръ торжества).

Участіе женщинъ въ пиршествахъ (15. 2), столь странное на востокѣ, точно было въ нравахъ вавилонскихъ, по свидѣтельству Ксенофонта (въ Киропедіи). Общая склонность къ вину, и вообще невоздержность вавилонскаго общества, какія видны изъ описанія Валтасарова же пира (ибо и женщины пьютъ наравнѣ и вмѣстѣ съ мущинами), засвидѣтельствованы Курціемъ (1. v. cap. 1): «Babyloni maxime in vinum et quae ebrietatem sequuntur effusi sunt.» Самая одежда, которая указана у Даніила въ 3, 21), оказывается, по розысканіямъ ученыхъ, одеждою Вавилонянъ (см. Herzstenberg p. 337).

Что касается до государственнаго устройства, изъ книги видно, что во первыхъ власть царя вавилонскаго и потомъ Мидо-Персидскаго, былъ неограниченный произволъ деспота,—съ тою особенностію Мидо-Персидскаго владычества, что здѣсь слово или постановленіе царя должно быть неизмѣнимо и непреложно (первое открывается особенно изъ

распоряженій Навуходоносора, послѣднее—изъ VI, 8. 15). О деспотизмѣ вообще востока и говорить нѣтъ нужды; указанная же особенность царской власти у Мидійцевъ и Персовъ подтверждается книгою Есѳири (8, 8). Далѣе книга Даніила показываетъ, что изъ государственныхъ сановниковъ былъ одинъ ближайшій къ царю, превышавшій своимъ достоинствомъ всѣхъ прочихъ. Такъ Валтасаръ, за истолкованіе таинственныхъ письменъ, поставляетъ Пророка *третьимъ* въ царствѣ (V, 16); слѣд. былъ нѣкто второй въ царствѣ, слѣдовавшій непосредственно за царемъ, или по царѣ первый. О такомъ сановникѣ свидѣтельствуетъ Берозъ. (Онъ говоритъ, что при смерти Набопалассара отъ высшаго изъ сановниковъ ὑπὸ τοῦ βέρτισου αὐτῶν была объявлена царская власть Навуходоносору). Въ высшихъ за тѣмъ сановникахъ поставляются въ нашей книгѣ начальникъ тѣлохранителей царскихъ (2, 14), начальникъ Евнуховъ (1, 7. 10), начальникъ мудрыхъ (2, 48). У Іереміи (въ 39 гл. 13) упомянуты эти же самые государственные чины; и замѣчательно, что начальникъ тѣлохранителей названъ иначе, нежели у Даніила,—доказательство, что послѣдній не заимствовался у перваго. Далѣе, въ нашей книгѣ значится, что Мидо-Персидское царство было раздѣлено на 120 сатрапій, имѣющихъ надъ собою особыхъ властелиновъ или сатраповъ (6, 1.). Такое раздѣленіе подверждается изъ свѣтскихъ книгъ Киропедіей, а изъ священныхъ—книгою Есѳири, въ которой говорится о 127 сатрапахъ (1, 1);—небольшое различіе въ числѣ сат-

рапій изъясняется прибавленіемъ къ царству новыхъ завоеванныхъ областей, а вмѣстѣ съ этимъ тоже самое различіе не позволяетъ предполагать заимствованіе писателя нашей книги изъ книги Есѳири. Указаны въ книгѣ Даніила многіе и другіе чиновники (въ 3 и 6 гл.): замѣчательны ихъ названія или титулы, и именно въ томъ отношеніи, что а) они отчасти изъясняются изъ языковъ Персидскаго и Арамейскаго, и что в) въ Мидо-Персидскомъ царствѣ является въ употребленіи большая часть титуловъ, и слѣдовательно должностей, собственно халдейскихъ. Первое естественно должно было произойти отъ близкаго сродства Халдейскаго языка съ Арамейскимъ и Персидскимъ; отсюда и многія собственно имена Вавилоно-Халдейскія изъясняются также изъ Арамейскаго или Персидскаго. Второе естественно же произошло отъ того, что побѣдители, Мидо-Персы, заняли полное развитіе государственнаго устройства у побѣжденныхъ Вавилонянъ; почему и въ книгѣ Ездры и Нееміи встрѣчаютъ нѣкоторые титулы чиновниковъ персидскихъ—также собственно халдейскіе (см. объ этомъ у Herzsţenberg стр. 347—349) (*) съ осо-

(*) Вообще объ изображеніи въ книгѣ Прор. Даніила государственнаго устройства, отзывается даже Гезеній такъ: „Поелику порядки Ассирійскаго, Вавилонскаго и Персидскаго царствъ очень сродны; поелику, притомъ, содержащіяся въ кн. Есѳири изображенія персидскаго двора, отъ которыхъ изображенія кн. Прор. Даніила всегда существенно отступаютъ и также поелику наконецъ (мимоходныя, но современныя) указанія Іереміи согласны съ кн. Даніила во многихъ случаяхъ: то свѣдѣнія въ

бенною обстоятельностію и особенно-замѣчательною точностію въ книгѣ Даніила говорится о *мудрыхъ*, или о жреческой кастѣ. Общее имя членовъ этой касты, въ нашей книгѣ есть חכימין *hachimin хахиминъ*; такое названіе ихъ мы находимъ уже у Исаіи (44, 25) и у Іереміи (50, 35). Предстоятель каждаго изъ особыхъ классовъ ея называется כגבין Даніилъ, какъ начальникъ или *глава* всего цѣлаго, названъ симъ именемъ съ прибавленіемъ предъ нимъ בל. Имя: גכן дѣйствительно употреблялось у Вавилонянъ о предстоятелѣ; какъ свидѣтельствуетъ Берозъ и Аберозъ и Атеней (XIV, 44), гдѣ приведено самое это имя по греческому произношенію Ζωγανης. Начальникъ всей касты мудрыхъ имѣлъ великую свѣтскую власть: такъ, по словамъ 48 ст. 2 гл. разсматриваемой нами книги, начальникъ мудрыхъ Даніилъ былъ поставленъ также и *надъ всею страною Вавилонскою* и только по его особенной просьбѣ, это поручено было его товарищамъ. О такомъ значеніи главы всей касты есть два внѣшнихъ свидѣтельства. Діодоръ Сицилійскій (11, 24) сказываетъ, что Велесъ, который отнялъ Вавилонъ у Ассиріанъ, былъ верховнымъ начальникомъ жрецовъ, и вмѣстѣ *правителемъ* города и области вавилонской (*). Между классами касты

послѣдней, которыя сверхъ того имѣютъ въ свою пользу—аналогію всего востока, не должны быть отвергаемы Encyclop. von Ersch u Gruber 16, p. 108.)

(*) Также, по сказанію Іереміи (39, 3. 13), глава жрецовъ былъ, какъ и выше б. говорено, однимъ изъ первыхъ государ-

въ книгѣ Даніила поставлены, какъ особый классъ, халдеи (11, 2.); о нихъ, какъ составляющихъ отдѣльный классъ мудрыхъ въ Вавилонѣ, свидѣтельствуютъ Курцій и Лукрецій (l. v); и само собою понятно, почему они въ нашей книгѣ указываются по преимуществу (11, 4. 5. 10) между мудрецами;— это потому, что халдеи были въ то время господствующимъ народомъ вавилонской монархіи и слѣд. мудрецы ихъ, которые соединились въ одну касту съ прежними вавилонскими мудрецами, но съ удержаніемъ за собою національнаго названія *халдеевъ*, должны имѣть преимущественное предъ другими значеніе. Обученіе юношей въ этой кастѣ, о которой наша книга упоминаетъ по отношенію къ Даніилу и тремъ отрокамъ (въ 1 гл.),—дѣйствительно было по свидѣтельству Плинія (hift nat. IV, 26) и Страбона (16, 1).—Занятія, свойственныя званію, мудрецы вавилонскіе имѣли цѣлымъ обществомъ, а не въ отдѣльности другъ отъ друга, какъ видно изъ 2 и 5 гл.; съ этимъ согласно показаніе Діодора (см. gesen sis. II, p. 352); и по Птоломею, халдеи всегда наблюдаютъ надъ небомъ цѣлымъ обществомъ, и никогда не видно одного изъ нихъ въ отдѣльности. Роды ихъ занятій, исчисленныхъ въ книгѣ нашей, также всѣ засвидѣтельствованы или священными или свѣтскими писателями: одни изъ мудрыхъ по книгѣ Даніила *дѣлали заклятія*,

---

ственныхъ сановниковъ и сочленомъ высшаго правительства, имѣя соотвѣтственное этому правительственное поприще занятій.

о нихъ это свидѣтельствуютъ и Исаія, а изъ свѣтскихъ—Діодоръ, Лампридій; другіе производили *очарованія*,—указаніе на это есть также у Исаіи; за тѣмъ были *опредѣлители или изъяснители судьбы*,—извѣстна всѣмъ халдейская судьба (по звѣздамъ); наконецъ были *истолкователи* вообще таинъ, какъ-то въ особенности сновъ, таинственныхъ письменъ — тоже говоритъ о мудрецахъ Вавилона (именно объ истолкованіи ими сновъ) и Діодоръ Сицилійскій.

Такое богатство свѣдѣній о порядкѣ вещей въ Халдейскомъ и отчасти Мидо-Персидскомъ царствѣ, не встрѣчающееся ни у единаго писателя древности, есть поразительнѣйшее доказательство происхожденія книги нашей не только не въ Маккавейскія времена, но и въ вѣкъ Даніила—ни отъ кого другаго, кромѣ лица, знающаго съ точностію организацію правительства и въ особенности касты мудрецовъ,—каковъ именно Даніилъ. Невѣжественно предполагать такія свѣдѣнія въ Іудеѣ Маккавейскаго времени, который говорилъ невѣрно и о современномъ ему сенатѣ римскомъ, не смотря на то, что Римляне уже замѣтно шли ко всемірному владычеству. — Предположеніе: Не изучилъ ли писатель нашей книги для вѣрнѣйшаго успѣха своего подлога въ ветхо-завѣтныхъ книгахъ, все относящееся къ халдеямъ?—Такое предположеніе опровергается тѣмъ, что свѣдѣнія о халдейскихъ нравахъ и государственномъ устройствѣ, заключающіяся въ книгѣ Даніила, много обширнѣе области историческихъ замѣчаній о халдеяхъ всѣхъ прочихъ священныхъ

книгъ. Для достиженія ихъ требовалось бы сообразить и изучить вмѣстѣ съ священными и всѣ языческія о нихъ свидѣтельства, — собрать отовсюду о нихъ извѣстія и преданія,—критически все разсмотрѣть, и ни въ чемъ не ошибиться.... За всѣмъ этимъ слѣдовало еще собранныя историческія свѣдѣнія размѣстить и разсѣять въ книгѣ такъ, чтобы это казалось совершенно ненамѣреннымъ дѣломъ, и чтобы, для соображенія ихъ, нужно было изучать книгу... Если такое предположеніе натяжно до несбыточности, не говоря о несовмѣстности того съ духомъ древнимъ, то необходимо, чтобы и писатель принадлежалъ тому времени и мѣсту, гдѣ и когда былъ такой порядокъ, и изображалъ въ книгѣ видѣнное имъ самимъ. И кромѣ того, онъ долженъ быть при самомъ средоточіи государственныхъ отправленій, или по крайней мѣрѣ быть въ ближайшихъ отношеніяхъ и къ народу, и къ правительству (*), чтобы отчетливо знать образъ движенія двигателей и составъ великой государственной машины Вавилона. Требовалось въ особенности быть близкимъ или приснымъ съ мудрецами,—дабы знать степени и классы этой касты, приготовленіе къ ея должностямъ, различные роды ихъ занятій. Это тѣмъ болѣе, что мудрость востока древняго не была любообщительна и сокрывалась отъ непосвященныхъ. Во всемъ этомъ лице

(*) По тогдашнему порядку вещей послѣдніе тоже, что быть однимъ изъ государственныхъ сановниковъ.—

Пророка Даніила, какъ говоритъ о немъ исторія, ясно обозначается.

Перейдемъ къ другой сторонѣ содержанія книги Даніила къ пророчествамъ.

Въ пророчествахъ Даніила обратимъ вниманіе прежде всего на то, что болѣе всего смущаетъ оспорителей подлинности и что, дѣйствительно, наиболѣе въ нихъ поразительно. Отъ времени Даніила по смерть Антіоха Епифана, Пророкъ пишетъ точно исторію будущихъ политическихъ событій—послѣдовательно, точно и подробно; недостаетъ только собственныхъ именъ. Онъ указываетъ смѣну царствъ вавилонскаго персидскимъ, а персидскаго, послѣ четырехъ только его царей, греческимъ,—всемірное почти преобладаніе Греческаго царя (Александра, какъ можно понять),—раздѣленіе послѣ него греческаго царства, и то не между дѣтьми его, на четыре отдѣльныя царства; изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ въ виду въ особенности два царства—такъ названныя у него—сѣверное и южное (по обстоятельствамъ ихъ видно, что это Ново-Сирійское и Египетское царство) и слѣдитъ борьбу между ними до мелкихъ подробностей, преемство ихъ царей—сраженія, побѣды, браки изъ политическихъ видовъ, въ особенности обстоятельства и дѣла послѣдняго сѣвернаго царя (Антіоха Епифана). Въ примѣръ подробностей можно указать, что у Пророка, при изображеніи одной побѣды южнаго царя надъ сѣвернымъ, опредѣлено и число убитыхъ въ войскѣ послѣдняго (10,000, см. XI, 12), или еще указаны два царя—послѣдній сѣверный и южный

за однимъ столомъ бесѣдующими, однако злоумышляющими другъ на друга (XI, 27). И все это вполнѣ согласно съ исторіею, по мнѣнію невѣдающаго разума Божіей истины, такого рода пророчества должны быть не болѣе, какъ исторія минувшаго, только изложенная въ формѣ пророчествъ. Но чрезвычайный до чудесности характеръ излагаемыхъ въ книгѣ Даніила свѣдѣній о судьбѣ царствъ: Персидскаго, Александрова, Птоломеевъ, Селевкидовъ, открывается и въ такомъ случаѣ, если судить и по началу вѣроятности для разума, проще изъясняется при извѣстности происхожденія книги отъ Пр. Даніила, нежели при произвольномъ предположеніи о появленіи этой книги уже въ вѣкъ Маккавеевъ. Такое обширное и точное познаніе внѣшней исторіи, и въ послѣдовательномъ ея ходѣ, въ продолженіе 370 лѣтъ, и во многихъ подробностяхъ событій, которыя притомъ большею частію не имѣютъ видимаго или непосредственнаго соприкосновенія къ избранному народу, это проницательное и вѣрное разумѣніе политики и характера разныхъ царей—словомъ все, что находимъ въ книгѣ Даніила, — какъ все это предположить и изъяснить въ іудеѣ Палестинскомъ Маккавейскаго времени, когда самъ Іуда Маккавей обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, историческое невѣдѣніе о близкихъ событіяхъ и отчасти о тѣхъ же самыхъ лицахъ (напр. Антіохѣ вел.)? Что касается даже ближайшаго царя Сирскаго Антіоха Епифана — сдѣлать сжатый очеркъ его дѣлъ и судьбы, разгадать эту увертливую и

темную личность тотчасъ послѣ его смерти (*) естественно ли, и въ особенности іудею тѣхъ временъ? Для этого требовалось бы не только знать уже всю его жизнь, всѣ его запутанныя въ козняхъ движенія и замыслы, но и обсудить все спокойно, сообразить въ цѣломъ и частяхъ все его поприще. Но іудею, подавленному страшнымъ гнётомъ мучительства Антіохова, была ли возможность, и до того ли было, чтобы слѣдить за всѣми извилинами дѣлъ и отношеній его къ Египту къ Грекамъ, къ Риму? Опять по смерти мучителя, въ первыхъ ощущеніяхъ избавленіе отъ такого бича Божія, іудею изслѣдовать и обобщать его пути не только относительно избавленія своего народа, но столько же относительно и другихъ, разгадывать вообще его душу и политику, опредѣлить все это съ точностію, совмѣстно ли это съ вѣроятнымъ порядкомъ вещей? Сдѣлать судъ объ эпохѣ и главныхъ въ ней дѣятеляхъ, исторія вообще можетъ не вдругъ. Но нѣтъ мѣста подобнымъ невѣроятностямъ при происхожденіи книги отъ Боговдохновеннаго Даніила: Богу отъ вѣка извѣстно все, и во всѣхъ событіяхъ раскрывается и осуществляется вѣчная міроправительная Его мысль, которая въ пророчествахъ открываетъ себя для того, чтобы вѣра безошибочно могла услѣдить ее въ самыхъ событіяхъ. —

(*) Ибо его смертію кончается исторически-точная часть пророчествъ (въ X и XII гл.) и затѣмъ говорится о томъ, что уже нисколько не оправдывается Сиро-Египетскою Исторіею, относясь къ раскрытію Христовой благодати и славы.

Замѣчательно еще въ пророчествахъ Даніила, что, по исторически-точномъ указаніи на смерть послѣдняго сѣвернаго царя, или Антіоха Епифана, представляется, какъ непосредственно слѣдующее за этимъ воскресеніе мертвыхъ и вѣчная жизнь (въ XII гл.). При происхожденіи книги отъ Пророка Даніила — это понятно. Пророкъ видѣлъ въ будущемъ крайнія опасности Церкви (особенно отъ Епифана Антіоха), увидѣлъ избавленіе ея отъ нихъ — это побѣдоносное дѣйствіе Главы Церкви—Христа: свойственно и близко было ему возвести взоры ко Христу, торжествующему уже надъ всѣми врагами, или, что тоже, воззрѣть на открытый свѣтъ будущей жизни. Подобное замѣчается во всѣхъ пророкахъ. Напротивъ, при предположеніи появленія книги во время Маккавеевъ, по смерти Антіоха, — какъ изъяснить, и какъ даже подумать, чтобы среди обыкновеннаго порядка вещей, при отсутствіи всякой чрезвычайности въ теченіи обстоятельствъ, современный іудей, съ изумительною (до необъяснимости) проницательностію слѣдящій за событіями, проповѣдовалъ наступленіе уже будущей жизни, открытіе уже вѣчнаго блаженства! Ибо въ книгѣ тотчасъ, по сказаніи о смерти мучителя, начинается рѣчь о вѣчной жизни такими словами: «въ сіе-то время» и пр.

Въ пророчествахъ нашей книги наконецъ достойна вниманія та рѣзкая особенность, что въ нихъ раскрываются событія съ точки зрѣнія религіозно-политической. Ни въ одной изъ всѣхъ пророческихъ книгъ не поставляются въ столь открытомъ видѣ

политическія судьбы и перевороты міра. Видно, что священный писатель былъ мужъ государственный; ибо божественныя откровенія всегда сообразны съ свойствами пріемлющаго ихъ органа. Сами противники говорятъ, что мнимый современникъ Маккавеевъ, въ этомъ отношеніи удивительно какъ вошелъ въ сферу и характеръ Прор. Даніила (Sviesinger p. 14). То же должно сказать о духовномъ любовѣдѣніи, обнаруживающемся въ немъ при откровеніяхъ пророчествъ; оно также свойственно тому мужу, кого Іезекіиль представляетъ мудрецомъ изъ всѣхъ мудрецовъ.—Въ нѣкоторыхъ частныхъ чертахъ откровеній видѣнъ также оттѣнокъ вавилонскій; напр. идея *бодраго* или *бдящаго* (4, 10), выраженная Навуходоносоромъ при разсказѣ пророчественнаго его сна о посѣченіи величественнаго дерева, идея нигдѣ болѣе въ такомъ видѣ не встрѣчающаяся въ Ветхомъ Завѣтѣ есть представленіе, сродное съ называемымъ θεοῖς Βαλάιοις Вавилонянъ. Ибо Божественная истина не чуждается никакихъ формъ, только бы съ одной стороны онѣ къ ней точно приходились, а съ другой она въ нихъ была бы болѣе доступна людямъ.

Такимъ образомъ содержаніе книги и историческое и пророчественное,—вообще таково, что указываетъ на современность писателя вавилонскому плѣну, на мѣстопребываніе его въ Халдеѣ, на государственное его значеніе, на принадлежность его къ сословію мудрецовъ, словомъ, на всѣ черты лица Даніилова. Такое содержаніе книги сколь просто и удобно изъясняется при происхожденіи книги

отъ Даніила, столь неизъяснимымъ и даже не естественнымъ представляется при предположеніи появленія оной въ книгѣ Маккавеевъ.

Образъ раскрытія предметовъ и духъ всей книги также служитъ къ подтвержденію ея подлинности.

Въ раскрытіи и изображеніи предметовъ нужно различать двѣ стороны, историческую и пророческую. Историческія сказанія—это простой естественный разсказъ обозначается обыкновенно время событій — бывшихъ въ Іерусалимѣ и Іудеи — по годамъ царя іудейскаго (1, 1), а въ Халдеи случавшихся по годамъ вавилонскихъ царей (чрезъ все продолженіе книги). Объ лицахъ повѣствуется, кто они—по значенію или происхожденію, указываются иногда съ опредѣленностію и возрастъ ихъ жизни (напр. V, 31). Самыя событія и дѣла разсказываются въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ и съ тѣми чертами, какъ они происходили; сказанія подобны чистому зеркалу, отражавшему дѣйствительность со всею ея живостію, и болѣе ничего. Тоже видно и въ исторической части самыхъ откровеній: время ихъ опредѣляется тою же точностію,—всѣ ихъ обстоятельства раскрываются въ формѣ такого же безъискусственнаго разсказа. Вообще при чтеніи всей книги, не встрѣтите въ историческомъ раскрытіи предметовъ ни одной черты, обличающей искусственность поддѣлавшагося писателя: все просто и естественно, какъ сама истина.

Что же касается собственно до пророчественнаго характера книги Даніила, надобно сказать, во

1-хъ, что здѣсь нѣтъ ни возвышенныхъ созерцаній Исаіи, ни разнообразныхъ потрясающихъ движеній и порывовъ чувства Іереміи, ни таинственности и поразительной яркости пророчествъ Іезекіиля. Въ пророчествѣ Даніила, по отношенію къ изображенію ихъ, рѣшительно нѣтъ ничего піити ческаго и ораторскаго; онъ раскрываетъ просто и прямо, въ чемъ дѣло; въ описаніи даже поразительнѣйшихъ видѣній видна у него одна точность разсказа. Особенность, свойственная именно такому Пророку, котораго личнымъ достоинствомъ были— духовное любовѣдѣніе и точность! Ибо не разъ извѣдано уже нами, что отличительный характеръ той или другой св. книги опредѣляется личными свойствами Боговдохновеннаго писателя, подобно какъ характеръ звуковъ музыки — свойствами инструмента, на которомъ играетъ музыкантъ.

Во 2-хъ, въ образѣ откровеній у Даніила, какъ и у Іезекіиля, находившагося въ вавилонскомъ плѣну, и у Захаріи, только что возвратившагося изъ Вавилона,—господствуетъ символизмъ (хотя символы нашей книги сейчасъ же и изъясняются съ точностію); и въ этой символикѣ видимъ такой вкусъ, который любитъ и выбираетъ образы, поражающіе своею колоссальностію или странностію: вспомнимъ видѣніе огромнаго тѣла, состоящаго изъ разно-металлическихъ частей и разбиваемаго камнемъ, который въ свою очередь возрастаетъ до того, что наполняетъ собою всю землю,—или видѣніе чудовищныхъ звѣрей со многими рогами, изъ которыхъ иные пропадаютъ, другой возрастаетъ и начи-

наетъ поражать прочихъ, и т. д. Символы, взятые изъ царства животныхъ, особенно употребительны у Пророка (въ 7 и 8 гл.). Но символика, со стремленіемъ къ чудесному, принадлежитъ именно древнему Вавилону. На открываемыхъ памятникахъ вавилонскихъ находятъ множество звѣрей, подобныхъ Даніиловымъ, представленныхъ въ самыхъ фантастическихъ видахъ. Замѣчательна притомъ та черта Даніиловой символики, что напр. въ символѣ Персидскаго царства у него взятъ Овенъ, который дѣйствительно былъ священнымъ символомъ Персовъ. — Во всемъ этомъ опять ясное и прямое указаніе на время и обстоятельства именно Даніила! Онъ получилъ образованіе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ формѣ, вавилонское, жилъ въ Вавилонѣ и наконецъ подъ владычествомъ Персовъ; представленія и впечатлѣнія вавилонскія и персидскія сроднились съ его душею, а вдохновенія и Божественныя откровенія не могли не соотвѣтствовать съ характеромъ преемлющей ихъ души. Не говоримъ уже о Навуходоносорѣ, которому было дано откровеніе будущаго въ формахъ и представленіяхъ, ему родныхъ. Между тѣмъ отъ іудея Маккавейскаго времени нельзя ждать, чтобы онъ даже зналъ эту особенность вавилонскаго представленія; не говоря уже о томъ, какъ онъ догадался и такъ ловко умѣлъ поддѣлаться подъ нее.

Самый духъ книги и воззрѣнія писателя на вещи, не соотвѣтствуютъ Маккавейскому времени, но относятся къ далеко раннему времени. Ибо, съ одной стороны, является здѣсь теократія, или

непосредственно Божественное правленіе еще въ живой дѣйствительности, а не какъ уже одно почти преданіе, каково оно представляется въ вѣкъ Маккавейскій. Въ сказаніяхъ Даніила еще слышанъ Богъ, ходящій по временамъ ощутительно въ своей Церкви, хотя уже не по само-древнему. Здѣсь онъ является не только своимъ избраннымъ, но и язычникамъ, хотя уже не такъ, какъ на пр. при Авраамѣ; здѣсь Ангелы имѣютъ видимое общеніе съ праведникомъ, хотя опять далеко уже было не то, что при патріархахъ; разность въ сихъ случаяхъ та, что явленіе Бога и Ангеловъ прежде было ближе къ обыкновенному, привычному ходу жизни, а теперь оно, какъ уже въ высшей степени необыкновенное, поражаетъ чрезвычайнымъ трепетомъ самыхъ праведниковъ, потрясающимъ до болѣзни. Въ вѣкѣ, изображаемомъ книгою Даніила, есть еще Пророкъ, хотя уже съ любовѣдѣніемъ и любознательностію мудреца, не видными съ такою поразительностію въ прежнихъ пророкахъ. При соображеніи съ историческимъ ходомъ и порядкомъ теократіи, Богоявленія и Богооткровенія книги Даніила оказываются послѣднимъ, естественно входящимъ въ общую цѣпь звѣномъ ветхо-завѣтной живой теократіи: они, вмѣстѣ съ современными отчасти имъ откровеніями у Ездры и у трехъ послѣднихъ пророковъ, составляютъ послѣднее изъ непосредственныхъ и открытыхъ распоряженій Бога въ церкви ветхо-завѣтной. Для Маккавейскаго времени между тѣмъ уже совсѣмъ прекратилось непосредственное Бо-

жественное откровеніе; открытая, живая теократія для нихъ уже существуетъ только почти въ воспоминаніи и въ преданіи вѣры. Самое представленіе о ней уже не точно и не имѣетъ надлежащей свѣтлости и живости; потому что живая дѣйствительность теократіи условливалась неоскудѣвшими въ человѣкѣ остатками первобытной пріемлемости къ Божественному свѣту, и слѣд. сколько эта пріемлемость оскудѣвала и истощалась, столько теократія минувшаго времени становилась, относительно своей живой дѣйствительности, уже непонятною и чуждою для самаго ветхо-завѣтнаго вѣрующаго. Неканоническія ветхозавѣтныя сказанія—тому очевидное доказательство: они составляютъ опытъ, въ которомъ вѣрующій усиливался, но не успѣвалъ вполнѣ перенестись въ открытую теократію, схвачивая одинъ почти ея духъ; въ книгѣ Товитъ напр. еще представляется видимое общеніе человѣка съ міромъ горнимъ, но уже не столько по воспоминаемому ветхо-завѣтному порядку, сколько по предощущаемому новозавѣтному, и при чтеніи этой книги, кажется, будто читаешь отрывокъ изъ нашихъ житій Святыхъ, кромѣ внѣшнихъ указаній на ветхо-завѣтныя вѣрованія и обычаи..... По соображеніи такого характера времени Маккавейскаго съ сказаніями книги Даніила открывается, что послѣднія никакъ нейдутъ къ первому, и что къ теократическимъ воззрѣніямъ книги никакъ неудобно и поддѣлываться въ вѣкъ Маккавейскій. Съ другой стороны въ книгѣ Даніила не видно у іудеевъ ри-

горизма, а у язычниковъ фанатизма—Маккавейскаго времени. Между вѣрующими и язычниками въ вѣкъ Маккавеевъ было такое рѣшительное раздѣленіе и вражда, что власти языческія (рѣчь объ Антіохѣ Еп.) стремились звѣрствомъ подавить вѣру іудеевъ, а эти на животъ и на смерть возстали противъ язычниковъ. Напротивъ въ книгѣ Даніила Пророкъ Іудейскій есть государственный сановникъ языческаго царства, начальникъ сословія мудрецовъ языческихъ; цари языческіе хотя и бросали въ разженную печь вѣрующихъ, но по мнимому оскорбленію самовластія, а не прямо за вѣру, которой самой по себѣ отдавали справедливость тѣ же самые цари; они воспитывали іудеевъ,—исповѣдывали славу Іеговы и пр. Во время Маккавеевъ іудеи согласились скорѣе беззащитно умереть отъ враговъ, чѣмъ нарушить внѣшній обрядовой законъ субботы. Но Даніилъ въ первый мѣсяцъ, во дни Пасхи постится и сѣтуетъ о бѣдствіяхъ народа. Еще: Пророкъ окруженъ однакоже блескомъ двора, и удостоивается откровеній между занятіями государственными. Какъ это согласить съ требованіями внѣшней строгости, по которымъ въ Маккавейское время уже стало извѣстно имя фарисея? Между тѣмъ ко времени и положенію Даніила совершенно идетъ все это, что̀ не сообразно съ вѣкомъ Маккавейскимъ. Вспомнимъ, напр., что еще Іеремія велѣлъ плѣнникамъ вавилонскимъ молиться за поработителей; такъ онъ же испытывалъ на себѣ и покровительство язычниковъ. И такъ странно и непонятно было

бы, чтобы іудей Маккавейскаго времени написалъ книгу по направленію и духу рѣшительно не своего времени, а по такимъ, которыя относятся къ раннему времени. Не говоря о несбыточной искусственности подобнаго подлога, чрезъ это онъ вооружилъ бы противъ своей книги современниковъ, которыхъ вниманіе и уваженіе къ ней усиливался пріобрѣсти подлогомъ.

Наконецъ языкъ книги представляетъ также убѣдительный внутренній признакъ ея подлинности. Книга Даніила писана отчасти по Еврейски, отчасти по Сирохалдейски или Арамейски. При происхожденіи книги отъ Даніила въ извѣстномъ его отношеніи къ халдеямъ, понятно, почему это такъ сдѣлано имъ—одна и та же книга писана на двухъ діалектахъ: часть книги имѣла приложеніе и къ халдеямъ, и она написана по халдейски, — другая часть назначена изъ современниковъ единственно для іудеевъ, и она писана по Еврейски. Но непонятная странность видна была бы въ писателѣ вѣка Маккавеевъ изъ того, что онъ сначала сталъ писать по Еврейски, далѣе вдругъ ни съ того, ни съ другаго,—какъ выражаются, перемѣняетъ рѣчь на діалектъ халдейскій, наконецъ опять пишетъ по Еврейски. Странность въ поддѣлывателѣ тѣмъ неожиданнѣе и неизъяснимѣе, что она, какъ странность, ослабляла бы поддѣльное достоинство книги, и слѣд. прямо противорѣчила бы его намѣренно. Это первое!

Далѣе, Даніилу не было никакого затрудненія употребить разные діалекты въ книгѣ, когда это

было нужно. Еврейскій языкъ былъ ему, какъ и другимъ іудеямъ, природный; халдейскій былъ столь долго въ употребленіи у него и всего іудейскаго народа въ плѣну вавилонскомъ. Слѣдовательно по отношенію и къ нему самому и къ другимъ іудеямъ, не было никакого неудобства, на какомъ бы діалектѣ онъ не писалъ книгу, со всѣмъ иное для іудея, Маккавейскаго вѣка! Послѣ плѣна вавилонскаго чистый Еврейскій языкъ болѣе и болѣе вытѣснялся изъ употребленія у іудеевъ халдейскимъ. Уже въ книгѣ Ездры Еврейскій языкъ далеко не имѣетъ прежней чистоты, перемѣшиваясь съ халдеизмами, есть цѣлыя сказанія и приводятся государственные документы — на халдейскомъ. По свидѣтельству талмудистовъ и другихъ іудейскихъ писателей чистый Еврейскій языкъ, послѣ плѣна, становился уже болѣе и болѣе предметомъ изученія, или ученаго, а не живаго употребленія. Зависимость же іудеевъ отъ Сирійскихъ царей должна была тѣмъ рѣшительнѣе содѣйствовать упадку Еврейскаго языка и перевѣсу надъ нимъ сирохалдейскаго въ живомъ народномъ употребленіи. Слѣдовательно употребленіе въ книгѣ Еврейскаго языка было бы, въ это время, прямымъ препятствіемъ къ тому, чтобы сдѣлать книгу всеобще-употребительною. Какъ поддѣлывателю могло придти въ голову написать на Еврейскомъ, доступномъ только для нарочито изучающихъ сей языкъ, — и притомъ написать ту часть книги, которая собственно и была назначаема для дѣйствія на современниковъ (часть про-

рочественную)? Или развѣ не подражалъ ли онъ въ этомъ древнимъ священнымъ писателямъ для вѣрнѣйшаго успѣха подлога? Но для этого и вовсе не слѣдовало бы ему писать по халдейски, между тѣмъ у него написана на этомъ діалектѣ цѣлая половина книги.—Притомъ еще знатоки халдейскаго языка находятъ въ Арамейской рѣчи книги Даніила такія особенности, которыя встрѣчаются въ Арамейскихъ отрывкахъ книги Ездры, но которыми обѣ сіи книги разнятся отъ таргумовъ, столько же и древнѣйшихъ, какъ позднѣйшихъ (о языкѣ см. Hengstenberg 237—311); и отсюда справедливо заключаютъ, что въ книгѣ Даніила халдейскій діалектъ сколько соотвѣтствуетъ времени Даніила, столько несоотвѣтствуетъ позднѣйшему времени.

Отъ столь многоразличныхъ и многосторонніхъ внутреннихъ признаковъ подлинности книги перейдемъ къ внѣшнимъ ея доказательствамъ. Первое: выше было указано нами свидѣтельство Іезекіиля о Даніилѣ, какъ великомъ праведникѣ—ходатаѣ за грѣшный народъ и безпримѣрномъ мудрецѣ. При соображеніи съ этимъ свидѣтельствомъ содержанія книги Даніила, мы видѣли въ послѣдней какъбы оправданіе этого свидѣтельства жизнію и значеніемъ Пророка Даніила. Къ этому можно прибавить еще то, что книга справедливо можетъ быть признана за достойное и полное выраженіе Богоданной мудрости Даніила: тайны духа человѣческаго, даже не сознаваемыя и имъ самимъ (въ Навуходоносорѣ), тайны будущихъ временъ въ

ихъ опредѣленной точности, тайны Божіи вѣдомы Даніилу по его книгѣ. Отсюда свидѣтельство Іезекіиля о Даніилѣ есть вмѣстѣ (конечно не прямое) свидѣтельство и о его книгѣ, — о ея исторической достовѣрности—по соотвѣтствію ея засвидѣтельствованной Іезекіилемъ духовной высотѣ и достоинству Даніила.

Второе: книга помѣщена въ священномъ канонѣ, и хотя въ разныхъ спискахъ и разныхъ мѣстахъ, но всегда съ именемъ Даніила. Пренебрегать этимъ показаніемъ подлинности, значитъ пренебрегать свидѣтельствомъ собирателей и издателей священныхъ книгъ, которыми, по Флавію, могли быть только пророки, и изъ которыхъ послѣдніе, по преданію, принимаемому и Христіанскою церковію, были за долго до Маккавейскаго времени, даже отчасти современные Даніилу, — Ездра съ помощниками,—значитъ вовсе пренебрегать преданіемъ церковнымъ и свидѣтельствомъ историка іудейскаго, который, кромѣ означеннаго выше показанія, опредѣленно говоритъ, что позднѣе вѣка Ездры выходившія писанія не были уже уважаемы наравнѣ съ древними, какъ не имѣвшія уже, видно, достоинства книгъ Боговдохновенныхъ (*); — значитъ потому—не вѣрить въ промыслъ Божій даже

(*) Изъ предисловія книги Сираха видно, что священныя книги уже составляли такое опредѣленное руководство Божественной истины, которое оставалось только изучить и преподавать другимъ: слѣд. это былъ уже оконченный канонъ свящ книгъ Ветхаго Завѣта.

и надъ самою церковію Божіею, —столпомъ и утвержденіемъ истины, такъ что будто и ей самой могли быть даны ложныя опоры—поддѣльныя книги; — наконецъ значитъ, съ пренебреженіемъ такихъ и историческихъ и священныхъ показаній, строить свои чисто-произвольныя предположенія о выходѣ и канонизаціи книгъ, и слѣд. поступать противъ требованій и добросовѣстности самой науки.

Третіе: Флавій повѣствуетъ, что Александръ Великій, по взятіи Тира, былъ и въ Іерусалимѣ, — и здѣсь, пророчествомъ Даніила, именно о разрушеніи Персидской монархіи Греческимъ царемъ, былъ убѣжденъ оставить іудеямъ право жить по ихъ отеческимъ законамъ, освободить ихъ отъ податей въ субботніе годы, и только обѣщаніями склонялъ нѣкоторыхъ добровольно вступить въ его службу. Свидѣтельство подтверждается, во 1-хъ, и своею внутреннею историческою сообразностію. При осадѣ еще Тира, Александръ требовалъ отъ іудеевъ вспоможенія и получилъ отказъ, а потому шелъ гнѣвно на Іерусалимъ: слѣдовательно потребны были особенно сильные способы не только усмирить раздраженнаго завоевателя, но и такъ сильно расположить его къ іудеямъ. Къ такимъ способамъ и относятся точныя указанія на него въ книгѣ Пр. Даніила. Во 2-хъ, о походѣ Александра на Іудею, и потомъ о бытіи въ его войскѣ іудеевъ, свидѣтельствуетъ и языческій писатель—Гекатей; о покорности ему Іудеи—Арріанъ (1. 11 p. 150: καί ἦν αὐτῷ τὰ μὲν ἄλλα τῆς Παλαιστίνης

καλουμένης Συρίας προσκεχω βηκώτα ἤδη; о личномъ его пребываніи во Іудеи, кромѣ Флавія, говоритъ Арабскій писатель Макрицій (см. schlosser weltgess. 1 р. 170.) и замѣчаетъ въ своей натуральной исторіи Плиній (hilt nat. 12, 26). Прочія обстоятельства, разсказанныя Флавіемъ, согласны съ извѣстнымъ характеромъ Александра, — благороднымъ, доступнымъ для внушеній истины и великодушнымъ. И такъ нѣтъ ничего, ослабляющаго историческую достовѣрность разсказа Флавія объ Александрѣ. Слѣдовательно книга Даніила еще до Маккавеевъ существовала, и какъ содержащая подлинныя пророчества Даніила, имѣла благодѣтельное вліяніе на дѣла великаго завоевателя и на судьбу іудеевъ.

Четвертое: Александрійскій переводъ Ветхаго Завѣта вообще, и нашей книги въ особенности, есть новая порука за ея подлинность. Если бы и можно было согласиться на то, что въ Александріи были переведены не вдругъ всѣ священныя книги Ветхаго Завѣта, и даже, что книга Даніила, какъ менѣе другихъ исправно переведенная, принадлежитъ позднѣйшему переводу: то тѣмъ не менѣе изъ перевода самыхъ первыхъ св. книгъ именно пятокнижія, уже видна извѣстность переводчикамъ нашей книги. Изъ чего же это видно? Во второзаконіи въ 32-й главѣ 8 ст., по переводу 70-ти выражена идея объ Ангелахъ народовъ, — идея не только неподаваемая подлиннымъ текстомъ сего мѣста, но вообще нигдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ невидная, кромѣ книги Даніила. Въ этой же послѣдней она представлена въ самой своей

духовной дѣйствительности: такъ что разные народы представляются подъ управленіемъ —каждый—своего духовнаго князя и потому вѣрно слово: «*поставлены предѣлы народовъ по числу Ангеловъ Божіихъ.*» Такое рѣзкое сходство переводнаго мѣста съ книгою Пр. Даніила, и сходство притомъ въ мысли, столь важной и величественной во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ, только этой книгѣ принадлежащей (*), показываетъ, что толковникамъ уже была извѣстна Даніилова книга и служила для нихъ, руководствомъ. Это тѣмъ болѣе, что избранными изъ іудеевъ, каковы были эти толковники, не могла быть и допущена въ составъ Слова Божія идея, не основанная на Библейскомъ авторитетѣ. Слѣдовательно уже въ началѣ Александрійскаго перевода (ибо пятокнижіе во всякомъ случаѣ, и по общему признанію самыхъ даже придирчивыхъ критиковъ, было переведено при Птоломеѣ Филадельфѣ) книга Даніила уже существовала и признавалась самыми переводчиками за не подложную книгу Слова Божія. Притомъ, переводъ самой книги Даніила въ Александріи, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, долженъ принадлежать къ времени послѣ Епифана: ибо, вообще свободный переводчикъ сей книги иногда

(*) Мы здѣсь не касаемся вопроса, вполнѣ ли ясно и вѣрно 70-ю толковниками понята мысль книги Даніила; извѣстно, что они иногда и несовсѣмъ точно разумѣли мысль того или другаго мѣста въ Еврейскомъ текстѣ; напр. во 2 Псал. мысль подлинника: „лобзите сына“, съ любовію примите сына, 70 перевели: *пріимите наказаніе*..

дозволяетъ себѣ опредѣленно выражать общія указанія подлинника на обстоятельства Епифана, напр. 11, 30: *Китяне* (kotim) въ Александрійскомъ переводѣ замѣнено точнымъ именемъ: *Римляне* (ἥξουσι Ρωμαῖοι),—видно, что переводчикъ близокъ былъ къ самому событію, и потому исторически выразилъ мысль пророчества. Слѣдовательно, книга наша должна быть переведена въ Александріи не позже времени собственно Маккавейскаго, когда предполагаютъ произведеннымъ подлогъ самаго оригинала. Но есть ли что похожаго на правду въ томъ, что едва подложная книга вышла, какъ ее уже приняли, и стали переводить и выдавать, не сомнѣваясь въ ея самоподлинности?! Сверхъ того и самая мысль, что не всѣ ветхо-завѣтныя книги переведены при Птоломеѣ Филадельфѣ, не оправдывается преданіемъ; замѣненіе словъ: *Китяне*, прямымъ указаніемъ на *Римляне*, могло быть сдѣлано въ переводномъ текстѣ и впослѣдствіи при перепискѣ, а не при первоначальномъ составленіи перевода.

Пятое: изъ 1-й книги Маккавеевъ видно, что при жизни еще Антіоха Епифана, событія, описываемыя въ книгѣ Даніила, и притомъ въ ней одной, были обще извѣстны между іудеями, и обыкновенно приводились какъ поучительные примѣры древности. (См. 2 гл. ст. 59—61). Маттаѳія исчисляетъ ревнителей вѣры, извѣстныхъ изъ писанія *по роду и роду*, и между ими упоминается о Даніилѣ и трехъ отрокахъ. Слѣдовательно, сказанія о нихъ родоначальникъ Маккавеевъ признаетъ достовѣр-

ными на ряду съ древними священными сказаніями о другихъ праведникахъ, имъ указываемыхъ, какъ то—Авраамѣ, Финеесѣ, Иліи и пр. Какъ же относить происхожденіе этихъ сказаній о Даніилѣ и трехъ отрокахъ ко времени еще позднѣйшему и говорить о ихъ подложности? Другихъ древнѣйшихъ сказаній объ этомъ, кромѣ содержащихся въ книгѣ Даніила, нѣтъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Историческое свидѣтельство книги священной, хотя и неканонической, ничѣмъ не подрываемое, по крайней мѣрѣ не менѣе заслуживаетъ довѣрія, какъ вообще историческое свидѣтельство.

Шестое: Іосифъ Флавій говоритъ о Прор. Даніилѣ, какъ о величайшемъ изъ пророковъ, поелику его пророчества съ точностію опредѣляютъ и время предрекаемымъ событій. Въ этомъ случаѣ іудейскій историкъ есть свидѣтель и представитель мнѣнія о книгѣ Даніила своихъ современниковъ. Спрашивается: какимъ бы образомъ книга, вышедшая, по мнѣнію противниковъ, не въ древности далекой и малоизвѣстной, но въ близко почти новѣйшее, по отношенію къ историку іудейскому, время —какимъ образомъ эта книга не только не была обличена въ подлогѣ, но произвела такое общее убѣжденіе въ своей неподдѣльности и уваженіе самыхъ ученыхъ мужей къ своему достоинству?

Наконецъ седьмое: вѣнецъ всѣхъ свидѣтельствъ составляютъ свидѣтельства о подлинности Даніиловой книги самаго Іисуса Христа и Апостоловъ. Свидѣтельства сіи разныхъ родовъ: или, съ цитатою изъ книги, указывается и самое имя Даніила, —

таково (*) Матѳ. 24, 15 (IX, 27 Дан.), или съ непрямымъ, но понятнымъ указаніемъ на мѣсто изъ книги Пр. Даніила, говорится о самомъ Пророкѣ, какъ принадлежащемъ къ сонму истинныхъ пророковъ,—так. (**) 1 Петр. 1, 10 — 12 (сл. Даніила 12 гл. 8 ст.), или указываются событія, описанныя въ книгѣ Даніила, какъ несомнѣнныя,—такъ Евр. 11, 33. 34. (Здѣсь рѣчь о загражденіи вѣрою устъ львовыхъ, объ угашеніи силы огня, гдѣ именно повѣствуется о такихъ событіяхъ). Въ послѣднемъ случаѣ сказанія нашей книги признаются въ Новомъ Завѣтѣ достовѣрными,—во второмъ случаѣ писатель сихъ сказаній признается отъ Апостола Пророкомъ,—въ первомъ онъ прямо именуется Даніиломъ. Относительно такого рода свидѣтельствъ не можетъ имѣть мѣста и эта увертливая мысль противниковъ, что Іисусъ Христосъ и Апостолы не занимаются или не строго занимаются исторической точностію въ своихъ свидѣтельствахъ. Подѣлывателя книги поставить въ числѣ пророковъ—это уже очевидно не историческая только неточность или нестрогость дополнить мысль. — Приведенныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ доказательствъ подлинности книги Даніила очень довольно для удо-

---

(*) Здѣсь говорится *о пречепной Даніиломъ* „мерзости запустѣнія на святомъ мѣстѣ.“

(**) Здѣсь рѣчь объ изслѣдованіи самихъ пророковъ, къ какому именно времени относятся предрекаемыя ими событія: такое изслѣдованіе ни у одного Пророка не видно такъ ясно, какъ у Даніила.

стовѣренія въ ней. Но нельзя не обратить вниманія и на самыя усилія противниковъ – напряженныя и разнообразныя.

Изъ внѣшнихъ свидѣтельствъ указываютъ на то, что книга въ каталогѣ іудеевъ помѣщена между агіографами (такъ за Ейхгорномъ Бертольдтъ). Но она помѣщена здѣсь, какъ Даніилова же,—и агіографы составляютъ одинъ изъ классовъ несомнѣнныхъ священныхъ книгъ. Еще опираются на то, что у Сираха въ исчисленіи древнихъ праведниковъ упомянутъ Даніилъ. Но сынъ Сираховъ исчисляетъ собственно не писателей священныхъ книгъ, а праведниковъ ветхо-завѣтныхъ; слѣдовательно умолчаніе его о Даніилѣ ничего не говоритъ противъ подлинности его книги (*). Изъ умолчанія о Даніилѣ, въ рѣчи Сираха о древнихъ праведникахъ, конечно никто не станетъ выводить, что Даніилъ не принадлежитъ къ ряду великихъ праведниковъ (ибо такимъ представляетъ его прославляемый самымъ сыномъ Сираха, Пророкъ Іезекіиль): тѣмъ менѣе имѣетъ мѣсто заключеніе, что Даніилъ не былъ извѣстенъ, какъ Священный Писатель. Ищутъ также у іудеевъ неблагопріятныхъ отзывовъ о Пророкѣ Даніилѣ. Такъ указываютъ на сви-

---

(*) Вопросъ, почему умолчано здѣсь о Даніилѣ, принадлежитъ собственно къ изъясненію книги Сираха. Онъ умалчиваетъ и объ Ездрѣ, объ Іовѣ, подъ именемъ которыхъ также извѣстны каноническія книги; умалчиваетъ и о многихъ древнихъ праведникахъ (Мельхиседекѣ). Видно, что онъ не предположилъ дѣлать подобный и полный очеркъ древнихъ праведниковъ.

дѣтельство о томъ Блаженнаго Θеодорита. Но Бл. Θеодоритъ не даетъ положительнаго о томъ свидѣтельства, а только изъ помѣщенія книги Даніиловой между агіографами, а не между пророками, заключаетъ о нерасположеніи іудеевъ къ Пророку. Заключеніе впрочемъ, какъ мы уже прежде видѣли, неправдоподобное! Находятъ унизительные отзывы о Даніилѣ въ писаніяхъ нѣкоторыхъ, впрочемъ уже не раннихъ раввиновъ (Абарбанела, Моисея, Маймонида). Но это есть не болѣе, какъ логически странное (*) мнѣніе сихъ писателей, будто вообще агіографы имѣютъ низшую степень Боговдохновенности, нежели другія священныя книги. Это относится собственно къ страннымъ умозрѣніямъ позднѣйшей іудейской мудрости, а не къ свидѣтельствамъ преданія. — Наконецъ новѣйшіе

(*) Боговдохновененъ человѣкъ, въ которомъ глаголетъ Духъ Святый; а на сколько кто говоритъ или пишетъ внѣ вліянія Св. Духа, онъ простой писатель. Въ чемъ же степени? То, что подъ вдохновляющимъ вліяніемъ Св. Духа избранный Его органъ является или въ состояніи духовнаго восхищенія или въ близости къ обыкновенному порядку духовной жизни, — это никакъ не указываетъ на разныя степени вдохновенія; этимъ выражается только то, что Духъ Св. осѣняетъ избраннаго или со стороны обыкновеннаго порядка жизни духовной, или со стороны чрезвычайной. У Апост. Павла первое изъ Боговдохновенныхъ состояній представляется какъ состояніе *ума*, другое — какъ состояніе *духа* (1 Кор. XIV, 15.): этимъ объясняется, что Духъ Св. осѣняетъ, вдохновляетъ и движетъ или тѣ силы человѣка, которыми онъ дѣйствуетъ въ общедоступной сферѣ, или силы, выступающія изъ этой сферы. Здѣсь не степени, а только видоизмѣненія Боговдохновенности.

іудеи, въ спорахъ съ Христіанами, унижаютъ Пророка Даніила. Но самый уже источникъ такихъ отзывовъ — вражда противъ христіанства достаточно опровергаетъ ихъ. Безпристрастный въ отношеніи къ христіанству Флавій, называетъ Даніила величайшимъ Пророкомъ. Іудейскій каталогъ священныхъ книгъ, изъ которыхъ хулители не осмѣливаются же исключить книгу Даніила, окончательно закрываетъ ихъ уста.

Въ самой книгѣ противники также усиливаются, и также напрасно, найти слѣды поздняго ея происхожденія.

Во первыхъ, стараются подмѣтить, гдѣ мнимый поддѣлыватель, противъ намѣренія и видовъ своихъ, самъ будто бы свидѣтельствуетъ о своемъ позднѣйшемъ времени; такъ кажется противникамъ, будто бы въ 9-й главѣ 2 ст. писатель самъ проговорился о своемъ позднѣйшемъ времени: *Азъ Даніилъ разумѣхъ въ книгахъ* (hasparim). Изъ сихъ словъ замѣчаютъ, что писатель жилъ и писалъ свою книгу уже въ то время, когда Священное Писаніе составляло одинъ кодексъ и извѣстно было подъ общимъ именемъ *книгъ*, или, по нашему, Библіи. Очень тонко замѣчено! Но отсюда слѣдуетъ только то, что священныя книги, выходя одна за другою, входили или были вводимы въ одинъ священный составъ, или въ одну общую книгу Слова Божія, и, по своему всеобщему употребленію въ такомъ видѣ и значеніи, были извѣстны подъ общимъ именемъ *книгъ*, по превосходству. Слѣдовательно указанное мѣсто книги Даніила служитъ

только къ подтвержденію православнаго взгляда вообще на священныя книги, и ничего не представляетъ противъ подлинности Даніиловой книги. Такъ еще представляется противникамъ, будто бы мнимый поддѣлыватель въ VIII, 26 и XII, 4, ненамѣренно самъ поднимаетъ навязываемую ему личину. Онъ оговаривается, что ему дано было повелѣніе скрыть и запечатать книгу до времени исполненія пророчествъ: это, говорятъ, есть не болѣе, какъ понятное усиліе выдать въ свѣтъ новую книгу за священную древнюю» для сего будто бы она представлена только неизвѣстною и даже намѣренно сокрываемою до исполненія содержащихся въ ней пророчествъ.—Говорить такъ, значитъ не знать вовсе смысла этого выраженія. Въ книгѣ же Даніила оно отчасти изъяснено: «ты поди изъ сей жизни, сказано Пророку на его вопросъ о времени исполненія откровеній,—ибо слова сіи закрыты и запечатаны до послѣдняго времени». То есть, пророческія откровенія должны вполнѣ уясниться уже самыми событіями, а дотолѣ они еще сокровенны, время и образъ ихъ исполненія не могли быть ясны. Въ книгѣ Пророка Исаіи есть подобныя выраженія подобной мысли (Ис. 29, 11. 12. 8, 16). И такъ въ книгѣ рѣчь идетъ о томъ, что пророческія откровенія до времени своего исполненія (а это идетъ не до Маккавейскаго только времени, а до Христа и далѣе) еще должны оставаться не совсѣмъ понятными и ясными, а противники выводятъ изъ этой рѣчи, будто самая книга была вовсе не извѣстна до Антіоха Епифана,—а отсюда выводятъ

новое заключеніе, будто до сего времени книга еще не существовала. За разъ два произвольныя и невѣрныя, даже просто въ логическомъ отношеніи, заключенія.

Во вторыхъ,—думаютъ вообще содержаніемъ книги обличить ея подлогъ. И это есть главная и самая обширная сторона нападеній противниковъ. Такъ писатель сей книги будто бы иногда самъ себѣ противорѣчитъ, что̀ не совмѣстимо съ достоинствомъ истиннаго Священнаго Писателя. Посмотримъ, что это за противорѣчія. Въ 21 ст. 1 гл. сказано, что Даніилъ жилъ *даже до перваго лѣта Кира царя*, а въ 1 ст. 10 гл. значится, что онъ имѣлъ и описывалъ видѣніе уже въ *третьемъ году* при Кирѣ. Но чтобы судить объ этомъ противорѣчіи, возьмемъ во вниманіе подобное мѣсто у Іереміи. Въ 3 ст. 1 гл. своей книги Іеремія говорилъ о себѣ, что онъ жилъ и пророчествовалъ *даже до первагонадесять лѣта Седекіи... даже до пльненія Іерусалимскаго.* Противорѣчитъ ли это мѣсто Іереміи 40—44 гл. той же книги, гдѣ Пророкъ представляется живущимъ и пророчествующимъ—и послѣ *пльненія Іерусалимскаго?* Нисколько. Въ первомъ мѣстѣ Іеремія показываетъ, что онъ еще былъ на пророческомъ поприщѣ—во время разрушенія Іерусалима, и потому говоритъ: и *бысть... даже до пльненія* и проч. Тоже и у Даніила. Онъ въ 1-й главѣ показываетъ, что онъ дожилъ до освободителя іудеевъ Кира, что освобожденіе іудеевъ изъ плѣна, въ первое лѣто владычества Кирова, было еще при немъ, и потому го-

воритъ о себѣ: *и бысть даже до перваго лѣта Кира;* но симъ не исключается продолженіе жизни Пророка и при Кирѣ. Въ писаніи обыкновененъ такой образъ рѣчи: *даже до,* не въ смыслѣ конечнаго предѣла. Да и въ обыкновенной рѣчи очень употребителенъ оборотъ: вотъ я, или онъ дожилъ до чего!! Но это еще не значитъ прекращеніе жизни въ ту же минуту. И такъ кажущееся противорѣчіе въ книгѣ Пророка Даніила исчезаетъ; даже странно, что на него указываютъ съ важностію.

Другое противорѣчіе находятъ: по словамъ ст. 48 и 49 гл. 2-й, Даніилъ уже при Навуходоносорѣ былъ сдѣланъ начальникомъ мудрецовъ и сталъ знаменитъ при царскомъ дворѣ. Напротивъ по 14 ст. 5 гл., въ царствованіе Валтасара знаетъ о семъ только уже одна царица, и Даніилъ, по видимому, не извѣстенъ ни кому при дворѣ.—Что Даніилъ занимался еще государственными дѣлами при Валтасарѣ, это видно изъ 8-й гл. 27 ст Но что не обращалъ на него вниманія сластолюбивый и безпечный царь (Валтасаръ) и слѣдовательно весь дворъ, подобранный конечно по вкусу царя, или увлекаемый его примѣромъ, это очень понятно и очень естественно. Въ самой книгѣ Даніила можно найти указанія на то, что Даніилъ былъ даже и удаляемъ отъ двора (смотр. VI гл.). Такимъ образомъ онъ и былъ нѣкоторымъ образомъ забытъ при дворѣ; потому же ему удобно было отстраниться сколько нибудь и отъ языческаго общества. Притомъ еще нужно взять во вниманіе безпорядокъ пиршества, и при видѣ-

ніи пишущаго перста всеобщее смятеніе: кому могла бы придти здравая мысль о Даніилѣ?! И такъ, не противорѣчіе, но видоизмѣненія живой дѣйствительности представлены въ указанныхъ мѣстахъ.

Таково же противорѣчіе, представляющееся возражателямъ въ 3, 14 и 2, 47: въ послѣднемъ мѣстѣ самъ царь уже исповѣдуетъ Бога Израилева Истиннымъ Богомъ, а въ первомъ представляется онъ какъ бы неслыхавшимъ еще объ особой религіи іудейскаго народа. — Но все дѣло здѣсь въ томъ, что царь, пораженный сверхъестественнымъ Даніиловымъ видѣніемъ таинъ, здраво разсуждаетъ о Богѣ,—это выражено во 2-й главѣ; а потомъ также пораженный безпримѣрнымъ для него сопротивленіемъ подданныхъ и приведенный тѣмъ въ ярость, онъ отчасти еще не вѣритъ такой дерзости, отчасти уже угрожаетъ за нее, — это выражено въ его словахъ 3-й главы: *аще воистину.... Богомъ моимъ не служите?* Противорѣчія нѣтъ, а напротивъ психологически то и другое естественно и совмѣстно. Притомъ же язычнику свойственна мысль о законности служенія Божеству не только національному, но и иноземному. Навуходоносоръ узналъ (сколько, столько можно узнать язычнику) и исповѣдовалъ Бога Израилева, и потомъ могъ требовать Божеской почести и своимъ божествамъ отъ Израильтянъ.— То и другое согласно съ языческими его понятіями.

Подобно сему противорѣчіе въ характерѣ Навуходоносора въ 4 гл. сравнительно со 2-й и 3-й: тамъ

онъ является тихимъ. разсудительнымъ, а здѣсь неукротимымъ тиранномъ. Но тамъ и тутъ видна въ немъ душа сильная и глубокая (способная къ выспреннимъ умосозерцаніямъ),—характеръ могущественный, величавый и открытый: только во 2-й и 3-й гл. онъ самоувѣренъ, горделивъ и потому грозенъ, а въ 4-й гл. вразумленъ поразительными откровеніями и усмиренъ необычайнымъ наказаніемъ. Какое же тутъ противорѣчіе?!

Кромѣ внутреннихъ противорѣчій, которыя впрочемъ оказываются вовсе не противорѣчіями, ссылаются на историческія неточности и невѣроятности, будто бы содержащіяся въ книгѣ Даніила. Разберемъ и это. Къ историческимъ ошибкамъ относятъ самое начало книги. Здѣсь сказано, что въ 3-й годъ царствованія Іоакима царя Іудейскаго, Вавилонскій царь Навуходоносоръ приступилъ къ Іерусалиму и проч. Но по свидѣтельству книги Іереміи, Навуходоносоръ сталъ царемъ уже въ 4-е лѣто Іоакима (см. 25 гл. 1 ст.); притомъ первый, какой извѣстенъ, побѣдоносный походъ Навуходоносора, и то направленный не въ Іудею, а въ Египетъ, относится также къ четвертому году царствованія Іоакимова (46, 1. 2.). На сей затруднительный случай, правда, есть мнѣніе такое, будто Пророкъ Даніилъ говоритъ *о третьемъ лѣтѣ Іоакима*, считая лѣта собственно подданства его Вавилону, а не всего царствованія.—Мнѣніе впрочемъ изысканное,—въ доказательство за себя ничего не имѣющее, кромѣ изслѣдуемаго мѣста книги Даніила,— и ведущее къ нѣкоторымъ новымъ за-

трудненіямъ (*). Лучше объяснится дѣло изъ соображенія священныхъ историческихъ показаній на этотъ предметъ со свидѣтельствомъ халдейскаго историка Бероза. Онъ повѣствуетъ, что отецъ Навуходоносора, будучи по старости не въ силахъ самъ усмирить мятежъ въ Сиріи и Египтѣ, послалъ туда съ войскомъ своего сына — самаго Навуходоносора; этотъ послѣдній, какъ буквально сказано у Бероза, покорилъ всю ту страну «своей державѣ»; но по случаю смерти отца своего, поспѣшилъ окончить дѣла въ Египтѣ и, отправясь самъ ближайшимъ путемъ, повелѣлъ вмѣстѣ съ войскомъ вести въ Вавилонъ и плѣнниковъ, состоявшихъ изъ Іудеевъ, Финикіянъ, Сиріянъ и Египтянъ (см. Флав. X. кн. 11. гл. 1). Изъ этого сказанія халдейскаго историка видно, что Навуходоносоръ, еще до своего воцаренія, имѣлъ державное полномочіе въ отношеніи къ другимъ народамъ, и, между прочими, покорилъ тогда «своей державѣ» и іудеевъ. Притомъ еще можно примѣтить, что іудеи были покорены прежде Египтянъ: ибо дѣла Египетскія были, по свидѣтельству Бероза, предметомъ послѣднихъ его заботъ предъ возвращеніемъ въ Вавилонъ. Теперь слѣдуетъ только подъ нашествіемъ на іудею, указаннымъ въ

(*) По этому мнѣнію Даніилъ говоритъ въ 1, 1 и 2 ст. о рѣшительномъ низложеніи Іоакима. Это было уже въ 7-й годъ царствованія Навуходоносора. Между тѣмъ по Даніиловой книгѣ, спустя три года послѣ сего, слѣдовалъ только еще другой годъ царя Навуходоносора.

книгѣ Даніила, разумѣть нашествіе, бывшее въ этотъ великій походъ, — указанный Берозомъ; и всѣ историческія затрудненія, какія выше обозначены, рѣшатся сами собою. По свидѣтельству Іереміи, въ 4-мъ году Іоакима, Навуходоносоръ покорилъ Египетъ, одержавъ побѣду надъ Фараономъ при Кархамисѣ,—покореніе Египта было, по Берозу, уже послѣднее дѣло Навуходоносорова первоначальнаго великаго похода. Въ этомъ же году, то есть въ годъ покоренія Египта, по словамъ Іереміи, онъ и восшелъ на престолъ по смерти своего отца. Но было бы до неестественности невѣроятно, чтобы въ тотъ же годъ послѣдовало и начало похода, и покореніе Сиріи, Финикіи, Іудеи. Слѣдовательно эти послѣднія событія должны быть отнесены по крайней мѣрѣ къ предшествующему году,—то есть, согласно съ свидѣтельствомъ Даніила, къ третьему лѣту царствованія Іоакима. И поелику Навуходоносоръ въ этомъ походѣ былъ облеченъ, какъ видно изъ свидѣтельства Берозова, въ державное уполномочіе, такъ что покорялъ побѣжденныхъ собственно своей власти: то какъ же было не назвать его царемъ? Въ самой книгѣ Даніила хорошо видно, что онъ такъ называется въ 1-й главѣ, именно, по царственному уполномочію, а еще не по дѣйствительному воцаренію: ибо въ слѣдующей же главѣ говорится только о второмъ лѣтѣ царя Навуходоносора, тогда какъ уже и послѣ нашествія на Іерусалимъ, упоминаемаго въ 1-й главѣ, должно было пройти по крайней мѣрѣ три лѣта (см. 1, 5). Значитъ, при

нашествіи на Іерусалимъ онъ не былъ еще царемъ единодержавнымъ, хотя и названъ царемъ по царственному полномочію. Другой причины не могло быть къ тому, чтобы, представивъ Навуходоносора уже царемъ при нашествіи на Іудею, спустя три года послѣ этого событія считать его царствованію только всего другой годъ!! И такъ у Даніила въ показанномъ мѣстѣ нѣтъ никакой исторической неточности; напротивъ, при сличеніи съ нимъ еще опредѣлительнѣе становятся другія историческія показанія, относящіяся къ тому же предмету. Другая, близкая къ разсмотрѣнной, неточность во 2-й гл. 1-го стих. Второй годъ царствованія Навуходоносора, о которомъ здѣсь говорится, долженъ быть, по лѣтосчисленію Пророка Іереміи, пятымъ годомъ Іоакима: ибо, по словамъ Іереміи (25, 1), первый годъ царствованія Навуходоносора совпадалъ съ четвертымъ Іоакима. Но по книгѣ Даніила, этотъ же второй Навухсдоносоровъ годъ долженъ быть не ближе шестаго года царствованія Іоакимова: ибо, въ третье лѣто его царствованія взятъ Даніилъ въ плѣнъ, потомъ три года долженъ былъ онъ учиться, и за симъ уже совершились тѣ событія, которыя описываются во 2-й главѣ; слѣдовательно они падаютъ уже къ 6-ти лѣтамъ царствов. Іоакима. —И такъ книга Даніила цѣлымъ годомъ отступаетъ отъ лѣтосчисленія Іереміи. Но дѣло въ томъ, что у Іереміи сказано: *слово бысть Іереміи въ лѣто четвертое Іоакима... то лѣто первое Навуходоносора*, но не сказано того, что царствованіе Навуходоносора

ходоносора и началось день въ день согласно съ царствованіемъ Іоакимовымъ. Такъ и мы выражаемся: извѣстное событіе случилось на такомъ-то году жизни одного, и на такомъ-то году другаго; но этимъ не предполагается, что годъ того и другаго начинается въ одинъ и тотъ же день; напротивъ годъ одного могъ тогда еще только начинаться, а годъ другаго уже оканчиваться. Посему, если четвертое лѣто Іоакима уже было въ исходѣ, когда началось первое лѣто царства Навуходоносорова: то лѣтосчисленіе Іереміино не будетъ опровергать лѣтосчисленія книги Даніила. Второе лѣто Навуходоносорово, и по счисленію Іереміи, должно будетъ обнимать только малую часть пятаго года Іоакима, и большую часть уже шестаго года. На 6-й годъ Іоакима падаетъ второе лѣто царства Навуходоносорова, и по книгѣ Даніила. Такимъ образомъ и здѣсь только опредѣлительнѣе становится лѣтосчисленіе Іереміи чрезъ соображеніе его съ книгою Пророка Даніила.

Нѣкоторыя неточности видятъ въ сказаніяхъ о Валтасарѣ въ 5 гл. Послѣдній царь Вавилона былъ, по крайней мѣрѣ, уже внукъ Навуходоносора, по пророчеству Іереміи и свидѣтельству Бероза, Флавія и др.; но Навуходоносоръ у Даніила называется отцемъ Валтасара (11 ст. 13. 18. 22. Bertholt com. 1, 35, Bleek p. 270.) Чтожъ изъ того? Царственные потомки Давида называются сынами Давида; начальнику династіи, и особенно славной, естественно (и преимущественно въ тѣ времена великаго значенія всего естественнаго и особенно родоваго

происхожденія) называться отцемъ послѣдующихъ. Еще историческое затрудненіе о Валтасарѣ: имя послѣдняго царя вавилонской династіи—Валтасаръ, а по халдейскому историку (Берозу) Набонидъ (Bleek). Но многія имена одного и того же лица обычны были въ тѣхъ странахъ. Такъ Даніилу, какъ и тремъ его товарищамъ, дано новое имя отъ вавилонскаго царя, но за нимъ осталось и прежнее. Отецъ самаго Навуходоносора Набополассаръ, имѣлъ еще другое имя Навуходоносора же, по свидѣтельству Бероза (Флав. X к. 11 гл.). Камбизъ, какъ его называютъ по внѣшнимъ исторіямъ, у Ездры названъ Achaschwerosch-Ассуиръ. Выдававшій себя за Смердиса названъ у Ктезія Spendates, у Іустина Oropastes, а у Ездры Artachschasta *Артаксерксъ* (см. Jah. Archaeol. 11, 1. p. 244.). Замѣчаютъ еще, что имена, взятыя отъ названія боговъ, каковы—*Валтасаръ* отъ Вила,—*Набонидъ* отъ Нево, оба извѣстныя имена послѣдняго вавилонскаго царя, были не столько собственныя имена, сколько прозванія,—и тѣмъ еще болѣе изъясняется разность именъ одного и того же лица. Притомъ, когда царица (какъ видно не жена, а развѣ мать Валтасара) (*), сказавъ сначала просто: *Отецъ твой*, потомъ опредѣляетъ это названіе прибавленіемъ: *Навуходоносоръ*, то видно чрезъ это, она

(*) Ибо жены его были на пиру, а эта со зломъ вошла въ пиршественную комнату, и стала говорить, какъ очевидица минувшаго.

хотѣла предотвратить недоразумѣніе царя, что она говоритъ не о родномъ его отцѣ. Если бы она говорила о родномъ отцѣ Валтасара, то къ чему было бы это прибавленіе? Имя: *Отецъ твой* — вполнѣ ясно и опредѣленно для сына и безъ прибавленія собственнаго имени.

За историческую невѣрность признаютъ имя *Дарія Мидянина* въ VI гл. Говорятъ, что царя, котораго Ксенофонъ называетъ Кіаксаромъ 2, позднѣйшій писатель книги смѣшалъ съ ближайшимъ къ своему времени Даріемъ Гистаспомъ (Bertholat Comm II p. 855. и сл. Bleek p. 270 dewette, Rosenmuller). — Но если бы и дѣйствительно древность не сдѣлала никакого намека на Дарія Мидянина, то все же нѣтъ повода, по одному сходству имени, дѣлать такую произвольную догадку. Сей часъ только мы говорили объ обычаѣ не только халдеевъ, но и персовъ давать одному и тому же лицу разныя имена. Отъ чего въ настоящемъ только случаѣ не могло быть мѣста тому, чтобы одно изъ именъ было собственнымъ, а другое — прозваніемъ? Имя же *Дарія* дѣйствительно таково, что его носятъ многіе совершенно различные цари, и, по своему значенію, оно болѣе нарицательное, нежели собственное; по Геродоту, это имя значитъ по гречески ἐρζείης, или обуздатель, покоритель. Это первое! Но кромѣ того, должно сказать, что на имя Дарія, современнаго Даніилу, есть ясныя указанія древности. Въ отрывкѣ халдейскаго писателя — Абидека, приводимомъ въ Армянской хроникѣ Евсевія, послѣ того какъ сказано о побѣдѣ Мидо-Персовъ надъ вави-

лонскимъ царемъ и о распоряженіи побѣдителя касательно побѣжденнаго, стоятъ такія слова: Darius rex de regione depulit aliquantulum. Здѣсь очевидно разумѣется Дарій Даніилова времени (*). Также извѣстна древнѣйшая персидская золотая монета, называемая δάρειχος. Геродотъ производилъ ее отъ Дарія Гистаспа, но невѣрно; ибо *дарики* были уже въ ходу за долго дотолѣ, о нихъ упоминается въ книгахъ Паралипоменонъ, Ездры и Нееміи. Инаковое и вполнѣ достовѣрное изъясненіе происхожденія этой монеты у Свиды, δάρειχοι ὐχ ἀπο Λαράν τὸ ἑρζὸ πατρὸς (то есть, Дарія Гистаспа), ἀλλ ἀφ ἑτέρυ τινὸς παλαιοτέρυ Βαβιλέως ὠνομασθῆναν Гарпократіонъ, схоліастъ Аристофана, тоже говоритъ. Слѣдовательно, и по другимъ свидѣтельствамъ, у Мидо-Персовъ точно былъ Дарій гораздо древнѣйшій Дарія Гистаспа. Что же послѣ этого будетъ мысль о смѣшеніи въ книгѣ Даніила, Ціаксара съ Даріемъ Гистаспомъ? Басня, выдуманная не только безъ всякаго основанія, но и противъ историческаго свидѣтельства (**).

(*) Замѣчательно, что въ другомъ сочиненіи Евсевій — praeparatio Evangel,—цитуетъ мѣсто это, опуская сіи слова. Видно, что онъ не много дорожилъ ими, согласно, безъ сомнѣнія, съ маловниманіемъ древности къ имени древнѣйшаго царя—Дарія. Этимъ и объясняется малоупотребительность этого имени въ древности.

(**) Не стоила бы даже и упоминанія еще неточность, указываемая въ той же 6 главѣ. Укажемъ на нее, чтобы видѣть до какой мелочности и натяжки можетъ упасть критика съ началами невѣрія. Львиный ровъ или львиная яма представляется (видите) не совсѣмъ соотвѣтствующею одному извѣстному опи-

Наконецъ возьмемъ во вниманіе мнимую историческую ошибку, находимую въ 8 гл. I. и 2 ст.; здѣсь сказано, говорятъ, что «Даніилъ въ третій «годъ Валтасара былъ въ крѣпости Сузахъ, въ «Эламѣ или Элимаидѣ. Но этого не могло быть «потому, что Элимаида не принадлежала Навухо«доносору, а его преемникамп конечно тѣмъ менѣе «могла быть пріобрѣтена.—И самый городъ Сузы «не только сдѣлался столицею уже персидскихъ «царей, но, по свидѣтельству Плинія, даже построенъ «былъ Даріемъ Гистаспомъ, когда и получилъ на«стоящее имя (Plin H. N IV, 26) (Bertoldt)».

Но всѣ восточные и греческіе писатели согласно говорятъ о построеніи города Сузы въ отдаленнѣйшей древности. Страбонъ называетъ основателя Сузъ Титона, отца Мемнонова, и говоритъ, что уже красота и великолѣпіе города побудили царей персидскихъ сдѣлать этотъ городъ своею резиденціею. Слѣдовательно, когда Плиній говоритъ, что vetus regia

---

санію львиныхъ рвовъ, которое относится къ совершенно другому времени и совершенно другой землѣ (Hocsis von Maroko und fes., s. 77. и 290); да и самая разность не въ существенныхъ чертахъ, которыя и по книгѣ Даніила, и по сему позднѣйшему описанію одинаковы; львиныя помѣщенія и по сему послѣднему, были подземные рвы, и имѣли назначеніе для низверженія въ нихъ осужденныхъ на смерть,—какъ то и другое видно и изъ нашей книги. Замѣчательная разность касается отверстія, которое, по Гестову описанію, было широко, и имѣло родъ дверей, а у Даніила загражадалось камнемъ и слѣд. должно быть узко (6, 17.) Разность легко устраняется: ибо камень могъ быть плоскій и большой, и слѣд. могъ закрывать большое отверстіе и служилъ какъ бы дверью во львиный ровъ.

Persarum Susa a Dario Histaspisz filio condita, то онъ выражается такъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорилъ напр. Навуходоносоръ о Вавилонѣ: *нѣсть сей Вавилонъ егоже азъ сградихъ*, т. е. въ смыслѣ неоснования, а *распространенія* и украшенія города. Также древность названія сего города Сузами, идущую далѣе Дарія Гистаспа, засвидѣтельствовалъ Геродотъ (с. 54), Ксенофонъ (Кироп. VIII, 6, 22). И такъ послѣдняя половина возраженія противъ исторической точности показанія книги о Сузахъ—исчезаетъ. Что же касается до утвержденной независимости Элимаиды отъ Навуходоносора, доказательство на это думаютъ найти, во 1-хъ, у Исаіи 21, 2, о возстаніи противъ Вавилона, Эламитянъ и Персовъ. Но возстать могли и покоренные прежде народы. Другое доказательство у Іереміи 25, 25, гдѣ представляется Эламъ царствомъ, имѣющимъ царей и слѣд. самостоятельнымъ. Но здѣсь же Эламу вмѣстѣ съ другими странами подносится чрезъ Іеремію чаша гнѣва Божія, которою и было собственно грозное нашествіе Навуходоносора. То же самое предрекается у Іерем. 49, 23 и представлено исполнившимся у Іезек. 32, 24. Слѣдовательно и эта часть возраженія падаетъ въ ничтожество. А что Даніилъ былъ въ городѣ Сузахъ, который не былъ еще царственною резиденціею, — то это, во 1-хъ, по изъясненію нѣкоторыхъ Бл. Ѳеодорита и др. могло быть также, какъ Іезекіиль изъ плѣна восхищенъ былъ къ созерцанію бѣдствій Іерусалимскаго храма, также и Даніилъ могъ въ Сузахъ быть въ видѣніи. Основаніе сего толкованія въ самомъ

текстѣ; —съ Еврейскаго такъ читается это мѣсто: «и видѣлъ я въ видѣніи, и когда видѣхъ оное, былъ «я въ Сузахъ, что въ Эламской области, - и видѣлъ «я въ видѣніи, будто нахожусь подлѣ рѣки Евлея» (2 ст.). Послѣдняя половина стиха можетъ служить и поясненіемъ первой, и потому мысль съ сего мѣста можетъ быть такая, что Пророкъ «видѣлъ въ видѣніи,» будто онъ находился въ Сузахъ, подлѣ рѣки Евлея. Видѣніе относилось прежде всего къ персидскому царству и побѣдѣ его надъ Вавилономъ, потому Пророкъ могъ быть въ духѣ поставленъ въ самую столицу будущаго побѣдоноснаго царства.—Но если бы и не такъ, то во 2-хъ, при развратномъ Валтасарѣ, Даніилъ легко могъ быть устраненъ отъ двора или, во всякомъ случаѣ, на время быть отправленъ отъ двора въ область Элимаидскую съ царскими же порученіями, такъ какъ его еще Навуходоносоръ хотѣлъ сдѣлать областнымъ начальникомъ. И такимъ образомъ нѣтъ историческаго затрудненія въ томъ, что Пророкъ былъ въ Сузахъ и здѣсь занимался царскими дѣлами, какъ сказано въ 27 ст. той же главы. Можно бы указать еще нѣкоторыя другія подобнаго же рода историческія неточности, измышляемыя противниками, но онѣ уже или устранены у насъ при прежнемъ соображеніи историческихъ показаній Даніила (*), или слишкомъ очевидна ихъ вымышленность (**). И такъ,

(*) Такова напр. мнимая неточность представленія львинаго рва (смотр. выше).

(**) Напр. о собраніяхъ мудрецовъ.—Мы уже видѣли, какъ сказанное Даніиломъ объ этомъ предметѣ потверждается и другими свидѣтельствами.

книга обильная историческими показаніями о времени Прор. Даніила, какъ ни одна изъ другихъ книгъ, не заключаетъ и тѣни исторической неточности даже въ самыхъ примѣрахъ оной, какіе приводятся противниками. Самая возможность къ подобному перетолковыванію нѣкоторыхъ мѣстъ книги, устраняетъ всякую мысль объ искусственномъ подлогѣ: ибо столь легко было бы предотвратить эту возможность (напр. въ лѣтосчисленіи), а она оставлена.

Противъ исторической ея части содержанія, направляются еще такія нападенія противниковъ, будто здѣсь есть невѣроятное и само по себѣ. Обратимся къ этому новому обороту лжи, которая, съ истощеніемъ историческихъ свидѣтельствъ противъ истины, вооружается противъ нея собственными соображеніями и наблюденіями.

Болѣе всего не нравятся противникамъ, что въ книгѣ Даніила много чудесъ. Особенное обиліе въ чудодѣйствіяхъ, будто безъ потребности въ томъ, кажется, явнымъ признакомъ недостовѣрности повѣствованія.—Но нужно еще доказать, что точно, по книгѣ Даніила, расточаются чудеса безъ нужды. Въ исторіи Израиля тогдашнее время и обстоятельства составляли такую великую эпоху, что все подзаконное устройство церковное было потрясено и въ видимости разрушено во всемъ составѣ своего зданія: гдѣ обѣтованія, данныя патріархамъ? Что теперь потомки Израиля? Что обѣтованная земля? Что Іерусалимъ, Сіонъ—святая гора? Гдѣ теперь храмъ? Вѣрѣ предлежалъ великій и даже чрезвычайный подвигъ. И на сколько въ избранныхъ

доставало вѣры для такого чрезвычайнаго подвига: на столько, по закону благодати, и привлекала такая вѣра чрезвычайныя явленія силы Божіей, — что въ тоже время служило къ укрѣпленію и ободренію вѣры прочихъ, болѣе слабыхъ для такого подвига, членовъ вѣры. Это первое! Во вторыхъ, въ исторіи церкви и всего рода человѣческаго — тогда было такое время, что ветхо-завѣтный порядокъ спасенія людей ветшалъ, и требовалъ — если еще неотмѣненія, то освѣженія и обновленія, что языки уже сами стали ощущать осязаемую тьму, куда зашли они въ самоволіи, и недоумѣвали, *чесому подобаетъ быти по сихъ* съ людьми наконецъ (слова Навуходоносора), а потому требовали нѣкотораго духовнаго озаренія, если не въ конецъ были отвержены. И въ томъ, что съ язычниками, отчужденными отъ церкви, былъ тогда приведенъ въ самое внутреннее столкновеніе народъ избранный, хранитель и наслѣдникъ завѣта и обѣтованій истиннаго Бога, — видно намѣреніе Отца Небеснаго напомнить о себѣ язычнику — этому блудному сыну, расточавшему уже послѣдніе останки наслѣдія; видѣнъ предварительный пріемъ промысла Божія къ призванію и погибающихъ языковъ къ благодати и къ распространенію во всемъ мірѣ вѣдѣнія объ истинномъ Богѣ и водворенію церкви вселенской. — Въ эту ли великую эпоху исторіи всемірной были ненужною расточительностію — чудеса, упоминаемыя въ книгѣ Даніила? Да какъ же иначе было напомнить язычнику объ оставленномъ имъ Отцѣ, — и напомнить свойственнымъ ветхо-завѣтному вре-

мени образомъ?—Какъ еще по ветхо-завѣтному,—по порядку въ раю начатому, явиться предъ міромъ Божественной десницѣ, не отвергающей и языковъ, предустрояющей уже Всемірную христіанскую церковь? Какъ до времени своего отмѣненія оживиться и возобновиться уже столько изветшавшему ветхо-завѣтному порядку вещей, котораго и характеромъ была открытая для чувствъ видимость духовнаго и Божественнаго? Все это не иначе могло быть совершено, какъ именно такими чрезвычайными способами, такими открытыми явленіями Божественной десницы, какія описаны въ книгѣ Пророка Даніила. — Послѣ сего, конечно, справедливо было сказать объ умствующихъ возражателяхъ противъ достовѣрности чудесъ въ книгѣ Даніила: *невѣдятъ*, что говорятъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію разныхъ частностей книги, кажущихся противникамъ сомнительными. Будемъ слѣдовать порядку книги. Не нравится противникамъ то воздержаніе Даніила и трехъ отроковъ, по которому они рѣшились питаться растеніями съ водою изъ опасенія осквернiться роскошною трапезою язычниковъ (см. 1 гл. Дан.). Такое воздержаніе будто-бы выше предписаній и запрещеній касательно пищи, содержащихся въ законѣ. Но правда ли это? Можно ли допустить, чтобы на роскошномъ столѣ языческаго царя не приготовлялось пищи изъ признаннаго нечистымъ въ законѣ Моисеевомъ или изъ оскверненнаго чрезъ прикосновеніе къ нечистому? Притомъ вавилонскіе плѣнники изъ избраннаго народа не хотѣли пѣть въ

Вавилонѣ и Сіонскихъ пѣсней: печаль по Богѣ и потому постъ свойственны были истинно вѣрующимъ. Трапеза же язычниковъ осквернялась еще обычными у нихъ, при вкушеніи пищи, возліяніями въ честь боговъ. Не даромъ еще чрезъ Іезекіиля возвѣщено было іудеямъ, что они въ плѣну осквернятся самымъ вкушеніемъ пищи (4, 13, 14). Слѣдовательно и опасеніе осквернснія и постъ четырехъ плѣнныхъ юношей свойственны истинной вѣрѣ и потому сказаніе объ этомъ не представляетъ ничего недостовѣрнаго. — Невѣроятною кажется та чрезвычайная жестокость вавилонскаго царя, съ какою онъ приговаривалъ къ смерти мудрецовъ за неумѣнье ихъ разсказать и истолковать его сонъ, имъ самимъ забытый. Конечно, это одно изъ сильно поражающихъ чувство человѣколюбія явленій восточнаго деспотизма; но такое явленіе происходитъ не чисто отъ дикаго звѣрскаго произвола. Навуходоносоръ говоритъ мудрецамъ на требованіе ихъ разсказа о сновидѣніи: «я знаю точно, что вы только время выигрываете... вы выдумываете сказать мнѣ что нибудь ложное и пустое... Раскройте мнѣ сонъ, и я буду увѣренъ, что и смыслъ его объяснить можете.» Мудрецы хвалились умѣньемъ толкованія сновъ, вѣданіемъ таинъ. «Вы обманщики,—какъ бы такъ говорилъ имъ царь. Если вы дѣйствительно знаете тайну сновидѣній, то почему же самыя сновидѣнія могутъ быть для васъ тайною? Если неумѣете разсказать самаго сновидѣнія: какъ повѣрить вѣрности вашего истолкованія? Вы публичные обманщики, и достойны казни. Нечего и время съ

вами тратить. Разскажите сонъ мой, и я повѣрю, и только тогда повѣрю вашему священному искусству объяснять самый смыслъ сновъ.» Слѣдовательно, не совсѣмъ безосновательный, хотя и слишкомъ безпощадный, данъ приговоръ казни на уличенныхъ въ безсовѣстности предъ религіею и государствомъ. Что же тутъ невѣроятнаго?

Въ 3-й главѣ находятъ невѣроятнымъ, кромѣ великаго чуда (о чемъ мы уже не будемъ говорить), a) предварительное приготовленіе разженной пещи, какъ будто зналъ царь о томъ, что три іудея не исполнятъ его повелѣнія. Но разженная пещь была обыкновеннымъ въ Вавилонѣ (и потому всегда готовымъ) способомъ казни, какъ мы прежде видѣли. b) Самый приговоръ царя казнить за непокленіе истукану, кажется несообразнымъ съ вѣротерпимостію (засвидѣтельствованною пророками Іереміею и Іезекіилемъ). Но въ этомъ, по ходу исторіи, выражается болѣе своенравіе деспота, котораго произволъ могъ быть закономъ, и который не терпитъ противорѣчія. «Люди сіи *не слушаютъ тебя*, царь,» такъ доносятъ халдеи на трехъ отроковъ. —И царь дѣлаетъ имъ такой допросъ: «правда ли, что вы... золотой статуѣ, которую *я* поставилъ, не покланяетесь?» Видно, что не за оскорбленіе собственно національной религіи вооружались эти люди противъ рабовъ Божіихъ. c) Не соразмѣрна и чудовищна величина статуй. Но Вавиляне отличались вкусомъ къ чудовищному, какъ доказываютъ всѣ открываемые въ ихъ странахъ памятники. d) Невинные служители казни были убиты

огнемъ. Но чтобы сказать: *невинные*, нужно быть испытателемъ сердецъ. По слову Пророка Иліи, пожраны были нисшадшимъ съ неба огнемъ двѣ полсотни воиновъ,—тоже служители чужой воли. Такая гроза Небеснаго Правосудія свойственна духу ветхо-завѣтнаго времени, еще недостигшаго благодати, а испытывать сердца промышленія людей, вообще это дѣло ума Божія. Эти мысли впрочемъ еще слишкомъ общи. Дѣло здѣсь въ томъ, что являются во враждебномъ столкновеніи съ одной стороны—доблестные рабы Божіей Державы, а съ другой—служители не хотящаго знать этой державы владычества человѣческаго. Послѣдніе, очевидно, принадлежатъ къ Боговраждебной сторонѣ, праведно низлагаемой и караемой. Исповѣданіе Истиннаго Бога, въ 97 и 98 ст. будто бы противорѣчитъ характеру царя и религіи, которую онъ долженъ блюсти, по крайней мѣрѣ по политическимъ видамъ. Возраженіе, которое можетъ быть порождено разсчетами и вмѣстѣ невѣжествомъ невѣрія! Душа глубокая и сильная (каковъ всегда является Навуходоносоръ),—бывъ подвигнута столь поразительнымъ и многосложнымъ явленіямъ силы и славы Божіей, будто бы не могла быть сознательною въ отношеніи къ Божеству, не могла возвыситься надъ политическими разсчетами! Не стаетъ терпѣнія разбирать другія возраженія противъ достовѣрности повѣствованія о семъ чудѣ: напр., гдѣ взято столько золота для составленія огромнаго золотаго истукана, всемірнаго почти завоевателя? Гдѣ былъ въ это время самъ Даніилъ, ко-

тораго отсутствіе могло быть изъяснено всякими случайностями? и пр.

Въ 4-й главѣ сомнѣваются въ достовѣрности указа или манифеста царя вавилонскаго: а) по умолчанію о столь поразительныхъ событіяхъ—другихъ священныхъ писателей и греческихъ историковъ. Но изъ первыхъ никто не имѣлъ задачею изобразить это время, кромѣ Пророка Даніила. Въ замѣнъ и вознагражденіе молчанія греческихъ историковъ есть указанія у Бероза, на временное сумасшествіе Навуходоносора и возвращеніе его на престолъ, по выздоровленіи (у Іос. Флав.), а у Абидена, сверхъ того, указаніе на странную его болѣзнь, по которой онъ находился въ скотоподобномъ состояніи, и на самый всенародный его манифестъ (Chron. Armenolatinum I. p. 19 praep. Evang. IX, 14). в) Евсевій же, который въ своей хроникѣ приводитъ сіе свидѣтельство Абидена, самъ еще свидѣтельствуетъ, что историки не только халдейскіе, но и греческіе скрываютъ странную болѣзнь Навуходоносора, представляя ее состояніемъ подъ сверхъ естественнымъ дѣйствіемъ благодѣтельнаго духа или божества. (Chron. armenolat. p. 61.) с) По продолженію, на цѣлыя 7-мь лѣтъ, необычайной болѣзни Навуходоносора безъ царственнаго управленія вавилонскаго царства. Но во 1-хъ, нѣкоторые понимаютъ здѣсь опредѣленное число лѣтъ, вмѣсто неопредѣленнаго, которое можетъ быть и меньше. Это впрочемъ объясненіе можетъ показаться придуманнымъ по нуждѣ. Во 2-хъ, свойства болѣзни не извѣстны, и слѣдовательно нельзя судить о невозможности про-

должения ея на 7 лѣтъ, а страхъ сильнаго и грознаго царя могъ не позволить устраненія его отъ царства, при жизни его, хотя онъ былъ бы болѣнъ даже болѣе семи лѣтъ.—Это послѣднее тѣмъ достовѣрнѣе, что по свидѣтельству Бероза, управлялось царство ὑπὸ τῶ βελτίςω ἀοτῶν—отъ главнаго сановника въ государствѣ. d) Непонятно, говорятъ еще, какъ могъ бы царь—деспотъ говорить о себѣ предъ всѣми подданными столь унизительно, какъ во всенародномъ манифестѣ (IV). Но духовное правленіе и прозрѣніе къ истинѣ, сила вѣры къ какому самоотверженію не подвигнутъ? Да еще же: Навуходоносоръ въ самыхъ бѣдствіяхъ является здѣсь подъ особенною рукою провидѣнія Божія. И конецъ испытанія—возстановленіе и величіе царя: унизительно-ли для послѣдняго говорить объ этомъ? Наконецъ e) слишкомъ примѣтны въ указѣ Навуходоносора рѣчь и мысли іудея, говорятъ противники. Что же удивительнаго, если столько откровеній и чудесъ, вразумительныя бѣдствія, обращеніе съ Пророкомъ внушили язычнику благоговѣніе и вѣру? Впрочемъ и здѣсь язычникъ иногда высказывается, напр.: «пришелъ Даніилъ, которому имя Валтасаръ, по имени *бога моего*, въ которомъ духъ *святыхъ боговъ*» (ст. 5), и под.

Въ V-ой главѣ кажется сомнительною свобода, съ какою изъясняется Даніилъ предъ царемъ; но она совершенно свойственна праведнику и Пророку, по выраженію другаго Пророка о себѣ: *глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари и не стыдяхся*, не смущался. Самъ царь не могъ считать этого

оскорбленіемъ величія, столь гордаго въ вавилонскихъ царяхъ: такъ какъ онъ видѣлъ предъ собою руку царя царствующихъ и въ Даніилѣ не могъ не признать орудія той же руки. Не естественнымъ въ современникѣ, а приличнымъ позднѣйшему Писателю кажется то, что столь кратко и какъ бы мимоходомъ въ концѣ сей главы, обозначенъ великій переворотъ въ Вавилонѣ—перемѣна династій и ниспроверженіе вавилонской національности. Но то, что съ точки зрѣнія на предметы и событія, свойственной поверхностному и мірскому взгляду, особенно замѣчательно,—можетъ быть не таково съ точки зрѣнія мужа Боговдохновеннаго, и притомъ, по преимуществу предъ другими священными писателями, чуждаго увлеченія и занимающагося прямо дѣломъ. Спрашиваютъ еще: «какъ могло случиться то, что Даніилъ провозглашенъ третьимъ по царѣ, когда вслѣдъ за пиромъ въ ту же ночь царь былъ убитъ, и на мѣсто его вступилъ на престолъ другой царь?» Очень просто. У царя было необыкновенное пиршество и собраніе, какъ сказано въ книгѣ, изъ тысячи вельможъ; весь городъ, конечно, не могъ не быть въ движеніи, всегда обычномъ при такихъ случаяхъ. И такимъ образомъ, что могло скорѣе и легче исполниться, какъ публичное провозглашеніе о Даніилѣ.—

Въ VI-й главѣ представляется сомнительнымъ, чтобы Дарій Мидійскій далъ столь нелѣпое запрещеніе въ продолженіи цѣлыхъ тридцати дней молиться какому бы ни было божеству, а только бы прибѣгали къ одному царю. Вотъ одинъ изъ случаевъ, къ ко-

торому особенно необходимо приложеніе правила: не судить о другомъ времени по своему времени. Конечно, въ наше время, отличающееся вообще религіозною холодностію, странно должно быть, напр. то страстное увлеченіе къ идолопоклонству, какое замѣтно въ евреяхъ Моисеева времени; между тѣмъ какъ тогда это было также просто, какъ склонность къ вольнодумству нашихъ мыслителей. Обожаніе тѣхъ, кого и мы называемъ въ извѣстномъ смыслѣ земными богами, то есть, обожаніе царей, есть одно изъ самыхъ естественныхъ видоизмѣненій язычества. Вспомнимъ напр. Иліаду или Одиссею, гдѣ люди, и особенно властительные, до ослѣпительности ярко сіяютъ для вѣка отраженіемъ божества («Богоподобный», «Боговидный»). Съ продолженіемъ времени такой взглядъ на царей естественно долженъ былъ принимать важное значеніе. —Персидская же Зороастрова религія выдавала именно за положительный догматъ, что царь есть представитель и какъ бы воплощеніе божества (Ормузда); почему же можетъ показаться не естественнымъ и недостовѣрнымъ, чтобы тогдашній царь и народъ приносили жалкую дань вѣку языческаго *невѣдѣнія?!* Въ лицѣ своемъ Дарій Мидянинъ мнилъ воздать или потребовать отъ всѣхъ подвластныхъ ему чествованіе верховнаго національнаго божества, котораго онъ считался представителемъ.

Отъ исторической части книги перейдемъ къ содержанію пророчествъ, которое также кажется противникамъ несовмѣстнымъ со временемъ Дані-

ила. Почему же? Во первыхъ, по необыкновенной опредѣленности пророчествъ: отъ временъ Даніила по смерть Антіоха Епифана, Пророкъ пишетъ точно исторію будущихъ политическихъ событій — послѣдовательно, точно и подробно (недостаетъ только собственныхъ именъ). Но это самое и есть такой предметъ, что болѣе всего уязвляетъ невѣровъ и радуетъ, утверждаетъ вѣру; это есть тотъ самый пунктъ, которымъ завладѣть стремится невѣріе, и за который стоитъ вѣра: какъ же обращать въ оружіе брани то самое, изъ за чего идетъ брань, что̀ еще только усиливаются оспорить? Это первое! Во вторыхъ, мы уже имѣли случай говорить, что самая эта обстоятельность и точность предреченій, въ кн. Даніила, оказывается однимъ изъ внутреннихъ признаковъ подлинности этой книги. Повторимъ здѣсь говоренное нами прежде, въ подтвержденіе, что истина гораздо вѣроятнѣе произвольныхъ предположеній. Въ книгѣ Даніила предуказаны: смѣна царства вавилонскаго персидскимъ, и послѣ четырехъ царей послѣдняго—усиленіе Греческаго, всемірное почти преобладаніе Греческаго царя (Александра, какъ само собою понятно), раздѣленіе послѣ него Греческаго царства, и то не между дѣтьми его, на четыре отдѣльныя царства. Изъ сихъ послѣднихъ Пророкъ имѣлъ въ виду въ особенности два царства, такъ названныя у него сѣверное и южное (по обстоятельствамъ ихъ видно, что это Сирійское и Египетское),—слѣдитъ ихъ взаимную борьбу до подробностей, — обозначаетъ преемство ца-

рей, сраженія, побѣды, политику, браки изъ политическихъ видовъ, въ особенности обстоятельствъ и дѣлъ послѣдняго сѣвернаго царя (Антіоха Епифана). Въ примѣръ подробностей мы указывали, что у Пророка, при изображеніи одного сраженія, опредѣлено и число пораженныхъ на немъ (10,000 XI. 12), или еще: представлены два царя—сѣверный и южный—бесѣдующими за столомъ и злоумышляющими другъ противъ друга (XI, 27). И все это вполнѣ оправдалось исторіею! Спрашивается: такое обширное и точное познаніе исторіи въ продолженіи 370 лѣтъ, это проницательное разумѣніе политики и характера разныхъ царей, эту безошибочность въ самыхъ подробностяхъ какъ изъяснить въ палестинскомъ Іудеѣ Маккавейскаго времени, когда самъ Іуда Маккавей обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, историческое невѣдѣніе о самыхъ близкихъ событіяхъ и отчасти о тѣхъ же самыхъ лицахъ (Антіохѣ Великомъ)?! Въ особенности писателю сего времени слѣдовало бы быть не только неотступнымъ зрителемъ всѣхъ дѣлъ и событій Антіоха Епифана, но и слѣдить сокровенныя его движенія и замыслы. И это должно было предлежать подавленному притѣсненіями іудею, по отношенію къ государю, жесточайшему и коварнѣйшему, котораго душа была такъ темна, и пути такъ запутаны въ козняхъ.... Но невѣріе лучше соглашается на неестественное и невѣроятное, чтобы только не уступить вѣрѣ. Да изъ за чего, въ третьихъ, и хлопочутъ противники? Не все ли равно—просто для Божества и непостижимо для насъ,

чтобы Пророкъ указалъ на одно или на цѣлый рядъ будущихъ событій, прямо или съ нѣкоторою прикровенностію? или время Даніилово не требовало для вѣры обстоятельныхъ и точныхъ предсказаній, а избранный въ органъ Духа мужъ не могъ подлежать такому наитію Духа Божія? Напротивъ, если взять во вниманіе эту строгую точность, свойственную Даніилу и современную ему потребность народа Божія имѣть самыя удостовѣрительныя доказательства бдящей надъ ними Вседержавной власти, когда сосѣднія царства станутъ утѣснять его,—то очень понятна становится необыкновенная опредѣленность и обстоятельность пророчествъ о семъ тяжкомъ времени. — Она сообразна съ свойствами избраннаго органа и съ тогдашнею потребностію Церкви.

Далѣе, большая часть пророчествъ Даніила доведена до смерти Антіоха Епифана: видѣнъ, говорятъ, въ писателѣ современникъ Маккавеевъ. Но нужно, во 1-хъ, ограничить мысль возраженія. Нѣтъ ни одного въ кн. Даніила пророчества, которое бы остановилось на времени Епифана. Не говоримъ о раскрытомъ отъ Даніила пророчественномъ значеніи сновидѣнія Навуходоносора, что оно идетъ далѣе времени Антіоха Епифана, обнимая и всемірное распространеніе христіанства; нечего говорить и о седьминахъ, простирающихся до пришествія Христова и искупительной Его смерти. Въ 7-й главѣ пророчество доведено до открытія «вѣчнаго Царства Священнаго народа (ст. 27).» Въ VIII гл. вмѣстѣ съ временемъ Антіоха имѣется въ

виду время, когда «конецъ будетъ грѣшникамъ» (23). Особенно подробныя и послѣдовательныя пророчества трехъ послѣднихъ главъ (10—12) оканчиваются изображеніемъ открытія вѣчной жизни. Мысль возраженія должна ограничиться такимъ вопросомъ: почему Пророкъ большею частію отъ временъ Антіоха Епифана восхищается ко временамъ Мессіи и къ вѣчности, а до Антіоха не отступаетъ отъ послѣдовательной нити событій? Послѣдняя половина вопроса уже выше рѣшена: потому до Антіоха послѣдовательно идутъ точныя пророчества, что на эти смутныя времена, когда избранный Божій народъ какъ бы перекидываемъ былъ въ зависимость отъ разныхъ языческихъ народовъ, потребно было яснѣйшее и опредѣленнѣйшее указаніе іудеямъ на управляющую и хранящую ихъ десницу Божію. Займемся рѣшеніемъ первой половины возраженія, именно о пророческомъ восхищеніи отъ времени Антіоха Епифана ко Христу и вѣчной жизни. Потому отъ гибели Антіоха восхищается Пророкъ къ пришествію Христову и къ вѣчной жизни, что въ избавленіе Церкви отъ Антіоха, признаваемаго ветхо-завѣтнымъ Антихристомъ, заранѣе имѣла славно проявиться побѣдоносная сила Христова. Видѣлъ Пророкъ темныя запутанныя времена Церкви, долженствующія послѣдовать за его временемъ;—видѣлъ, какъ темнота сгустилась надъ нею, особенно при Антіохѣ Епифанѣ и Церковь, по видимости, была совсѣмъ подавлена. И вотъ за тѣмъ видитъ ее побѣдоносною вышедшею изъ этого искушенія—восторжество-

вавшею надъ врагомъ по благодати грядущаго Христа; и Пророкъ поднимаетъ духовный взоръ свой къ самому Христу, и къ Его рѣшительному вѣчному торжеству надъ всѣми врагами. Это очень просто и обыкновенно въ пророчественной области! также просто это во своемъ родѣ, какъ просто, плѣнившись сіяніемъ солнца и обликомъ его самого, отразившемся въ чистой водѣ, взглянуть и прямо на это прекрасное и величественное дневное свѣтило. Впрочемъ и далѣе Антіоха Епифана съ точностію же опредѣлено самое число лѣтъ до Христа, разрушеніе Іерусалима, разсѣяніе избраннаго народа. Если же о семъ періодѣ времени менѣе предречено, чѣмъ о предшествовавшемъ, то тѣмъ болѣе Іудеи послѣдняго предъ Христомъ времени должны будутъ сосредоточить всѣ чаянія свои на Христѣ и знать, что теперь только и остается явиться Христу для совершенія ихъ назначенія и исполненія обѣтованій на нихъ Божіихъ. Не пройдемъ здѣсь и такого о книгѣ Даніила вопроса: большая часть точныхъ въ ней пророчествъ относится къ исторіи языческой,—въ нихъ прослѣжены судьбы разныхъ царствъ и особенно борьба между Сиріею и Египтомъ. Свойственно ли это истинному Израильскому Пророку? И какое значеніе могло бы имѣть это для Израиля, которому вручена Даніилова книга?—Вопросъ отчасти рѣшенный также выше. Судьба іудеевъ и слѣдовательно самой Церкви, послѣ плѣна вавилонскаго, соединяется тѣсно съ другими языческими народами. Смѣна вавилонскаго владычества персид-

скимъ дала іудеямъ освободителя Кира; смѣна персидскаго могущества греческимъ дала имъ новыхъ владыкъ и, сверхъ того, новое направленіе мыслей и политики, столько разнящееся отъ древне-теократическаго; борьба Сирійцевъ и Египтянъ опредѣляла зависимость іудеевъ то отъ тѣхъ, то отъ другихъ, и слѣд. такую или другую участь ихъ. Исторія народа Божія, въ это послѣднее время, именно становится исторіею этой взаимной борьбы между Селевкидами и Птоломеями. Поэтому, въ Даніиловыхъ пророчествахъ о языческихъ царствахъ, іудеи должны были читать собственную свою судьбу. А сверхъ того, когда Богъ Израилевъ предначерталъ судьбу и дѣла тѣхъ языковъ, которые дѣйствительно притѣсняли іудеевъ: то вѣрующему Іудею было очень понятно, что съ такою перемѣною древне-теократическаго порядка дѣлъ,—съ этою жалкою зависимостію іудеевъ отъ языковъ, — народъ избранный находится всё же подъ вседержавною десницею своею Всевышняго Царя, что Всевышній Царь ихъ есть Владыка и надъ ихъ притѣснителями; и так. об. іудеи не перестаютъ быть избраннымъ народомъ Божіимъ. Слѣдовательно, для мрака сихъ послѣднихъ временъ Церкви ветхо-завѣтной потребенъ былъ именно такой пророчественный свѣточь, какой представляютъ Даніиловы пророчества.

Такимъ образомъ то самое въ содержаніи книги, что столько путаетъ противниковъ и составляетъ для нихъ камень преткновенія въ отношеніи къ книгѣ Даніила, на самомъ дѣлѣ только по-

казываетъ и утверждаетъ неподдѣльность сокровища Слова Божія, здѣсь содержащагося.

Въ духѣ книги и въ образѣ раскрытія въ ней предметовъ находятъ новыя преткновенія для себя противники. Такъ кажется возражателямъ, что книга Даніила написана въ духѣ и со взглядомъ на вещи, свойственнымъ позднѣйшему времени. — Писатель книги будто бы не во всемъ удовлетворяетъ требованіямъ истиннаго духовно-нравственнаго совершенства; но что касается внѣшнихъ дѣлъ, до формъ церковныхъ, онѣ у него развиты и наблюдаются строго, какъ это извѣстно объ іудеяхъ втораго Іерусалимскаго храма; догматика его чужда древней простоты; о религіи Вавилонянъ онъ судитъ будто бы по Греческому язычеству; бѣдствія и скорби преобладанія Епифанова будто примѣтно отражаются въ его сказаніяхъ. Нужно изслѣдовать и эти клеветы. Писателю книги ставятъ въ предосужденіе духовно-нравственнаго его достоинства то, что онъ нерѣдко выставляетъ на видъ свои необыкновенныя достоинства, напр. 1, 1—20; 11, 4—48; V, 11; IX, 23 и пр. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Святый Писатель повѣствуетъ, какъ было дѣло; не себя самаго хвалитъ, а только соблюдаетъ историческую точность. Подобное замѣчается и у другихъ священныхъ писателей; напр. извѣстно, скрываютъ ли Моусей въ пятокнижіи или Давидъ въ псалмахъ свои духовныя совершенства. И это вполнѣ свойственно дѣтскому чистосердечію и откровенности ветхо-завѣтнаго человѣка; не говоря уже о томъ, что такое сви-

дѣтельство о нихъ даетъ чрезъ нихъ Духъ Божій, а не они сами по себѣ. Чтобы судить, какъ Пророкъ смотрѣлъ на свои достоинства, — надобно взять во вниманіе не историческія сказанія, а тѣ мѣста въ книгѣ, гдѣ вся его душа изливается предъ Богомъ, или гдѣ онъ самъ изъясняетъ предъ кѣмъ либо свои достоинства. Праведникъ и Пророкъ, котораго еще въ юные его годы другой Пророкъ ставилъ въ одинъ рядъ съ Ноемъ и Іовомъ, засвидѣтельствованными отъ самаго Бога въ безпримѣрной праведности, такъ молится Господу: «согрѣшили мы, сдѣлались виновными, преступниками, непокорными, и отступили отъ заповѣдей Твоихъ. Не слушали мы рабовъ Твоихъ пророковъ.... *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица*» (IX, 5—7). Первый изъ мудрецовъ такъ былъ занятъ своею мудростію и откровеніями: «тайна сія открылась мнѣ не потому, что есть во мнѣ духъ, отличный отъ всѣхъ живущихъ, говоритъ онъ Навуходоносору, но для того, чтобы царю изъяснить смыслъ сна.» (2, 30). Сказать тоже другими Апостольскими словами: *не себе самѣхъ проповѣдуемъ, но Господа, себе же рабовъ вѣмъ* (2 Кор. 4, 5). Впрочемъ нельзя не замѣтить, что Пророкъ съ особенною живостію и любовію выставляетъ на видъ несравненное превосходство Боговдохновенной премудрости предъ языческою мудростію,—какъ и свойственно обладающему сокровищемъ благодати радоваться о немъ во славу Благодателя.

Мнимо-позднія нравственныя понятія, соблюденіе

внѣшнихъ церковныхъ формъ и уваженіе внѣшнихъ дѣлъ находятъ въ томъ, что Пророкъ имѣетъ особенную молитвенную горницу, употребляетъ на домашнюю молитву опредѣленные часы, обращается въ молитвѣ къ сторонѣ Сіона, изнуряетъ себя постомъ для возвышенія къ пророческимъ откровеніямъ, предлагаетъ раздавать милостыни для умилостивленія Божія. Но еще Давидъ удалялся въ особую горницу для изліянія своей духовной скорби о смерти Авессалома (2 Цар. 18, 33); Илія удалялся въ свою горницу для молитвы и воскрешенія умершаго сына вдовы (3 Цар. 17, 20). О троекратномъ славословіи въ опредѣленное время говоритъ псалмопѣвецъ (Псал. 54, 18). Сіонъ и храмъ, начиная отъ временъ Давида и Соломона, привлекали къ себѣ очи, мысли и сердца молитвенниковъ, какъ видно изъ псалмовъ; Іона и изъ чрева Китова свои молитвенные вопли устремлялъ ко храму Святому. Постъ, какъ путь къ Боговѣдѣнію и Богооткровенію, проходили еще Моисей и Илія. Объ умилостивленіи Божіемъ милостынями говоритъ Соломонъ (Притч. 14, 21. 31). Если все это въ нашей книгѣ высказывается съ большею положительностію сравнительно съ ранними св. писателями: то это свойственно всякой идеи съ продолженіемъ времени получать болѣе опредѣленную и точную форму. Дѣло впрочемъ понятное, что возражатели, не понимая духа и значенія указанныхъ дѣлъ благочестія, низко и грубо думаютъ о нихъ, и потому усиливаются унизить авторитетъ самаго Священнаго Писателя; тогда какъ на са-

момъ дѣлѣ авторитетомъ Пророка утверждаются высокое значеніе и благодатно-живой духъ сихъ дѣлъ, обычныхъ всякому истинно-вѣрующему.

Въ вѣроученіи поражаетъ раціоналистовъ, что Мессія представленъ у Даніила не въ образѣ земнаго царя, а прямо въ состояніи вышемірнаго превознесснія (7, 13. 14), что прямо указаны воскресеніе, судъ и вѣчная жизнь, что подробнѣе прежняго открыты тайны міра духовнаго и отношенія его къ земнороднымъ. Догматика древне-пророчественная будто-бы проще, и мало и не столь прямо касается сихъ выспреннихъ таинъ. На это должно сказать, во первыхъ, что всѣ помянутыя истины можно найти, хотя не въ такой открытности, и у прежнихъ священныхъ писателей, что сущность вѣроученія Даніилова обща у него со всѣми пророками. Такъ превознесеніе Христово указано въ псалмахъ (напр. 109, 1. 2); послѣдній судъ въ концѣ книги Екклезіаста. Участіе духовъ въ дѣлахъ и судьбахъ человѣческихъ видно у Іова. Если же у нашего Пророка все это раскрыто обстоятельнѣе и прямѣе: то, во 2-хъ, должно сказать о семъ, что это согласно съ общимъ порядкомъ Божіихъ откровеній. Когда ветхо-завѣтное образовательное церковное устройство изветшало до того, что уже могла быть опасность остановиться вѣрующимъ на одномъ земномъ, естественномъ, не восходя къ духовному и небесному: то потребно было откровеніе прямо, какъ о царѣ и царствѣ *не отъ міра сего*, какъ объ устроителѣ и области будущей вѣчной жизни,—и въ семъ случаѣ было естественно,

чтобы открылись нѣкоторыя подробности духовнаго Царства Божія. Таковъ общій законъ ветхо-завѣтныхъ пророчествъ! Слѣдовательно, откровенія книги Даніила не выходятъ изъ ряда другихъ пророчественныхъ откровеній, а занимаютъ между ними неоспоримое, такъ сказать *необходимое* мѣсто.

Взглядъ на религію Вавилонянъ, взятый съ греческихъ воззрѣній, находятъ въ кн. Даніила въ томъ, что Навуходоносоръ (3, 92) выражаетъ идею о Божіемъ Сынѣ, между тѣмъ какъ сыны боговъ извѣстны у Грековъ. Но, во 1-хъ, какъ выраженіе *сынъ человѣческій*, даетъ собственно мысль о человѣчествѣ: такъ и выраженіе *Сынъ Божій*, въ устахъ язычника, даетъ мысль только о томъ, что явившійся въ пещи показался ему лицемъ Божескимъ. А это можетъ быть и безъ воззрѣній религіи греческой. Господь открывалъ ему тайну спасенія трехъ отроковъ—въ такомъ лицѣ, которое является не просто какъ человѣкъ, но и какъ Богъ, — какъ Божія Сила, и Навуходоносоръ выражаетъ то, что ему открыто, — называя явившагося Сыномъ Божіимъ. Во 2-хъ, несправедливо, что идея Сына Божія была вовсе незнакома Вавилонянамъ. Когда Вавилонянъ извѣстны божества Винъ и Милитта— мужеское и женское: то и мысль о сынахъ боговъ не могла быть чужда имъ. И наконецъ въ 3-хъ, это самое по себѣ доступное и особенно въ Вавилонѣ не чрезвычайное понятіе *Сына Божія*, въ настоящемъ случаѣ торжества вѣры и благодати, когда предъ самыми языками открывалась слава истиннаго Бога, могло и должно быть очищено и воз-

вышено въ Навуходоносорѣ до своего истиннаго значенія свѣтомъ вышеестественнаго видѣнія.

Бѣдствія временъ Епифана представляются противникамъ выразившимися въ мучительствѣ Навуходоносора за непоклоненіе истукану, въ скорби Даніила объ Израилѣ, въ рѣчи его о разсѣяніи Израиля, когда уже іудеи возвратились изъ плѣна (при Кирѣ). Но мучительство Навуходоносора имѣетъ особый характеръ противъ Антіоховъ: этотъ *не терпитъ вѣры* іудейской, и царь вавилонскій вступается собственно за непокорность его волѣ. Скорбь Даніила объ Израилѣ, когда обѣ его половины были внѣ земли обѣтованной, и храма у него уже не было, когда чрезъ то, по тогдашнему времени, церковь представлялась въ крайней опасности, — эта глубокая скорбь очень понятна и естественна, хотя Пророкъ и былъ однимъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ, и народъ іудейскій не терпѣлъ притѣсненій. Говорить Пророку о разсѣяніи Израиля, и по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, было свойственно и потому, что Ефремляне или всѣ десять колѣнъ Израильскаго царства были въ разсѣяніи и изъ самихъ іудеевъ не всѣ возвратились, — и потому, что онъ видѣлъ и настоящее озлобленіе, и провидѣлъ всѣ имѣвшія послѣдовать разсѣянія избраннаго народа.—Так. об. все сказанное обращается не противъ, а въ подтвержденіе подлинности книги Даніила.

Образъ раскрытія предметовъ кажется для противниковъ не свойственнымъ Пророку въ двухъ отношеніяхъ, —во 1-хъ—по своей монотонности и про-

заической, строгой точности. Таковы ли, говорятъ, всѣ прочія пророческія книги? но эта особенность нашей книги согласна съ личною особенностію Пророка Даніила; не поэтическое настроеніе, а духовное любовѣдѣніе и точность—его характеръ. Сообразные съ симъ и звуки извлекъ изъ сего органа Святый Духъ. Во 2-хъ, по недостатку въ книгѣ нравоученія, увѣщаній, обличеній. Но Пророкъ Даніилъ, не какъ прочіе, не говорилъ рѣчей предъ народомъ, а записывалъ только откровенія.—По этой особенности его пророческаго поприща, у него не ораторскій, а историческій методъ пророчествованія.—А извѣстно, распространяются и священные историки чрезъ изліяніе своихъ ощущеній и чрезъ вразумленія другихъ. Нѣтъ, у нихъ только факты и факты, которыми располагаетъ Самъ Господь Богъ. Тоже, согласно съ благопотребною и принятою методою, оказывается и у Святаго Даніила: оно раскрываетъ откровенія такъ, какъ они послѣдовали, и не говоритъ болѣе ничего.

Остается разсмотрѣть еще одно выраженіе, по видимости, одно изъ самыхъ сильныхъ, но послѣ столькихъ и такихъ доказательствъ подлинности уже не слишкомъ важное для насъ есть въ книгѣ нѣсколько греческихъ словъ. Такихъ словъ находятъ до десяти: πρότιμοι, φλεγμα, κήρυξ, κηρύσσων, κυθαρὶς, βαμβύκη, συμφωνία, ψαλτήριον, πέταλος, νόμισμα,—каждое изъ этихъ словъ, въ своихъ согласныхъ буквахъ, безъ перемѣны является въ текстѣ халдейскомъ Даніиловой книги. Изслѣдованія ученыхъ, по этому предмету, представляютъ два

важныя обстоятельства. Во первыхъ, почти всѣ изъ словъ, кажущихся взятыми съ Греческаго, совершенно объясняются изъ халдейскаго или другихъ сродныхъ съ нимъ языковъ.—Касательно сихъ словъ, слѣдовательно дѣло рѣшено: эти слова не Греческаго, а семитическаго происхожденія, а сходство ихъ съ Греческими словами или случайно, или же зависитъ отъ перехода ихъ въ Греческій языкъ съ востока. Такихъ заимствованныхъ отъ востока словъ находятъ у Грековъ не мало. Подобное сходство словъ замѣчается и въ другихъ, отдаленныхъ между собою, языкахъ: напр. не мало словъ русскихъ, близкихъ къ санскритскимъ. Если же неудобно изъясняются изъ семитическихъ языковъ, въ нашей книгѣ, два-три слова, служащія именами музыкальныхъ инструментовъ, какъ σρατέβ, δνμθωνια, κνεαβιε (*): то во вторыхъ, дознано, что

(*) Правда, нѣкоторые изслѣдователи и эти слова относятъ къ халдейскому или другому сродному съ нимъ языку на такихъ основаніяхъ: въ оставшихся словесныхъ памятникахъ сихъ языковъ, по которымъ только и можно изъяснять наши слова, конечно сохранился не весь составъ сихъ языковъ: потому, когда нѣкоторыхъ словъ не находимъ въ словесныхъ памятникахъ,— это еще не доказываетъ, что такія слова чужды тѣмъ языкамъ. Если напр. въ книгѣ Исаіи есть слова такія, которыхъ нѣтъ еще ни въ одной книгѣ: то почему же того не можетъ быть и въ книгѣ Пророка Даніила? Довольно того, что наибольшая часть словъ, кажущихся Греческими, изъясняются вполнѣ изъ семитическихъ языковъ: въ этомъ уже есть основаніе относить къ тѣмъ же языкамъ и остальныя три слова. Кромѣ того, именно извѣстно, что значительное количество именъ музыкальныхъ инструментовъ заимствовано Греками съ Востока. (Hadek krit.

еще прежде Александра Великаго Греки бывали въ столкновеніяхъ съ востокомъ; и потому прежде эллинизаціи востока, послѣдовавшей отъ завоеваній Александра, отнюдь не странно распространеніе здѣсь нѣкоторыхъ греческихъ понятій и словъ. Еще Сеннахиримъ имѣлъ дѣло съ Греками въ Киликіи; братъ поэта Алкея былъ въ Вавилонѣ; въ войскѣ Дарія противъ самаго Александра находились нѣкоторые Греки, еще при мидійскомъ владычествѣ выселившіеся на востокъ. Чтожъ мудренаго, если на востокѣ нѣкоторые греческіе инструменты, отличающіеся особеннымъ музыкальнымъ достоинствомъ (что свойственно Грекамъ), перенимались туземными жителями безъ перемѣны своихъ названій? особенно это могло быть въ Вавилонѣ при Навуходоносорѣ, стремившемся властію воспользоваться всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ. Очень естественно, что у него на всенародномъ государственномъ торжествѣ имѣла мѣсто и греческая Эстетическая музыка. И такимъ образомъ, греческія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ Даніила, служатъ однимъ изъ важныхъ историческихъ указаній, которыми вообще такъ богата его книга: именно, онѣ указываютъ на раннее ознакомленіе востока съ греческими изобрѣтеніями. Сему соотвѣтствуетъ то обстоятельство въ книгѣ, что Даніилъ зналъ о греческомъ народѣ,—ибо при изъясненіи

---

unt. s. 101.) Впрочемъ можетъ справедливо показаться натяжкою производить не отъ чисто Греческаго συμφωνια—такое слово, въ которомъ видѣнъ есть составъ сложнаго греческаго слова.

одного видѣнія Ангелъ указалъ ему на имя греческаго царства, какъ на извѣстное понятіе (8, 21).

Послѣ всего сказаннаго, изслѣдованіе о подлинности книги Пророка Даніила можно заключить такъ: не говоря о множествѣ ясныхъ положительныхъ доказательствъ подлинности и исторической достовѣрности книги, самыя затрудненія, представляющіяся въ семъ отношеніи, не только вполнѣ разрѣшаются, но и сами большею частію обращаются въ доказательства происхожденія книги отъ Св. Пророка Даніила.